

С именем
Ленина
навсегда

КОСТЁР

5 МАЙ 1974

„Пионер! Твой гражданский долг, твой вклад в дела страны — хорошая и отличная учеба.

Помни! И всегда выполняйте ленинский завет — учиться! Только трудолюбие, настойчивость, любознательность помогут вам успешно шагнуть к вершинам знаний“.

„У вас перед глазами прекрасный пример — пример коммунистов, комсомольцев, вешших стюпов и матерей, старших братьев и сестер, которые не жалуют труда своего, чтобы страна была еще краше, еще сильнее. Коммуны, комсомольцы с гордостью называют себя ленинцами и делают все, чтобы высоко нести это имя“.

Е. М. Тажельмиков,
первый секретарь ЦК ВЛКСМ
"Пионерская правда",
23 января 1974 года

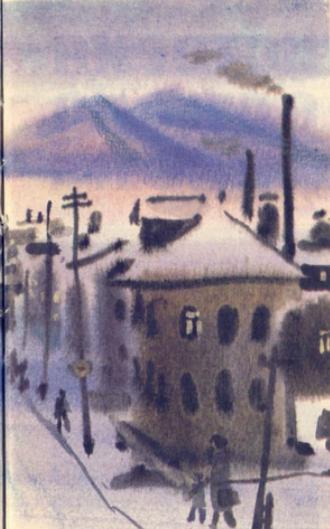
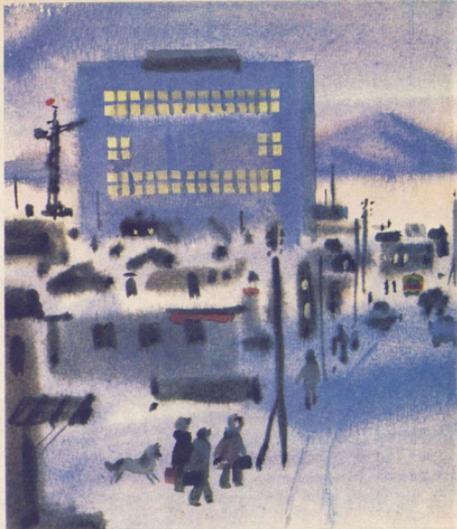
КОСТЁР

5
МАЙ
1974

Ежемесячный журнал ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации им. В. И. Ленина Союза писателей СССР
Издаётся с 1936 года

© „Костёр“, 1974 г.

ДВОРЕЦ НА КРАЮ ЗЕМЛИ

Вот они, хозяева нового Дворца

Люба Щеглаева,
бригадир отделочников

Сначала я увидел его с самолета. Красное здание из белого камня, такое здание — единственное на всей Чукотке. Это — Дворец пионеров.

Четырехэтажный, он стоит над городом, и у прохожих не надо спрашивать, как к нему пройти, потому что виден он с любого места Анадыря.

Чукотские девочки и мальчики — их мир удивителен для нас, городских людей. Летом около берега играют киты. А совсем близко от сваления — моржовые лежбища. Вокруг лежбища запретная зона для людей и моторов. Над ними не летают вертолеты, там нельзя стрелять. Иначе моржи испугаются, уйдут и не вернутся назад.

Но если морж далеко в море, один — спит на изъеденной солнцем льдине, то на него можно охотиться. Его мясо необходимо для корма песцам. Его шкуру поставляют в ирландские оленеводы. Девятилетнего мальчика в летние каникулы отец берет на вельбот — на большую моторную лодку. Они идут в море, охотятся на моржа. К моржу необходимо подплыть осторожно, с выключенным мотором. Стрелять же надо быстро и точно, иначе рессивиревший морской зверь пробьет мощными клыками борт вельбота, опрокинет людей в море.

Много работы у чукотских детей в каникулы. Звероферма — голубые песцы, для них надо собрать зелень в тундре. Олени стаде — неравно со взрослыми дети оберегают их. А если китовой до- ставит ките в селе- леньке, то все же даже первокурсники, даже председатели сельсоветов, спешат на берег, чтобы бы- стрее разделить вел- ликанскую тушу.

Зимой чукотские дети, как и все дети нашей страны, учатся в школе. Многие живут в интернатах. Чукотку еще в прошлые века прозвали краем земли, так далеко от нее до столиц и больших городов. Но хотя о метро, троллейбусах и трамваях чукотский школьник знает лишь по фильмам и кни- гам, хотя в интернет привозят его на собаках или на вертолете, пионер Чукотки идет едиными маршрутами со всеми пионерными странами.

В одной только школе поселка Узлен я насчитал больше десяти кружков. Здесь и юные друзья пограничников, и клуб интернациональной дружбы, и тимуровская команда. Я уже не говорю о кружке пения или резьбе по кости.

Но не было у чукотских пионеров своего дворца.

Операция «Чукотка» — в ней участвовали все пионеры Советского Союза, архитекторы Москвы, художники Эстонии, сибирские рабочие и дальневосточные моряки. Шли в Анадырь одинаковые письма и телеграммы, словно посланы они были одним человеком: «Хочу строить Дворец пионеров». Только обратный адрес у них был разный: Ленинград, Душанбе, Киев...

Дворец пионеров строили лучшие специалисты.

Например, Люба Щеглаева, бригадир отделочников. Три года назад она еще жила в Донбассе. Там она кончила школу, строительное ПТУ. А потом захотела посмотреть Север, поехала работать в Магадан. В Магадане на конкурсе штукатуров она заняла первое место. И тогда, для того чтобы направить Любу на Чукотку, ее послали сначала в Ташкент на курсы бригадиров-отделочников.

Пока Люба Щеглаева рассказывала нам о себе, пока жаловалась прорабу, что снова кончаются рейки, Михаил Беломлинский успел карандашом нарисовать ее портрет.

На четырех этажах Дворца пионеров расположены и зимний сад, и ленинский интернациональный зал, и шахматно-шашечный клуб, и большой зал для спортивных занятий. Есть еще одно большое помещение, которое всем показывают во Дворце пионеров. Это — бассейн. Ведь на Чукотке не было ни одного бассейна.

Я спрашивал многих чукотских ребят, умеют ли они лавать. И всегда мне признавались: «Нет». В тундровых речках вода ледяная, а в море — льдины все лето.

Мы уезжали из Анадыря в сумерках.

Окна Дворца светились. Я знал — это строители спешат, работают с утра до вечера, ведь не зря на фасаде Дворца повесили лозунг, призывающий сдать строительство досрочно.

Дворец пионеров — подарок чукотским ребятам.

Подарки бывают разные. Нередко один человек дарит другому какую-нибудь вещь, ножичек или картинку. Это, конечно, тоже хорошо.

Но такого подарка, как Дворец, пожалуй, еще не бывало на Земле. Тысячелетняя история не знает такого случая, чтобы дети разных республик, незнакомые друг другу, однажды соединились, вместе поработали и на заработанные своими руками деньги послали в подарок на край советской земли — Дворец.

Дворец пионеров на Чукотке можно назвать символом интернациональной дружбы всех народов нашей страны, всех пионеров Советского Союза.

В. Воскобойников
Рисунки М. Беломлинского

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПОИСКА

Виктор Того

„Они защищали Ленинградское небо“ — так называется музей 371 школы. Ученик 10-6 класса Женя Щемелов проводит экскурсию около стенда, посвященного Герою Советского Союза летчику Севастьянову

ГДЕ НАДО ИСКАТЬ?

Знали: самолет упал в районе поселка Рахья.

Еще зимой пятиклассники совершили туда лыжную вылазку. Своими глазами увидели мемориальную доску на местной школе, где сказано о гибели самолета А. Т. Севастьянова.

Но где именно упал самолет? В рахьин-

Окончание. См. „Костер“ № 4, 1974 г.

ской школе ребята тоже многие годы собирали материалы о герое, но и там сказать об этом никто не мог.

Решили идти по домам, спрашивать старожил.

Очевидцев падения разных самолетов оказалось не так уж и мало. Но...

«Да-а... Видела, как упал самолет... Горел... Ой, как горел!.. Где-то тут и упал... Но то был немецкий!..»

«Самолет?.. Да, видел. Летом это было... Не то в июле, не то в августе...»

«Большой такой, двухмоторный... Чуть дом наш не сбился... Как брякнется... Вон там, за огородом...»

Ни двухмоторные, ни падавшие летом, ни тем более фашистские самолеты ребят не интересовали. Они искали одномоторный «МИГ-3», упавший весной, в конце апреля.

Так прошла зима 1966 — 67 учебного года...

В начале следующей осени юные следопыты снова поехали в Рахью. Снова пошли по квартирам.

И вдруг в доме мастера участка Александра Алексеевича Демина услышали рассказ:

— Видел я бой... Тот, про который спрашиваете. В конце апреля сорок второго года... Что могу рассказать? Было это днем. Солнечным, погожим. Видимость — отличная... На какой высоте дрались? Метров, наверное, четыреста. В общем, и звезды на крыльях я видел, и даже голову летчика в шлеме. На него — на нашего-то — навалились сразу трое. Уже в воздухе не стало у него крыльев, а потом и хвоста. Потом, гляжу, падает. Вот так, под углом... Мы к нему бегом. Прибежали — воронка дымится, в ней уже — вода... Погиб он, тот парень. Место я вам покажу. Примерно, конечно.

Это была удача!

ЕДИНЕНИЕ СИЛ

Все складывалось наилучшим образом. Следопыты на-

шли очевидца падения самолета. Кроме того, бывший инженер 26-го авиаполка Павел Михайлович Замятин брался уточнить это место, так как сразу через два часа после боя побывал там и даже вешку поставил.

Теперь нужно было искать. На том и порешили. Вот только растает снег. Ясно было и другое: искать самолет, упавший с высоты восьмисот метров в болото, без соответствующей техники трудно, даже бессмысленно. Самолет ушел под землю. Нужны миноискатели. Но где их взять?

Обратились в Московский райком партии Ленинграда.

Направили письмо в штаб Ленинградского военного округа.

Объяснили, как необходимы миноискатели. Период сбора материалов кончился. Начался период действий. Своими знаниями о подвиге Севастьянова, о его жизни они решили поделиться с ребятами из других школ. Сзвали городской слет всех пионерских дружин, носящих имена героев-летчиков.

КАЗАКОВ, КОТОРЫЙ КАЗАКОВА...

На слет пригласили однополчан А. Севастьянова. Послали письмо Е. Н. Казакову, председателю Совета ветеранов 26-го авиаполка. Уж ему-то наверняка есть о чем рассказать!

Каково же было удивление всех, когда вместо Е. Н. Казакова приехала женщина.

— Простите... — сказали ей, — а ваш муж?.. Он что, не смог приехать?

— Муж?.. — улыбнулась женщина. — Я и есть тот человек, кого вы пригласили. Только я не Казаков, а Казакова. Евгения Николаевна, бывший сержант 26-го авиаполка, специалист по вооружению. Готова вам помочь.

Ну и ну! Женщина во главе Совета ветеранов!.. Да еще в авиационном полку!

ИЗ ДНЕВНИКА Е. Н. КАЗАКОВОЙ...

3 сентября В 11 часов ко мне 1968 г., на работу пришел вторник В. С. Цыганенко.

Сказал, что новая поездка была успешной. С помощью местного жителя А. А. Демина удалось установить примерное место падения самолета. Василий Степанович нарисовал схему предполагаемого квадрата. Нужны бульдозеры и экскаватор. Нужны также минеры.

9 сентября Минеров обещали 1968 г., прислать. Приедут и понедельник школьники. Выезд на место 13 сентября...

13 СЕНТЯБРЯ 1968 ГОДА

Они приехали в поселок Рахья. Ветераны — В. С. Цыганенко, А. Д. Серебрянников, П. М. Замятин, Н. И. Ладанов, В. А. Борисов. Преподаватель 371-й школы В. В. Семочкин. Школьники Женья Шепелев и Саша Титкин.

Соборались у конторы Ириновского торфопредприятия. Здесь их уже поджидал Александр Алексеевич Демин.

Подошла машина с минерами. Можно ехать на место.

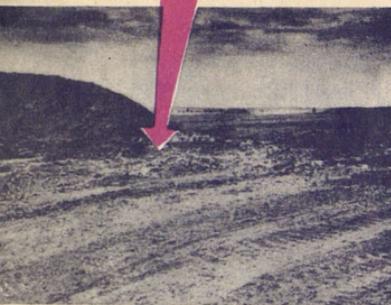
Волновались все страшно. Найдем? Не найдем?.. Все-таки четверть века прошло. Может, истлело все?

Гладкое рыжее поле, бывшее когда-то болотом.

Демин сказал: «Где-то здесь...»

Поставили вешки. Строго в одну линию. Одна вешка, вторая, третья... А параллельно — в пятидесяти метрах — другая такая же линия. Так и было разделено все поле на коридоры из вешек. По бокам вешки, а с торцов — торфяные кучи.

Идет поперек коридора солдат с миноискателем. Идет от

Здесь врезался в землю горящий самолет Севастьянова

вешки к вешке. Пятьдесят шагов туда. Пятьдесят обратно. Держит солдат в руках железную трубу, оканчивающуюся железным патрубком. Этот патрубок — магнит. Несет его солдат над самой поверхностью земли. На голове у солдата наушники, на боку — коробка. В коробке прибор со шкалой и стрелкой. «Услышит» магнитный патрубок железо в земле, зашумит в наушниках у солдата, запрыгает стрелка прибора. И тогда спешит на место экскаватор. Вгрызается зубастым ковшом в грунт, а все ждут, обмирая, что же сейчас откроется глазу, что спрята-но в недрах земли... Металлический болт... Больше ничего...

Снова идет солдат по полю. Снова шумит в наушниках, и снова прыгает стрелка прибора. На этот раз ковш экскаватора извлекает из земли металлическую рельсу.

— А ну-ка отдохни, браток. Дай я... — не может сдержат нетерпения Василий Степанович Цыганенко.

Не поведал молодому воину, может быть, повезет ветерану, может быть, у него более чуткое ухо и больше мастерства.

Пятьдесят шагов туда. Пятьдесят обратно. Так и ходят они по очереди: молодой солдат и солдат-ветеран.

Целых три дня поисков! Шум наушников еще не раз заглушит биение их сердец. Но бесплодные все усилия. В конце третьего дня молчаливый Цыганенко скажет в отчаянии:

— Слушай, Александр Алексеевич, сделал бы ты какой-нибудь шуп.

Демин не заставит себя угорваривать. Из подручных средств будет сооружен длинный штырь. Один раз забьет его в землю. И второй. И удостоверятся, что на глубине 1,8 метра залегает песок. Какой вывод? С болота уже снят двухметровый пласт торфа: весть первоначальная толщина пласта была около четырех.

— А самолет ушел на шесть-восемь метров, — думает вслух Павел Михайлович Замятин.

16 сентября, к вечеру, экскаватор извлечет из земли метал-

лическую деталь. Всю ржавую. Ржавчину отобьют, и деталь отправят на экспертизу в Ленинград. И будут, волнуясь, ждать ответа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ЭКСПЕРТОВ

«Металлический предмет, найденный 16 сентября 1968 года близ предполагаемого места падения самолета «МИГ-3», никакого отношения к указанному самолету не имеет».

И наконец, удар, который мог оказаться последним: решением специалистов дальнейшие поиски были признаны нецелесообразными.

ПЕРВЫЕ ШАГИ ПОСЛЕ НЕУДАЧИ

Всем была ясна причина неудачи: слабая техника. Нужны хорошие миноискатели! Приняли решение: действовать по всем каналам. Еще один помощник ребятам Наталья Афанасьевна Малюткина поехала в Ленинградское отделение Всероссийского общества охраны памятников истории. Рассказала о поиске. О неудачах. Сумела убедить в необходимости и дальше искать героя. В штаб военного округа пошло такое письмо:

Члену Военного Совета Ленинградского ордена Ленина военного округа генерал-лейтенанту Можаяву Ф. А.

31 октября 1968 года

г. Ленинград
Президиум Совета Ленинградского городского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры обращается к Вам с просьбой принять все возможные меры для извлечения самолета с останками до сих пор не погребенного Героя Советского Союза летчика 26-го Гвардейского истребительного авиационного полка А. Т. Севастьянова, погибшего 23 апре-

ля 1942 года во Всеволожском районе между станциями Рахья и Проба.

Заместитель Председателя Президиума С. Пермский

БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ...

Конечно, жизнь шла своим чередом. Ребята учились. Писали контрольные работы. Проводили пионерские сборы. Но во всем этом не было прежнего настроения. Поселилась в душах неуверенность...

А в середине декабря в школу пришел окончательный отказ. Минеров больше не будет. В кабинете Екатерины Ефимовны снова школьники и ветераны. Что делать? Может, не стоит больше искать? Ведь столько уже сделано. Три года — и все безрезультатно. «Вы что же думаете, — сказал тогда один из присутствующих, — армии заниматься больше нечем? Вам дали технику, дали солдат. Они искали. Но ведь без малого тридцать лет прошло! Ничего уже в земле нет. Вы гоняетесь за тенью!»

А как же клятвы? Клятвы, которую ребята дали матери!

Решили — искать. И снова поехали в Рахью. И встретили там еще одну свидетельницу боя — Марию Митрофановну Грекову.

„ИСКАТЬ НАДО ЗДЕСЬ...“

Мария Митрофановна работала на участке Гладкое. Она нисколько не удивилась ребятам. Как будто ждала их прихода...

— Да, видела, как он падал... Я торф носила. С болота в кучу. Как раз шла по дороге. И вдруг такой шум, треск... Испугалась! Молоденькая была, совсем девочка. Испугалась и легла на дороге. Он чуть меня не сшиб... Где упал?... Дайте-ка вспомню... Вот так я шла... Здесь он упал... Искать надо здесь!

БОЛЬШЕ ПЕРЕМНЫ

Эта встреча подстегнула ребят. Надежда вернулась в их сердца. И они решили — напишем генералу армии П. И. Батову — уж он-то наверняка поможет. Так и сделали. И вскоре пришел ответ: продолжить поиск!

ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Седьмого июня 1971 года к полудню в Рахью прибыли саперы: младший лейтенант В. Д. Белоруков, младший сержант А. А. Керуто, ефрейтор В. В. Басов, рядовые А. Е. Храмов, В. А. Ступак, А. И. Ковжин.

Снова, как два года тому назад, активно участвует в поиске А. А. Демин. Здесь же М. М. Грекова.

Снова шагает по земле солдат. Пятьдесят шагов вперед. Пятьдесят назад. Но теперь он во всеоружии новейшей техники: в руках легкий электромагнитный индикатор, компактный ранец за спиной.

Метр за метром прослушивается болото. Экскаватор роет рыжую землю. Теперь трофеев гораздо больше. Старые рельсы узкоколейки, ступицы автомобиля, колеса вагонеток и разный прочий металлолом... А это что? Кусок снаряда?! Это уже оттуда. С войны.

Понедельник. Вторник. Среда... С раннего утра и до позднего вечера идет поиск погибшего самолета. Лето. У школьников экзамены. Но школа по-прежнему живет одним — поиском. На поле днюет и ночует преподаватель физкультуры Виктор Васильевич Семочкин. Дежурят ветераны. Понедельник — Красюков и Литенков. Вторник — Курсков. Среда — Цыганенко. Ходят с миноискателем солдаты. Ходит неутомимый Цыганенко. Ищет своего боевого товарища.

Четверг... Пятница. Пройден почти весь намеченный квадрат, остался маленький уча-

сток, совсем еще недавно занятой торфяной кучей.

Завтра суббота, потом воскресенье — выходные дни. 15 июня уйдут минеры. «Не найдем — конец» — записывает в дневнике Е. Н. Казакова.

ПОНЕДЕЛЬНИК, 14 ИЮНЯ 1971 ГОДА

Идет солдат по полю. Пятьдесят шагов туда, пятьдесят обратно. Пятьдесят туда... Обрато — шаг, второй, третий... Пятый... Шестой... Вдруг стрелка прибора резко идет вправо, со стуком упирается в край шкалы.

Срочно — экскаватор!

И вот уже ревет мотор, придавленная гусеницами торф, пробирается к месту находки машина. Григорий Борисович Булгаков крепко сжимает пальцами рычаги управления. Заглох было и снова затарахтел мотор, дрогнул, пошел вниз ковш. Блестящие зубья врезаются в коричневую массу. Под пластом приподнятой торфяной земли блеснул металл — изогнутый смятый лист алюминия со следами краски. Крыло самолета!

Копать дальше?

Нельзя. Нужна комиссия, нужны эксперты, врачи, оружейники, ветераны полка. Каждый найденный предмет надо сфотографировать, описать, сберечь.

Да и тот ли это самолет?

ВТОРНИК, 15 ИЮНЯ 1971 ГОДА

После полудня на торфяном поле собрался десяток людей — все, кто имел отношение к поиску или кто был нужен для опознания самолета.

Не было героев поиска — школьников. Младшие уехали на летние каникулы, старшие в этот день сдавали экзамен.

Горько — но ничего не поделаешь...

Поднимается и падает экскаваторный ковш. Бережно извлекаются из земли части самолета. Вроде бы «МИГ»? Наконец открыто то, что было когда-то кабиной. Точно — «МИГ»! Двадцать девять лет пролежала кабина в земле. На рычаге — кожаная перчатка... В земле — лоскуты гимнастерки. На одном — орден Ленина. Но не один Севастьянов в полку был награжден этим орденом!

В карманах — подворотнички.

...Бывший шофер полка Николай Ильич Ладанов впился глазами в находки. Утром того трагического дня он снял с руки и отдал Алексею часы. Золотые. «После боя — вернешь». А бой оказался последним...

Из земли извлекаются одна за другой новые находки.

Вышитый кисет... Но ведь Севастьянов не курил!

Книжечка в картонном переплете. На обложке «Удостоверение личности начальствующего состава Красной Армии». Фотография слеплась с обложкой. Не отделить. Сквозь листок с обратной стороны с трудом читается: «СЕВАСТ...»

— А может, это Севастопольский? — раздается чей-то тихий голос. — Ведь был у нас и такой летчик.

Новые предметы. Кожаная кобура, в ней пистолет. Поржавевший «ТТ» с полной обоймой.

Компас. Ракетница. Ножи от финского ножа. И наконец — записная книжка. На ней четкая надпись «Москва, Ленинград. А. Севастьянов».

ПОСЛЕДНИЕ МИНУТЫ ЖИЗНИ

Это — самолет героя. Все, что отдала земля, принадлежало ему.

А вот и часы. Золотые наручные часы Ладанова. Они оставались в 13 часов 18 минут.

И еще одни. Карманные. У них нет минутной стрелки —

она отлетела в момент удара о землю. Но след вдавлившейся стрелки хорошо виден на циферблате — 13 часов 20 минут...

ПАРТИЙНЫЙ БИЛЕТ

...Всю ночь трудился военный эксперт доктор Гальцев. Обработывал каждый найденный лоскуток. И здесь, в окружном госпитале, была сделана еще одна находка. Был обнаружен партийный билет. Вот он!

Не пострадала ни одна записка. В партийном билете — газетная вырезка со стихотворением, посвященным герою, кавалитица на 2000 рублей, внесенные Алексеем Тихоновичем в Фонд обороны.

В криминалистической лаборатории подполковник милиции Б. В. Краверский и капитан милиции О. Н. Володимерская восстанавливали найденные документы.

Двадцать девять лет пролежали они в земле. Записи, сделанные чернилами, исчезли, но следы карандаша удалось прочитать. Помогли ультрафиолетовые и инфракрасные лучи. С их помощью даже удалось «увидеть» фотографию А. Т. Севастьянова на удостоверении личности...

Такова история тринадцатилетней работы красных следопытов. Выросли те, кто начинал ее. Многие пошли по стопам любимого героя и стали курсантами военных училищ, офицерами Советской Армии. Окончили школу или продолжают учиться в последних классах те, кто завершал ее.

Конечно, это поиск не мой. Мне искать было нечего. Я только рассказывал о нем. Все нашли ребята, ленинградские пионеры — школьники.

И не один. Без старших, без ветеранов полка, без других взрослых, помощников и руководителей, поиск юных следопытов не увенчался бы успехом.

Дело надо делать сообща.

НЕДОПЁСОК

ПОВЕСТЬ

Рисунки Т. Капустиной

СЕРДЦЕ ПЕСЦА, ДУША НЕДОПЁСКА

«Это, наверно, росомаха, — думал дошкольник, выходя из калитки на улицу, перепаханную вдрызг тракторами. — А может, барсук? Как раз полосочка на носу. Пстой, а не похож ли он на соболя? Нет, похож на лисицу. Но не очень. Какой-то недолисок!»

Тут мысли дошкольника побежали по дороге, проторенной уже плотником Мериновым: «Может, это помесь собаки с лисой? Лисья собачка? Собачий лис! Лисопес! Лисопесок! Песолисок! Съел одиннадцать сосисок или ирисок. Лис-пес! Лисица-псица! Лисец...»

— Песец! — закричал вдруг дошкольник, подпрыгнув на месте и выпалил из железной винтовки.

— Песец! Песец! Чтoб мне треснуть! Это песец!

Восхищенный своей догадливостью, дошкольник Серпокрьлов палил безостановочно в воздух. Песец неожиданно заупрямился,

Продолжение. См. „Костер“ № 4, 1974 г.

уперся лапами в землю и затряс головой, стараясь скинуть с себя веревку.

— Пойдем, пойдем, — торопил дошкольник, — надо спешить!

Наполеон бешено завертел головой и не мог вытащить ее из веревочной петли; упал, перевернулся на спину, задними и передними лапами стараясь сорвать веревку с шеи.

Дошкольник Серпокрьлов, надо сказать, был человек сообразительный. Он подождал, пока Наполеон успокоится, а потом заманчиво помахал мотоциклетной перчаткой.

— Пойдем со мной, — сказал он. — Перчаточку получишь. Хорошая перчаточка!

Однако и перчатка не помогла. Песец вовсе не заметил ее.

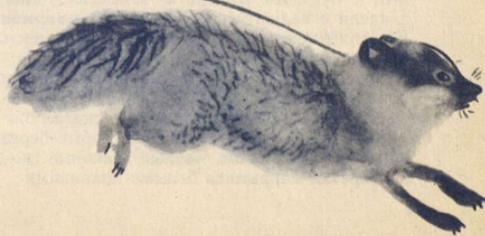
— Ну ладно, — сказал тогда дошкольник. — Ты не идешь за мной. Тогда я пойду за тобой. Беги куда хочешь.

Многих людей перевидал за свою жизнь Наполеон Третий, но никогда не встречал он таких маленьких, чуть выше елового пенька. Это Наполеону неожиданно понравилось, и еще понравилось, что дошкольник перестал дергать веревку и стрелять.

Недопесок на миг забыл про веревку, обнюхал снег и валенки дошкольника Серпокрьлова. От валенок пахло чуть-чуть мышами. И это Наполеону понравилось. Он оглянулся на мериновский двор и увидел Пальму, которая стояла у калитки. Наполеон кивнул ей на прощанье и установил нос свой на север.

— Валия! — шепнул дошкольник, и на север, точно на север побежал Наполеон через деревню Ковьялкино, а за ним дошкольник Серпокрьлов.

Гремели медали и ордена на груди дошкольника. Ему хотелось свистнуть изо всех сил, как свистят кавалеристы, скачущие в степи,

или взрывать мотором мотоцикла «Ява», который имеется у агронома, или хотя бы заорать петухом, но он боялся напугать зверя, бегущего перед ним. Зато на лице дошкольника отражались все эти желания: то прищуривал он кавалерийский глаз, то нахмурился агрономом, а то вдруг отражался на его лице пестрый петух, сидящий на заборе.

«Куда же он бежит? — думал Серпокрылов. — Неужели на север? Конечно, на север! Северный зверь должен бежать на север. На полюс!»

Серпокрылов смеялся, ему казалось, что он все знает, все понимает и, действительно, он все больше понимал, что это за зверь бежит перед ним, куда бежит и зачем.

«Он бежит на полюс! — думал дошкольник Серпокрылов. — А куда же иначе ему бежать. Вперед! Я там давно хотел побывать!»

Позвякивая боевыми орденами, бежал дошкольник Серпокрылов через деревню Ковылкино вслед за недопеском Наполеоном Третьим.

С каждым шагом увеличивался на его груди количество орденов, и все ближе был Северный полюс.

НА СЕВЕРЕ ДИКОМ...

Последний урок во втором классе был урок рисования.

Кончилась переменка. Техничка Амбарова пробежала по коридорам.

— Звонок не работает! — кричала она. — Движок барахлит. Свету нету! Току нету! Расходись по классам!

— Без звонка не пойдем! — кричали Белов и Быкодоров из четвертого класса.

— Дззззззз... — зазвела Вера Меринова.

— Дзынь-трынь! Трам-бля-бля! — подхватил весь второй класс, и скоро в школе раздался такой звон, какого никогда в жизни не устроит электрическому току.

— Кончай звонить! — закричал учитель рисования Павел Сергенч. — Готовь карандаш да альбом!

Во втором классе очень любили рисование и рисовали здесь отлично.

— Таланты! — говорил Павел Сергенч. — Петровы-Водкины.

Уроки свои Павел Сергенч начинал обычно с какого-нибудь фокуса. Вдруг доставал из кармана огромный гипсовый нос или приносил в рюкзаке лошадиный череп. Сегодня он пришел с пустыми руками и напрасно таланты глядели с надеждой на учительские карманы. Карманы не оттопыривались, гипсовый нос от туда не высывался.

Павел Сергенч прошелся по классу, остановился у окна.

— Сколько снега навалило, — сказал он.

Ребята поглядели в окно на старые березы, присыпанные снегом. Черные грачьи гнезда на березах накрылись белыми колпаками.

— Видите вы за фермой сосну? — спросил Павел Сергенч.

— Видим, видим, — закричал хорошист Миша Чашин.

— Посмотрите на нее хорошенько, — попросил Павел Сергенч.

Ребята с любопытством принялись рассматривать сосну, как будто ожидали, что Павел Сергенч сейчас устроит с нею какой-нибудь фокус.

Но Павел Сергенч ничего не устраивал, а сосна стояла, не шевелилась, подпирала мудрой головой серое ковылкинское небо.

Эта сосна была знаменита. Ни в деревнях, ни в окрестных лесах не было выше ковылкинской сосны, а медный ее ствол был толще самой огромной бочки.

— Это очень старая сосна, — сказал Павел Сергенч. — И вот каждое утро по дороге в школу я думаю, что это про нее написал Лермонтов стихотворение... Послушайте.

На севере диком стоит одиноко

На голой вершине сосна

И дремлет, качаясь, и снегом сыпучим

Одета как ризой она.

И снится ей все, что в пустыне далекой

— В том крае, где солнца восход,

Одна и грустна на утесе горючем

Прекрасная пальма растет.

Ребята помолчали, обдумывая стихотворение, а потом сразу стали спорить, про какую это сосну написано.

— Да не про нашу это!

— Про нашу! Про нашу!

— Погодите, — сказал Павел Сергенч. — Давайте по порядку. Миша Чашин.

Второклассники замолчали. Хорошист Миша Чашин пользовался в классе авторитетом. Его уважали.

— Это не про нашу, — сказал Миша Чашин. — Нету горной вершины. Почему ничего не сказано про ферму, а ведь она под сосной?

Миша Чашин сел на место, и слово взял Коля Калинин.

— Горной вершины нет, зато есть бугорок, — сказал он. — Но дело не в этом. Стихотворение про сосну, которая стоит одинокой. Значит, и про нашу. Значит, это наша сосна спит и видит пальму.

— Пальму Мериновых, — сказал Миша Чашин и засмеялся.

— Кокосу! — закричал Коля Калинин. — Не тебя же, дурака, во сне видеть!

— Спокойно! — сказал Павел Сергенч. — Калинин, сядь. Говори, Вера.

— Это написано не про сосну, — сказала неожиданно Вера, — а про одинокого человека. Он стоит, и ему печально.

— Ну сказанула!

— Тогда бы так и было написано: на голой вершине стоит человек!

— Ну ладно, — сказал Павел Сергенч. — Хватит кричать. Я согласен с Верой. Поэт пишет стихотворение о сосне, а сам думает, ко-

нечно, о своей судьбе, о других людях. Мы читаем и тоже задумываемся о себе и о других. Вот так. Ну, начали рисовать.

— Чего рисовать?

— Как чего — сосну, пальму, все, о чем написал Лермонтов. А Вера Меринова пойдет к доске рисовать цветными мелками.

Тихо стало в классе. Слышался только приятный шорох карандашей да стук мела по грифельной доске.

Синяя северная гора, изрезанная скалами, изрытая пещерами, охватила полдоски, красным мелом наметила Вера сосновый ствол. Горел огненный ствол, оранжевые ветки уползли вверх и добрались чуть не до портрета знаменитого химика Менделеева, который висел над доскою. На верхушке, там, где у сосны голова, нарисовала Вера кружок, а в нем — песок, песок, горячий утес, одинокую пальму. И так уж получилось, что листья ее были похожи на уши той Пальмы, которая сидела в этот миг в конуре.

— Хорошо, — похвалил Павел Сергенч. — А это кто такой под сосною?

— Песец, — ответила Вера. — Северный зверь.

— Очень хорошо, — подтвердил Павел Сергенч.

Вера почти закончила рисунок и решила еще разок глянуть на ковылькинскую сосну. Она подошла к окну, и тут же все смешалось у ней в глазах.

За школьным забором бежал по улице дошкольник Серпокрялов, а перед ним на веревке — Тишка, песец, северный зверь. Заприметив в окошке Веру, дошкольник остановился, поднял железную винтовку, прицелился и, конечно, попал в самое сердце. Песец дернул веревку — дошкольник соорудил нехорошую рожу и скрылся из глаз.

Из-за поворота тем временем появился новый человек — в овчинном полшубке, с зеленым сундучком на плече.

Вера так разволновалась, что еле дотянула рисунок до конца. Павел Сергенч поставил ей пятерку, посадил на место.

Тысячи мыслей пронеслись в голове Веры Мериновой, и из всех мыслей она выбрала одну, самую верную. Вера написала записку и перекинула ее Коле Калининну:

«Готовься! Будет дело!»

К чему надо готовиться, Коля не понял, и какое будет дело, не знал, но все последние пять минут сидел как на иголках и готовился к делу.

«Будь спокойна, Вера, — думал он. — Я готовлюсь!»

ПРИКЛЮЧЕНИЯ НА СЕВЕРНОМ ПОЛЮСЕ

К этому моменту погоны на плечах дошкольника Серпокрялова выросли уже до каких-то ненормальных размеров. Куда больше на них

сверкало звезд, чем в созвездии Ориона, и установить армейский чин дошкольника было трудно. Получалось что-то вроде супергеральдического.

На груди же его звенело столько орденов, что уже вешать некуда было. Грудь дошкольника Серпокрялова напоминала раскрытый сундук с драгоценностями. Вслед за песцом дошкольник пробежал через всю деревню. Веревку он старался не натягивать, чтоб она не резала шею песцу, и Наполеону почудилось, что он вновь свободен, а маленький человек просто бежит за ним вроде сто шестнадцатого.

На бугре под ковылькинкой сосной Наполеон остановился, оглянулся на дошкольника. Запыхавшись немного, дошкольник сопел и ласково глядел на недопесца.

С бугра от края до края видна была деревня Ковылькино. Что ж, настало время прощаться с ней. Много здесь прожито — шесть с половиной лет, — много пережито. Все теперь позади. А впереди — долгий путь на полюс, бураны, метели, вьюги. Впереди морозы в сто градусов и отряд полярников, во главе которых начальник Серпокрялов. В меховых унтах, с пистолетом в руке.

А Вера Меринова — фельдшерка.

— Товарищ начальник, — скажет она, — разрешите залезть на айсберг.

— Ладно, лезь, да смотри не задерживайся на макушке, а то скоро задует пурга. Сама знаешь, что такое север.

— Я мигом. Только слазаю — и обратно.

И вот Вера полезла на айсберг, и тут же задула пурга.

— Сидите в палатке, — приказал Серпокрялов полярникам. — А я пойду спасу ее.

И он быстро-быстро стал карабкаться на айсберг.

Пурга дула с нестерпимой силой, и не было ничего видно на земле, но все же начальник заметил Верку. Полумертвая от холода она лежала в снегу. А над нею стоял белый медведь. Тут начальник хлоп ему в ухо из пистолета — медведь шмякнулся!

Тогда Серпокрялов взвалил Верку на плечи и потащил ее вниз.

— Оставь меня, Леша, — слабым голосом просила Верка. — Дай мне умереть в снегу.

— Ни за что, — отвечал дошкольник. — Я спасу тебя.

— Спасайся сам, ты еще нужен людям, а я уже не нужна.

— Мы оба нужны, — отвечал начальник и брел в пурге, шатаясь, брел и брел, брел и брел и нес на плечах Верку Меринову.

— Эй, малый, погоди, — услышал вдруг он. Дошкольник оглянулся.

— Погоди, погоди, — говорил человек в овчинном полшубке, взбегая на бугор.

— Тебе чего, дядь?

— Хочешь конфетку?

— А то, — ответил дошкольник.

— Сейчас-сейчас, я тебе дам конфетку. Есть где-то конфетка во внутреннем кармане.

Тут человек в полушубке сунул руку за пазуху, пошарил там и высунул обратно.

— На, — сказал он.

Дошкольник протянул руку, а человек раскрыл свою. На ладони было пусто.

— Нет конфетки? — удивился человек. — Куда же она девалась?

Он подпрыгнул на месте и вдруг схватил веревку, на которой привязан был Наполеон Третий.

— Отдай собачку! — нехорошим голосом зашептал он. — Это моя собачка, а не твоя.

Он рванул веревку и изо всех сил толкнул в грудь дошкольника Серпокрылова.

Дошкольник Серпокрылов упал в снег.

БОЙ У КОВЫЛКИНСКОЙ СОСНЫ

Техничка Амбарова всунулась в дверь, оглядела класс равнодушным техническим взглядом и сказала:

— Свету нет, Павел Сергич... Дзынь... Конец уроков...

Как ни любили ребята рисование, конец уроков они любили еще больше. Все вскочили из-за парт и зазвонили на все лады.

— Беги за мной! — крикнула Вера Коле Калинину и выскочила из класса.

Коля в таких случаях долго не рассуждал. Когда ему говорили «беги за мной», его всегда охватывало волнение, он срывался с места и летел, сам не зная куда.

Выбежав на улицу, он с ходу обошел на повороте Веру Меринову и ударил по снежной

дороге подшитыми валенками. Только через полсотни шагов Коля остановился.

— Куда мы, Вер?

— В погоню! Серпокрылов песца увел!

— Песца! — закричал Коля. — Ура! В погоню! Какого песца?

— Настоящего.

От таких слов у Коли голова кругом пошла, он не стал разбираться, что это за песец и откуда, он только подпрыгнул на месте, будто горячий конь ударил в землю копытом, и помчался напрямик к одинокой ковылкинской сосне, под которой маячила фигура в офицерской фуражке. Подбежав к сосне, Коля удивился, что у дошкольника не видно никакого песца. Но, может, дошкольник его за пазухой прячет! Поэтому Коля не стал рассуждать, где у дошкольника песец — за пазухой или под шапкой.

— Ура! — закричал он. — Вот он, дошкольник Серпокрылов! Дави дошкольника!

С разгона налетел Коля на Серпокрылова, сбил в снег офицерскую фуражку. Но дошкольник был не из тех людей, которых можно было взять на ура. Он уперся коленом в живот противника, сообразив, что наконец-то настал час, когда можно применить известный ему прием японской борьбы дзю-до.

— Стой! — закричала Вера, подбегая. — Песца замнет!

Слово «замнет» притормозило Колю Калинина. Он теперь совершенно убедился, что песец у дошкольника за пазухой. Поэтому Коля ослабил мертвую хватку. Но дошкольник Серпокрылов точно знал, что за пазухой у него

ничего нет, кроме гордого, яростного сердца. Тут Коля и попал на прием. Одним махом дошкольник перекинул его через бедро, и Коля так грянулся о землю, что вздрогнула одинокая ковылкинская сосна и увидела наконец-то пальму на юге далеком.

Дошкольник Серпокрылов поднял с земли офицерскую фуражку и сказал:

— Семь раз отмерь, один раз отрежь.

— Я те отрежу!.. — горячо закричал обиженный Коля, поднимаясь с земли. — Я те отрежу... Я те сейчас так отрежу, что и отмеривать нечего будет...

— А ну постой! — сказала Вера, дернув Колю за рукав. — Где же песец?

Большая Вера Меринова посмотрела дошкольнику Серпокрылову прямо в глаза.

Голубого взгляда Веры Мериновой дошкольник Серпокрылов вынести не мог. Он мог сражаться с адъютантами, мог ловить на прием Колю Калинина, спокойно мог глядеть в глаза своего папаши-слесаря, но перед Верой он бледнел и терялся. Поэтому дошкольник не стал глядеть ей в глаза. Он поглядел под ноги, повел глазами по растоптанному снегу, добрался до подножия ковылкинской одинокой сосны, а там по стволу, по стволу, белочкой, белочкой, все выше и как раз добрался до небес.

— Где песец, Серпокрылыч?

Это слово «Серпокрылыч», такое ласковое и тревожное, разбредило сердце дошкольника.

— Ты зачем отвязал песца?

И действительно, зачем? Ну зачем отвязал он песца?

— Подражнить хотел.

— Кого?

— Тебя.

Да что же это на свете делается! Уж и подражнить нельзя симпатичного тебе человека!

— Где песец, Серпокрылыч?

— Дяденька отнял.

СЕРВЕЛАТ

Впилась-впивилась веревка в шею, натянулась струной, придушила. Примерк белый свет в глазах Наполеона.

— Шевелись, шевелись, собачка, — торопил человек в полушубке, тянул изо всех сил за веревку к лесу, к оврагу.

Наполеон пробовал упираться, но веревка так схватила за горло, что ноги подкосились. Он еле поднялся и, спотыкаясь, поспешил к оврагу, куда тянула веревка.

То рысью, то галопом бежал человек, а то тормозил, как бы делая вид, что он просто с собачкой прогуливается. Страшная палка, окованная полосовой сталью, тяжело лежала на его плече, а на спине подсакивал зеленый сундучок, брешькали в нем жестянки и железяки.

Ковылкинский овраг глубоко разрезал землю. Склоны его сплошь заросли глухой бузиной, одичавшей мялиной, завалены были итлевшим хворостом, который вяло трещал под ногами.

У бузиновых кустов веревка ослабла. Наполеон ткнулся куда-то в бурелом, пытаясь спрятаться.

— Сейчас-сейчас, — сказал полушубок. — Сейчас все будет в порядке. Я тебе колбаски дам.

Он резко дернул веревку — поволок недопеска вниз по склону.

На дне оврага чернел в снегу старый колодец. Бревна, из которых сложен был его сруб, давно сгнили, обросли грибами, похожими на оранжевые копыта.

— У-фу-фу! — вздохнул, наконец, овчинный человек, захлестнул Наполеонову веревку за скобу, вколоченную в бревно. — Ну, вот и все путем. Сейчас будем колбаску есть. Хорошая колбаска, ну прямо — сервелат.

Он открыл сундучок и вынул из него газетный сверток.

— На-ка, — сказал он и бросил Наполеону колесико колбасы с напущим на нем маслом и крошками хлеба, а сам принялся жевать бутерброд. Белый его нос выглядывал из-под

шапки-пирожка и внимательно шевелился, как бы следя и за Наполеоном, и за поеданием бутерброда.

Неловко тяжело дышал. Очень болела шея, нарезанная плотничьей веревкой. Он лег в снег, закрыл глаза.

— Ешь колбаску. Будь культурным зверьком. Все, что нас увидит, так и подумают: культурный человек кормит свою собачку. Ни-ко не догадается, что и человек-то я не очень культурный, а собачка не собачка вовсе, а — Наполеон!

Тут засмеялся человек, и действительно некультурно как-то засмеялся. От смеха вылетели из-под носа хлебные крошки.

— То-то бабы в автобусе боятся! Наполеон, мол, сбежал. Редкий зверек, мех золотой, государственного значения. А он, глядь, Наполеон — вот он, в овражке сидит. Ху-ху! Сейчас мы поиграем в игру. Ты будешь Наполеон, а я Кутузов. И зовут меня как раз дядя Миша.

Он дождался бутерброд, поднял с земли палку, окутывая из кармана не то пистолет, не то гранату, прицелился и — свист! — свистнуло над головой дяди Миши, — что же это, неужели пуля?

— Озоровать! — нехорошим голосом закричал дядя Миша. — Я те уши пооборю! Спрячь ротгалец!

Дядя Миша поднял дубинку, pokrутил ею в воздухе и вдруг замер, услышав какой-то треск. Нос его заволоновался, как телескоп, уставился на склоны оврага. Но вроде больше нигде не трещало.

— Видишь эту палочку? — спросил дядя Миша. — Это, Наполеон, рыбацкая пешня, которой лед колот.

Тут он подпрыгнул и взмахнул рыбацкой пешней, Наполеон отскочил, спрятался за сруб колодца. Дядя Миша опустил пешню.

— У-фу-фу! — вздохнул он. — Не могу, Наполеонша. Какой я все-таки не очень хороший человек. Зверька хочу погубить из-за глупой бабы.

Дядя Миша поднял пешню над головой.

— Что наша жизнь? — сказал он, подходя к Наполеону. — Сервелат!

ВСЕ ПУТЕМ

Исподлобья, из-под крутых бровей глядел неловесок на скачущего и бормочущего дядю Мишу. Трудно сказать, понимал он или не понимал, что задумал дядя Миша, но только больше Наполеон не прятался, а просто стоял и синизу вверх глядел на человека. Почему-то Наполеон успокоился, в глазах его мелькнуло действительно что-то императорское. Он глядел на дядю Мишу синизу вверх, но в то же время и сверху вниз. Да он уж и не видел человека — беспробавное смелое поле лежало перед ним. Поле, по которому долго бежать.

— Не могу, — сказал дядя Миша. — Какой я все-таки слабовольный человек. Ничего не достигну в жизни.

Он подошел к колодцу и заглянул в затхлую глубину.

— Все путем! — крикнул он, успокаивая сам себя. Крик его ухнул вниз, провалился, замялся где-то, и эхо не вылетело обратно.

— Все путем, все путем. В руках у меня ценный зверек. И никто ничего не узнает. У-фу-фу.

Дядя Миша потел, в душе его происходила тяжелая борьба, и неизвестно, в какую сторону склонилась бы чаша весов, если б стекляно и неожиданно не прозвучел вдруг голос:

— Сюда!

— Куда? Куда? — заволоновался дядя Миша. — Куда это сюда? Ну не сюда же!

— Заходите с флангов! — закричал в бузине и другой голос с каким-то красноармейским оттенком. — Возьмем их в клещи!

Послышался треск валежника. На склоне оврага, будто танкетка, выкатился человек в офицерской фуражке.

Огонь!

Он выхватил из кармана не то пистолет, не то гранату, прицелился и — свист! — свистнуло над головой дяди Миши, — что же это, неужели пуля?

— Озоровать! — нехорошим голосом закричал дядя Миша. — Я те уши пооборю! Спрячь ротгалец!

Но тут и на другом склоне завыл миномет, и черная бомба повисла над дядей Мишей. Он присел, и дико провижала около уха новая пуля.

— Крой беглыми!

И тут действительно беглыми стали крыть дядю Мишу. Небо над его головой наполнилось комьями, палками и обложено неприятель был изжеванный прямо то ботинок, который, квакая, ударил криво в грудь.

— Прекратите огонь! — послышался голос. Прямо к колодцу из кустов выбежала девочка и отвязала Наполеона.

— Нехорошо, гражданин, — сказала она. — Стыдно!

— Ты что это? Нет, постой. Кто тебе разрешил? Это мой зверек!

— Артиллерия! Огонь!

— Отстань! — послышался сердитый мужской голос.

Цепляясь за ветки бузины, в овраг спустился Павел Сергеевич. Глаза его по-учительски блистали, а на плече висело дуэльное оружие.

— Не трогайте мою собачку! — закричал дядя Миша. — Это моя собачка, я ее дрессировать буду, на лапках ходить, в барабан стучать.

— Отпустите веревку! — строго сказал Павел Сергеевич и слернул с плеча ружье.

— Тиш, Тиш, ты чего?

— «Тиша», — презрительно фыркнул дошкольник Серпокрялов. — Его звать Филька.

— Не Филька, а Тиша, — заспорил Филька. — Тоже мне придумал.

Дошкольник Серпокрялов уважал Веру Мерининову и мог без конца снимать ее с айсберга и носить на плечах. Но когда его задевали за живое, он становился упрямым, как бык. Поэтому пару минут у колодца только слышно было:

— Это что же такое! — засуетился дядя Миша. — Вооруженным конфликтом пахнет.

— Поищите в сельсовет, гражданин.

— Чо вы! Чо вы, молодой человек! Все путем! Берите вашу проклятую собачку!

Дядя Миша подхватил сундучок и побежал, бежал по оврагу в сторону.

— Стреляйте, Пал Сергеевич! Стреляйте, а то уйдут!

Павел Сергеевич не стал долго раздумывать, он поднял ружье и пальнул вдогонку.

Грозно, назидательно прозвучал учительский выстрел. В душе дяди Миши что-то оборвалось раз и навсегда.

БЕГ НА СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС

Дошкольник Серпокрялов и Коля скатились тем временем к месту происшествия.

— Во что-то! — восхищались Коля, хлопая себя восторженно по бокам. — Вот это песец! Во бы кого нарисовать!

— Красив! — соглашался учитель. — Удивительный мех. Давайте отведем его в школу. — Тиша, встань! — сказала Вера и дернула веревку.

И тут спасенный Наполеон должен был, конечно, встать, улизнуть, но вместо этого он злобно оскалдился, будто сроду не был знаком с Верой Мерининовой.

— Тиш, Тиш, ты чего?

— «Тиша», — презрительно фыркнул дошкольник Серпокрялов. — Его звать Филька.

— Не Филька, а Тиша, — заспорил Филька. — Тоже мне придумал.

Дошкольник Серпокрялов уважал Веру Мерининову и мог без конца снимать ее с айсберга и носить на плечах. Но когда его задевали за живое, он становился упрямым, как бык. Поэтому пару минут у колодца только слышно было:

— Тиша... Филька... Дурак... Сейчас по ше... А ну попробуй... Сейчас попробую... Ну попробуй, попробуй, что ж стойшь...

И дошкольник хотел попробовать. Но в дело вмешался учитель.

— Ладно вам, — сказал он. — Неважно, как его зовут. Важно другое: что с ним делаете?

— В деревню отведем, — сказала Вера.

— А дальше что?

— Будет жить у меня. Я его воспитаю.

— Ишь придумала, — сказал дошкольник, как будто и не узнавал никогда Веру Меринову, и снова фыркнул. Он не стал ни терпеть не мог, когда его задевали за живое.

— Ну ладно, бери Фильку себе. А мы посмотрим, как ты это сделаешь!

— И возмужу.

Вера решительно дернула веревку. Опять померк в глазах недюпеса белый свет. Он уперся в землю короткими своими лапами, изловчился и злобно схватил веревку зубами.

— Ну, ловко! Ай да Вера! Прямо — жivotовол.

— Тиша, Тиша, — нежно говорила Вера. — Успокойся.

Она достала из кармана конфету, осторожно протянула руку, чтоб поглядеть песка. Наполеон огрызнулся — конфета упала в снег.

— Фу, какой злой. Тиша, что с тобой?

— А ты думала, из-за конфетки к тебе валежки будет литься? Дай сюда веревку и отойди в сторону. Он пугается. Вылезай совсем из оврага. За дело берется Серпокрылов! Орлы! С вами Серпокрылов!

— Отойдем, ребята, — рассудительно сказал Павел Сергич. — Посмотрим, как у Лешки подучится.

Павел Сергич и ребята вылезали на гребень оврага и стали глядеть сверху, что будет делать дошкольник.

Он ничего не делал, только вытянул из кармана мотоциклетную перчатку и бросил ее прямо под нос Наполеона. Потом не удержался, поднял конфету «Озеро Рыца» и сунул в рот.

И больше не шевелился, руками не махал, за веревку не держал. Правда, порой раздавались в овраге какие-то дикие звуки, похожие на чмоканье лошади — это товарищ Серпокрылов сосал «Озеро Рыца». Наполеону эти звуки чем-то понравились, даже успокоили.

Легонечко носом толкнул он мотоциклетную перчатку, взяв ее в зубы. Перчатка слабо зашипала.

Наполеон трянула головой, обнюхал знакомые валежки, установил свой нос на север и решительно стал выбираться из оврага. Дошкольник поспешил за ним, стараясь не натягивать веревку. Неизвестно, что успокоило Наполеона: перчатка или валежки. Наверно, он просто понял, что дошкольник порядочный человек — веревку не дергает, шейной не машет. Он только бежит следом, да пусть бежит, вроде со шестнадцатого!

— Ну, дает дошкольник! — изумился Коля Калинин.

Наполеон вылез из оврага шагах в тридцати от брата и побежал прямо в открытое поле.

— Куда это вы?

— На Северный полюс!

— Поворачивай, поворачивай в деревню! — закричала Вера и побежала за ними вдогонку, за нею тронулись Коля и Павел Сергич.

— Поворачивай! Поворачивай!

Но Наполеон не собирался поворачивать в деревню. Он пробежал оземное поле, пересек клеверные, опустился в овраг, теперь уже в другой овраг, не ковыльинский, а кашошкинский, по гнилым мосткам перебежал речку Мшажку и снова выскочил в поле. На север, точно на север бежал Наполеон и странную вела за собой компанию — дошкольника, двух второклассников и учителя с рюкзаком.

— Что ж, так и будем бегать? — кричал Павел Сергич.

— Ага, — оборачивался дошкольник. — Мы мчимся на Северный полюс! Мы — пещиш! Вера и Коля засмеялись от счастья и тут же стали легонько тявкать на бегу, как, очевидно, делают это пещиш, и даже Павел Сергич на минутку почувствовал себя недюпесом.

Но скоро ему надоела бесподобная беговая. Павел Сергич упрямился.

— Теперь мы не пещиш! — закричал он. — Теперь мы охотники! Вера, Коля, заходите справа, прижимайте его к деревне.

Вера и Коля на ходу превратились в охотников. Они заскочили справа и зорали:

— Куда? Куда пошел? Домой! Домой!

— Не надо! — кричал дошкольник. — Не пугайте его.

Но дошкольника не слушали.

Наполеона подогнали к деревне, а там Павел Сергич не стал долго рассуждать, скинул куртку и нахнул ее на недюпеса.

— Хватит дурака вальт! — сказал он. — Тащим его в школу.

СИКИМОРА

Уроки в школе давно кончились. Ребята разошлись по домам. Техничка Амбарова мыла в классах полы, а Белов и Быкодоров из четвертого класса, наказанные директором, та-

скали ей ведра с водой и вообще мешали, как могли.

Перемыши полы в классах и в учительской, техничка вышла на крыльцо и тут столкнулась с Павлом Сергичем, который нес на вытянутых руках что-то бьющееся, пушистое, закутанное куртками и шарфами. Из-под курток и шарфов блистали гордые и угрюмые глаза Наполеона.

— Вятюшка, Пал Сергич! — закричала Амбарова. — Какую-то сикимору принес!

Так Наполеон Третий получил четвертое в своей жизни, совершенно уж несурзное имя, которое не лезло ни в какие ворота — сикимо-

ра! Что это за слово, откуда оно взялось, — этого не могла бы сказать и сама Амбарова. Как водится, самое дурацкое имя поправились больше всего.

— Сикимора! Сикимора! — восторженно закричали Белов и Быкодоров. — Ташите ее на пришкольный участок. Посадим ее в клетку.

— Какая он вам сикимора, — недовольно сказал дошкольник Серпокрылов. — Это — пещиш, он с Северного полюса.

— Молчал бы, солнышко! — орали Белов и Быкодоров. — Ты вначале А да Бз писать научись.

— Ты ошибаешься, — сказал дошкольник и Павел Сергич. — Он, конечно, не с полюса. Видимо, он сбегал со зверофермы «Мшаж» — от нас семь километров.

— Все же я не ошибаюсь. Вот и Вера подтвердит. Она его первая открыла.

И дошкольник Серпокрылов поглядел Вере прямо в глаза.

Конечно, Вере раньше и в голову не приходило, что Тишка мог прибежать с полюса. Сейчас ей такая идея понравилась, но как ты ни крути, правда жизни брала свое.

— Нет, — вздохнула Вера, отводя глаза. — Тиша не с полюса. Он со звериной фермы.

Камень сорвался с горы и рухнул в пропасть. Точно так рухнула Вера Меринова в глазах дошкольника Серпокрылова.

Рухнул камень, и дошкольник не стал больше ни с кем объясняться. Отошел в сторону. Да и что было делать здесь, в школе, ему дошкольнику Серпокрылову. Школа для него была за горами. Здесь заправляли матерые школьники Белов и Быкодоров.

Под их крики Наполеона отнесли на пришкольный участок, сунули в пустую кроличью клетку. Ничего более позорного не происходило до сих пор в жизни Наполеона Третьего!

Его, пса с императорским именем, гордость директора Некрасова, платинового недопса, рвущегося на Северный полюс, назвали сикиморой и сунули в паршивую кроличью клетку. Это было падение! О! Наполеон!

— Пускай посидит здесь до завтра, — решил Павел Сергеич. — С утра позвоним на ферму.

Павел Сергеич ушел в учительскую, а Белов и Быкодоров устроили вокруг Наполеона настоящую карусель: хохотали и свистели в кулак, лупцевали друг друга портфелями, подкидывали в воздух чужие учебники, в общем, веселились, как умели.

Наполеон забился в угол и закрыл глаза. — Оставьте его в покое! — уговаривал дошкольник. — Он устал.

Но разве может один человек остановить карусель? Карусель крутится, и она должна докрутиться до конца.

Дошкольник в ярости сжимал кулаки, он чувствовал, что надо принять какое-то решение. Но оно никак не созревало в его голове.

Впрочем, дошкольник Серпокрылов был человек с философским складом ума.

— Ладно, — решил он. — Пойду обедать.

В КАЖДОМ ПРИЛИЧНОМ ДОМЕ ИМЕЮТСЯ МЫШИ

После обеда дошкольник Серпокрылов дома обыкновенно не задерживался и, как правило, прогуливался по деревне. В этот день он решил привычке своей не изменять, а лепешку с второгом, собственноручно испеченную слесарем Серпокрыловым, он есть не стал и попытался засунуть ее в карман.

— Ты куда это лепешку потащил? — спросил уважаемый слесарь, который приходился дошкольнику папашей.

Кстати сказать, слесарь Серпокрылов действительно был человек в деревне многоуважаемый. Его уважали за хорошую работу. Все трактористы носили слесаря на руках. Уважал его и плотник Меринов, которому слесарь точил стамески, и председатель сельсовета, которому слесарь ничего не точил, но мог наточить в любую минуту.

Жил слесарь вдвоем со своим дошкольником, потому что мамаша уехала в город Гомель. Хоть и жили они без матери, обед в доме Серпокрыловых всегда проходил серьезно. Перед обедом отец долго умывался, стонал под рукомойником, а дошкольник нарезал хлеб и расставлял тарелки. Слесарь переменял рубаху, садился к столу, и в тот же миг дошкольник ухватом выхватывал из печки чугуn с кашей, ставил его посередке стола. Обедали они молча. Дошкольник только успевал подбрасывать отцу добавку.

— Так куда же ты лепешку потащил? — спросил слесарь, отодвинув прибор.

— Куда надо, туда и потащил, — ответил дошкольник, ни секунды не теряясь под слесаревым взглядом.

— Лешка, — сказал отец и постучал кулаком по столу. — Ты знаешь, что я обычно делаю с такими сыновьями?

— Знаю, — спокойно ответил дошкольник. — Ты их убиваешь.

— То-то же, — сурово сказал отец. — Поллепешки мои.

Дошкольник не стал спорить. Он вытащил лепешку из-за пазухи и разломил ее пополам. Слесарь немедленно оттяпал от своей половинки немалый кусок. Лепешка загремела под его зубами, значит, пропеклась хорошо. Такую лепешку приятно запивать квасом.

— Бать, у нас мышей нету? — неожиданно спросил дошкольник.

— Как же нету! — удивился слесарь. — Куда ж они денутся? В каждом приличном доме имеются мыши. А много ль тебе надо?

— Десятка два. Фильку покормить.

— Возьми мышеловку на чердаке да поставь за печкой, — только и ответил слесарь, ничуть не удивляясь, что какой-то Филька ест мышей. Слесарь понимал, что его сын зря ловить мышей не станет, а если ловит, значит, Филька мышей заслужил.

Дошкольник достал с чердака три мышеловки, наживил салом и поставил за печкой.

— Ты всех-то не отлавливай, — попросил слесарь. — Оставь пару на развод.

— Два десятка отловлю, а остальных не трону.

Дошкольник надел офицерскую фуражку и вышел из дома.

Слесарь Серпокрылов долго еще, задумавшись, сидел за столом, потом встал, помыл посуду и полил увядший на окне закавказский лимон.

МАСЛО, ПОДЛИТОЕ В ОГОНЬ

Вера сбежала домой и принесла Наполеону два бараньих мосла, которые мамаша Мериновой отворала от сердца.

Мослы были здоровенные. Они имели таинственное сходство с барабанными палками.

Хороши были мослы, мозговиты, но даже не глянул на них Наполеон.

Устал недopesок Наполеон Третий. Слишком уж много пережил он за сегодняшний день. Болея шея, натертая веревкой, поблек, потускнел драгоценный мех, набилась в боярскую шубу мотоциклетная грязь, припоросила сенная труха и песок из барсучьей пещеры. Не имел уже Наполеон царственного вида, увял, как увял закавказский лимон на окошке слесаря Серпокрылова.

— Ешь, Тишенька, ешь, — уговаривала его Вера, подсовывая недopesку кости.

Прибежал Коля Калинин, притащил из дому какой-то сушеной ерунды, вроде окуней, стал подкидывать это в клетку.

— Оставьте его в покое! — послышалось из-за школьного забора. — Не видяте, что ли, он устал.

— Да ладно! — закричал Коля, нехорошо подражая Белову и Быкодорову. — Тебя не спросили. Иди в свои ясли.

Вера искося только глянула на офицерскую фуражку и промолчала.

— Он у вас, дураков, подохнет.

— Что ты все ругаешься, Серпокрылыч, — мягко сказала Вера. — Помоги нам, покорми Тишу.

— Он устал. Сейчас есть не станет, а завтра я наловлю мышей.

— Разве песцы едят мышей?

— Что он, кошка, что ли? — неумно засмеялся Коля Калинин.

— Вот и видно — дураки. И лисы, и песцы едят мышей. Они мышкуют.

Погрубел дошкольник Серпокрылов. Без уважения глядел он на Веру Меринову. И сло-

во удивительное «Серпокрылыч» пролетело мимо его ушей, как ласточка мимо березы.

— Мышей-то я ему наловлю, — продолжал дошкольник. — А завтра — тую-тую, увезут твоего Фильку на звериную ферму. Разве ж это честно? К вам на двор он сам прибежал. Значит, он ваш.

— Он государственный, — печально ответила Вера.

— Ничего подобного. Он к вам сам прибежал. Значит, он теперь ваш, мериновский.

Разбередил дошкольник душу, и ведь действительно, получалось не очень честно: они спасали песца, отнимали его у дяди Миши, а теперь отдавать? Задумалась Вера, а дошкольник усмехнулся и посыпал раны солью.

— Да что мы, сами, что ль, его не воспитаем? Наловим мышей, глядишь, и на Северный полюс сбегает. А живет он пускай у Пальмы Мериновой или у меня.

— И у меня можно, — вставил Коля.

— Да пускай он живет по очереди, — обрадовался дошкольник. — Сегодня у Пальмы с Веркой, завтра у меня, а там у Кольки.

— Ну нет, — сказала Вера. — У нас ему будет спокойней.

— Да пускай живет у кого угодно. Главное — на ферму его не отдавать!

Разгорался понемногу огонь в душе Веры Мериновой и в глазах Коли Калинина. Серьезно поглядела Вера на дошкольника, и прежде она никогда так на него не смотрела.

— Не отдадим, — твердо вдруг сказала она. — Ты молодец, Серпокрылыч.

— А что на ферме, — сказал он. — Там его в клетку посадят, а потом воротник сделают!

ТРЕТЬЯ НОЧЬ

Быстро и неожиданно потемнело небо над ковылкинской сосной. В полчаса обволокла темнота раскидистую большелобую крону. Пропала сосна, исчезла в ночной темноте. Гляди — не к пальме ли прекрасной удалиться она?

О ночь! Третья свободная ночь Наполеона Третьего!

Темной волной смыла ночь и сосну, и горбатые ковылкинские дома, беззубые заборы и кирпичный далекий грибок, отмечающий над черными лесами звероферму «Мшага». Заволокла ночь глаза — кажется, ничего уже не осталось на земле, все пропало, все кануло в колодезь, такой огромный, что не только деревня Ковылкино, а и вся земля в нем песчинка.

Но нет, все осталось на своих местах. Защищаясь от ночи, зажиглись в домах слабые огоньки, задрожали: здесь деревня Ковылкино, прочно стоит на земле, и сосна здесь, и нету ей дела до южных, пускай даже прекрасных пальм.

— Воротник! — волновалась Вера, засыпая. — Неужели сделают из него воротник?

Сделают, сделают! Как же быть? Надо спасти Тишку. Тишенька, Тишенька...

Вефа хотела вскочить, бежать немедленно куда-то, спасать песка, но сон уже охватил ее, теплый и пушистый, как мех Наполеона.

Целый день ничком лежал Наполеон, а ночью поднялся, облизал бараньи мослы, сжевал окунька. Пусто было на школьном дворе. Черным льдом мерзали окна школы. Млечный Путь отражался в них.

Неизвестным чем-то и неприятным пахло в кроличьей клетке — перепревшей соломой, сгнившими мокрыми досками и зверем, может быть, страшным. Вдруг зверь этот затаился где-то рядом — вот распахнет дверцу и вцепится в горло.

Наполеон сжался в клубок, ошестинился и кинулся на дверцу, затянутую сеткой — железная сетка ржаво завизжала. Недопесок метался по клетке, царапал стены, бился о железную сетку.

Ночь, глухая ночь охватила деревню Ковылкино. Погасли электрические окна, заснула деревня, заснули собаки. Стало очень тихо. И в тишине вдруг громко хлопнуло что-то: раз, другой, третий. Это сработали мышеловки дошкольника Серпокрылова.

РАННЕЕ УТРО В ДЕРЕВНЕ КОВЫЛКИНО

Часов в шесть утра проснулась техничка Амбарова, стукнувши дверью, вышла на школьное крыльцо.

Она долго зевала на крыльце, жаловалась, что ноют колени, что все ученики просто-напросто головорезы, и бранила солнце, которое никак не встает. Отзевавши все свои сны, она пошла набрать из поленницы дров и по дороге заглянула в кроличью клетку.

— Не спишь, сикимора? Спи, спи, а то скоро придут Белов и Быкодоров. Они тебе весь тулуп общиплют.

Техничка наносила дров, затопила школьные печи, и когда повалил из труб к небу синий дым, стало ясно, что дым темнее неба, значит, уже светало.

Вместе с Амбаровой проснулись в деревне все хозяйки — и мамаша Меринова, и соседка Нефедова — словом, все те, кто должен топить с утра печку, ставить в нее чугуны с картошкой, с борщом, с кашей. Проснулся и слесарь Серпокрылов.

Запылали печки во всех домах, затрещали в печках дрова. От треска этого теплей становилось под одеялом, глаза слипались сильнее и так не хотелось вставать.

Прошел час, печки разгорелись сильнее и отогрели серое ковылкинское небо. Наметились в нем розовые разводы, похожие на цветы клевера. Поспела утренняя каша, заныли приятно самовары, и хозяйки стали будить своих детей.

Только слесарь пожалел сына, уселся пить чай один.

— Бать, — сказал в полусне дошкольник, — мыши попали?

— Попали.

— Сколько?

— Много, много... спи пока.

Слесарь попил чаю, ушел в мастерскую, а дошкольнику снились мыши. Вначале приснилась одна мышь, потом другая, третья. Странное дело, во сне в них не было ничего противного. Это были теплые, домашние мыши, от которых пахло валенками.

Скоро мыши доверху заполнили сон дошкольника, и, наконец, когда их число перевалило за миллион, он проснулся.

Раннее было еще утро, но взрослые пошли уже на работу, а школьники дожевывали дома последние ватрушки, кидали в портфели учебники.

«Проспал», — в ужасе подумал дошкольник, вскочил с кровати и не стал даже умываться. Он вытащил из мышеловок пойманных мышей, схватил офицерскую фуражку и дунул к школе. Надо было покормить песка, пока не начались уроки, пока в школе было еще пусто.

Дошкольник мчался по деревенским улицам, перепрыгивая примороженные лужи. Над головой его на розовом зимнем небе тяжело двигались синие осенние облака.

Скоро дошкольник был уже у кроличьей клетки и кормил Наполеона. И в тот момент, когда Наполеон прикончил трюбю мышь, проснулся директор школы товарищ Губернаторов.

УТРЕННИЕ ВЗГЛЯДЫ ДИРЕКТОРА ГУБЕРНАТОРОВА

Проснувшись, директор первым делом решил побриться.

В потный граненый стакан нацедил он из самовара кипятку, взмахнул помазком барсучьего волоса и мигом покрыл лицо свое мыльной пеной.

От теплых снов огнем пылали щеки директора Губернаторова — белоснежная пена таля на щеках, как мороженое.

Директор взял в руки очень и очень опасную бритву, придвинул к себе зеркало и так сурово поглядел в него, что если б это было не зеркало, а, к примеру, Белов и Быкодоров из четвертого класса, вздрогнули бы они и торжественно поклялись никогда больше с криками не бегать по коридору.

Тремя взмахами расправился директор с пеной на щеках, набрал в ладонь одеколону «Кармен» и, хорошенько испулавши лицо в одеколоне, сказал:

— Где яичница?

Через полсекунды на столе перед ним стояла уже сковородка, огромная, как Ладожское озеро. На сковородке щебетала пятиглазая яичница с салом, шептала о чем-то и глядела на директора своими застенчивыми оранжевыми глазами.

Директор Губернаторов поднял вилку и так глянул на яичницу, что если б это была не яичница, а все те же Белов и Быкодоров, то крепко бы призадумались они и, возможно, стали бы учиться на одни пятерки.

Скоро яичница закрыла свои незатейливые глаза, директор же нахмурил брови, взял в руки портфель о двух золотых замках и направился в школу.

Бритье и яичница славно освежили директора, а на улице взбодрил утренний морозец. Хороший впереди намечался денек — особый, последний в этой четверти. Сегодня в школе подведут итоги, сегодня станет ясно, сколько в школе отличников и двоечников, сегодня кто-то будет смеяться, а кто-то плакать, а завтра — всем будет весело, завтра — праздник.

Директор был в отличном настроении. Он решил сегодня же крепко прибраться к рукам Белова и Быкодорова.

У сельсовета директор прибавил шагу, услышавши отдаленный шум, который удивил его и насторожил. Казалось — из Москвы передают по радио праздничную демонстрацию.

Шум усилился, и теперь директор явно разорбал объеденный голос Белова и Быкодорова:

— Сикимора! Сикимора!

На школьном дворе развернулась настоящая ярмарка, здесь собралось человек сто народу, и все кричали, гомонили, спорили. В воздухе летали синие, желтые портфели, шапки, кепки, книжки, варежки, но там, то сям вспыхивали красные галстуки, горели щеки и глаза.

Директора никто вначале не заметил, но это его ни секунды не огорчило. Он вошел в самую сердцевину ярмарки, кашлянул, поглядел вправо-влево и сказал:

— Так-так!

И сразу вдруг поблек праздничный базар, побледнели лица, шапки перестали летать, а

портфели сами собой все до одного позастегнулись. Стройными ручьями втекли ученики в двери школы. Белов и Быкодоров замешкались было на крыльце, но, попавши под бинокль директорского взгляда, жестоко пожалели, что забыли дома тетради по математике.

Опустел школьный двор. Только у кроличьей клетки остались три человека. Это были Вера, Коля Калинин и дошкольник, на которого директор вовсе не обратил внимания.

— А вам что, особое приглашение надо?

Вера и Коля скромно опустили глаза и раступились перед директором, давая ему дорогу к кроличьей клетке.

Директор заглянул в клетку так строго, что если б случайно оказались в ней Белов и Быкодоров, они бы просто-напросто превратились

в пепел. Но тут получилось иначе. Заглянувши в клетку, вздрогнул сам директор Губернаторов. Из-за решетки злобно и пристально смотрел на него Наполеон Третий.

ХАРАКТЕР ВЕРЫ МЕРИНОВОЙ

— Что это такое? — спросил директор, и брови его изумленно поползли по направлению к прическе. — Что это такое, я вас спрашиваю? Вера и Коля испуганно молчали.

В дело вмешался дошкольник Серпокрылов.

— Это — песец, — просто ответил он.

Директор перекинул взгляд свой на дошкольника, как бы спрашивая: «А сам-то ты кто такой?» Дошкольник не шелохнулся. А Колю Калинина пробила неприятная дрожь. Он вспомнил, что дневник его до сих пор не подписан родителями. Коля пошевелился и вдруг исчез, легко и неожиданно, как бабочка.

Директор поднял к небу изумленные брови и сказал:

— Песец? А откуда он взялся?

Вера попыталась открыть рот, но в разговор снова влез дошкольник:

— Сам прибежал.

— А откуда он прибежал? — спросил директор у Серпокрылова, предполагая, что Вера замолчала надолго. Но теперь умолк неожиданно дошкольник. Насчет того, откуда прибежал песец, у него было свое мнение, и он решил больше не навязывать его другим.

Дошкольник молчал, а брови директорские летали над ним, как чернокрылая ворона над ковылкинским оврагом.

Когда камень срывается с горы, он на эту гору уже никогда не заберется. Если только не найдется человек, который втащит его обратно. И вот неожиданно такой человек нашелся. Взмалил камень на плечо и потащил его на вершину.

— Как откуда взялся? — сказала Вера. — Прибежал с Северного полюса.

Директор задумался, ушел в себя, прикидывая, очевидно, расстояние от полюса до деревни Ковылкино. На лбу его нарисовались параллели и меридианы. Внутренним взором пролетел директор льды и айсберги, миновал полуостров Канин, добрался до Архангельска, но тут его отвлекли.

— С добрым утром! — закричал Павел Сергееч, вбегая на школьный двор. — Так вы видели уже, кого мы поймали? Это ведь голубой песец!

— Голубой песец? — повторил директор и сомнительно покачал головой. — Откуда ж он взялся?

— Со зверофермы сбежал, — ответил Павел Сергееч. — Тут недалеко звероферма — семь километров.

— Ах вот оно что!

— Ничего подобного, — сказала Вера. — Совсем не с фермы. Он прибежал с Северного полюса.

— Вера! — изумился Павел Сергееч. — Что с тобой?

— Он прибежал с полюса, — ясно повторила Вера. — Серпокрыльч прав.

— Меринова, в клас! — короткоскомандовал директор.

На крыльцо высунулась техничка Амбарова.

— Движок барахлит! — крикнула она и схватила откуда-то из-под полы поддужный колокольчик работы валдайских мастеров. Хорош был колокольчик, а на ободке его были отлиты лихие слова: «Кули — не скупись, езди — веселись!»

Техничка щедро взмахнула рукой — веселым серебром залился валдайский колокольчик, и, как лихие кони вскачь, под звон его понеслись школьные уроки.

ТРИ ТЕЛЕФОНОГРАММЫ

Горячий выдался в школе денек — последний день четверти. Вспыхивали в журналах четвертные отметки, а за ними кумачом горел завтрашний день.

Хлопотливый был сегодня денек, сегодня двойку можно было исправить на тройку, четверку — на пятерку. Сегодня можно было стать отличником, а можно и хорошистом.

Директор Губернаторов сидел в учительской и, как говорится, подбивал итоги. К сожалению, итоги не слишком радовали его, уж очень много высыпало в этот день троек, никак не меньше, чем осенних веснушек на носу дошкольника Серпокрылова. Тройки огорчали директора, ему хотелось, чтобы побольше было в школе хорошистов.

«А тут еще этот песец, — раздраженно думал директор. — Оставляй его в школе никак нельзя. За праздники сохнет. Надо звонить на звероферму».

Но телефона в школе не было, а оторваться от школьных дел директор Губернаторов не мог.

— Пошлю телефонограмму, — решил директор.

На первой же перемене красным карандашом набросал он на листочке несколько слов, и техничка Амбарова помчалась в сельсовет.

Председатель сельсовета дядя Федя как раз в этот момент разговаривал по телефону с райцентром.

— Тысячу штук яиц уже собрали! — кричал он. — Але! Собрали тысячу!

Из телефонной трубки слышалось грозное шипенье и выстрелы, будто где-то на линии топили печь очень сырыми дровами.

— По яйцу? — кричал дядя Федя. — По яйцу больше не могу! Могу по маслу.

Но в райцентре долго его не понимали, и Амбарова сидела скромно на лавке, подглядывая своей очереди. От нечего делать она разглядывала плакат, на котором акварельными красками была нарисована большая муха с изум-

рудными глазами. Под мухой написаны были стихи:

*Муха на лапках
Разносит заразу.
Увидишь муху,
Прибей ее сразу.*

По стихам лениво ползала настоящая живая муха.

— Ну, давай, чего там у тебя, — сказал, наконец, дядя Федя и потер упрямый лоб.

Техничка протянула листок, дядя Федя развернул его и бодро начал читать:

— Пойман зверь неизвестной породы... Что? Что такое?

— Черт его знает, что это такое, — бойко ответила техничка. — Право слово, какая-то сикимора!

— И где ж она?

— Да в ящике сидит.

— Маленькая, что ли?

— Здоровенная. Хвост аж вон какой, — и техничка развела руками так широко, что охватила ими председательский стол и самого председателя. — Давай звони, мне бежать надо.

Дядя Федя снял трубку, снова телефонный треск наполнил комнату, и в треск этот председатель смело вклинил слова телефонограммы:

**«ПОЙМАН ЗВЕРЬ
НЕИЗВЕСТНОЙ ПОРОДЫ
ПОХОЖ ПЕСЦА
СОДЕРЖИТСЯ КОВЫЛКИНСКОЙ
НЕПОЛНОЙ
СРЕДНЕЙ
ШКОЛЕ
ТОЧКА
ДИРЕКТОР ГУБЕРНАТОРОВ»**

Добиться зверофермы дядя Федя долго не мог, то попадал на молокозавод, то в ремонтные мастерские, но наконец телефонограмму кто-то принял, кому-то передал и скоро загрел в ковылкинском эфире ответ зверофермы:

**«ПРОПАЛ ПЕСЕЦ
ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ВАЖНОСТИ
НАШЕДШЕМУ ПРЕМИЯ
ДВАДЦАТЬ РУБЛЕЙ
БЕРЕГИТЕ ПЕСЦА
НЕМЕДЛЕННО ВЫЕЗЖАЮ
ТОЧКА
ДИРЕКТОР НЕКРАСОВ»**

Подхватив телефонограмму, техничка поспешила в школу и как раз успела грянуть валдайским колокольчиком.

— Премия! — ахнул директор Губернаторов. — Чрезвычайной важности!

Он схватил красный карандаш, и снова техничка Амбарова мчалась в сельсовет, и новая гремела под сводами сельсовета телефонограмма:

**«ПЕСЕЦ НАДЕЖНЫХ РУКАХ
ТОЧКА
ДИРЕКТОР ГУБЕРНАТОРОВ»**

Окончание следует

САМОЕ ВАЖНОЕ

Ученые подсчитали, что за каждые десять лет в двадцатом веке объем знаний, накапливаемый человечеством, удваивается. Средний рабочий 2000 года должен будет знать раза в два больше, чем нынешний инженер! Врач должен будет отлично разбираться в электронике, крестьянин — в биологии, геолог — в химии и математике. А может, и

...Во время Великой Отечественной войны погиб каждый четвертый белорус. Нет ни одной семьи, где бы не было погибших. И для этих ребят война не история, война это — голодное и страшное детство отца, это пустыри на месте деревень, памятники на пепелищах. Наверное, поэтому так внимательно слушают они рассказ ветерана Григория Григорьевича Лазаренко о том, как советский народ выстоял и победил!

профессий таких не будет, на смену придут другие, о которых мы можем только догадываться!

Я вспомнил об этом потому, что в 5-й могилевской школе увидел, как ребята готовятся к будущему.

КАК ЭТО ДЕЛАЕТСЯ

Нет, они не занимаются по космической программе, не учат международный язык... Правда, по многим предметам спрашивает ребят автоматический экзаменатор: дается задача и три ответа, выбирай правильный. Если решение верно — вспыхнет электрическая лампочка. Такие автоматы делают сами ребята.

Школьный день начинается в восемь утра. После уроков начинают работать кружки. Их в школе двадцать шесть, да еще восемь секций, да хор на сто двадцать человек, да ансамбль танца.

Я не сказал еще про школьную оранжерею, где в январе зреют помидоры. А широкоэкранный кинотеатр «Юбилейный»! А своя пожарная команда! А духовой оркестр! А кукольный театр «Петрушка», а

октябрятский клуб «Малышок»!

К чему я это говорю? Может быть, сегодняшний лихой пожарный из седьмого класса станет врачом, киномеханик — учителем, селекционер — моряком и помидоры будет видеть только в салате... Важно не это. Самое важное... Но сначала познакомимся со школой.

ПО-НОВОМУ УЧИТЬСЯ, ПО-НОВОМУ ЖИТЬ!

Ходил я по школе, смотрел на все, и в голову закрадывалась мысль: «Хорошо ли, что ребята так загружены? Шутка сказать, даже учитель может провести собрание только раз в неделю. В остальное время класс не собрать, все ребята всегда заняты!..

— А у нас есть свободное время! — сказала Надя Балышева из восьмого класса, вожатая октябрят. — Кружки, секции — это и есть свободное время. Если же человек ничего не делает, так это не свободное время, а пропащее...

Я побывал на уроках. Классы работали слаженно, спаянно, словно экипажи боевых кораблей.

— Найдите в своих предложениях наречие...

Взметнулись вверх тридцать пять карточек. И только у одного мальчишки вместо наречия глагол. Толчок соседки, она молча тычет ему свою табличку. Мальчишка хлопает себя по лбу.

— Ну-ка повтори признаки наречия, — толковала девочка этому мальчишке на перемене.

И мальчишка, смущенно улыбаясь, продекламировал правило. Меня удивило не то, что он попал «на буксир», а то, как весело он переносил девчоночки команды.

— Вы, что же, и не деретесь никогда? — спросил я у Нади. Она глянула на меня удивленно.

— Зачем?

А как мы дрались, когда я учился в школе! Класс на класс, ремесленное училище — стенкой на школьников... враги.

— У нас в каждом классе баскетбольная и хоккейная команды, — сказала Надя. — Они и сражаются.

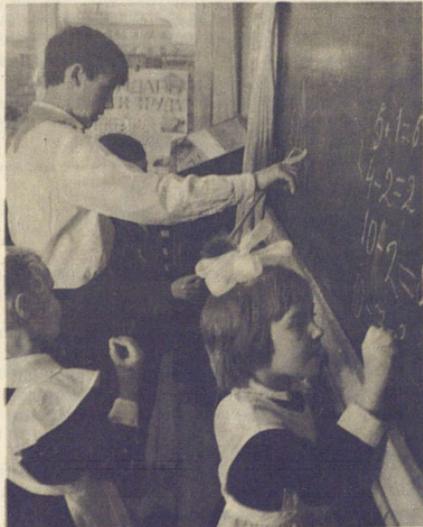
— А мы дрались! — не без гордости заявил я.

— Вы дружить не умели, — спокойно ответила Надя.

Может быть, Овсянкин Сережа из 8 „б“ не станет биологом, но в школе он научится главному: умению находить интересное в любом деле, умению учиться.

Вот она, замечательная цепочка поколений! Знаешь сам — научи младших. Саша Секацкий из 7 „а“ не первый год вожатый у октябрят. Среди октябрят отстающих в учебе нет.

ПОДУМАЙ О ДРУГИХ

Жил-был в этой школе Кутола Витя, ученик пятого класса, второгодник, независимый человек. В пятую школу его перевели на исправление.

— Как бы не так! Исправите меня! — сказал он.

И стал жить сам по себе. Ребята всем отрядом головы ломали: как помочь Кутоле?

— Он один, значит, ему плохо! — говорили одни.

— Он всех прогнал от себя, никого не признает, — говорили другие. — Выгнать его из пионеров? Он тогда совсем пропадет!

Так они ломали голову всем отрядом, пока не узнали, что Витя здорово рисует.

Они однажды к нему:

— Кутола ты, Кутола! — говорят. — Вот ты по улице гуляешь, а в первом классе октябрят не то что рисовать, карандаши правильно держать не умеют. Там сегодня и учителя нет. Сходи проводи урок. Да не урок, просто так побудь — директор просит.

Помолчал Кутола, носом пошмыгал, но пошел в первый класс. А там октябрят:

— Витя, научи! Витя, покажи!

Началось с урока, а кончилось клубом рисования «Василек».

В клубе «Василек» Витя и учитель, и друг. Малыши толпой за ним ходят.

КТО ЖЕ ЗДЕСЬ ВСЕМУ НАЧАЛО?

Высокий усатый дяденька стоял в коридоре, а вокруг него с визгом носились малыши.

— Спортландия, спортландия — веселая страна... — невозмутимо напевал он. Я сразу понял, что это пионервожатый. Я уже знал: над пятой школой шефствует химический комбинат, лучшие молодые рабочие помогают школе. Вожатых-производственников в школе восемнадцать человек.

— И еще комсомольцы из старших классов нас тренируют, — поведали мне мальчишки. — Они все умеют: и на коньках бегают, и всякие модели делают, и в оркестре играют.

— Значит, все интересное в школе придумываете вы? — спросил я старшеклассников.

Рослые парни, которые гротхотали на гитарах в школьном

клубе, от удивления даже открыли рты:

— Кто вам сказал?

— Пионеры сказали. Говорят, комсомольцы нам помогут во всем.

— Именно, помогаем! И только... А сами они, пионеры, как другим помогают, знаете? Вы в детский сад пойдите, там малыши спят и видят, когда в школу пойдут! Почему? Да ведь каждый пионер обязательно ходит в детский сад. И октябрят туда ходят; игрушки мастерят...

КЛЯТВА

Директор школы достал толстую книгу и показал ее мне.

— Здесь записана клятва тех, кто окончил школу.

«Клянемся, где бы мы ни были, что бы ни делали, не уроним честь нашей школы, нашего второго дома, нашей замечательной дружной октябрятской - пионерско-комсомольской семьи».

— Вот это и есть — самое важное, чему учит школа, — подумал я. — Не уронить честь...

Борис Алмазов

Это — Балышева Надя, та самая, которая рассказывала о дружбе ребят, о тех новых отношениях, что складываются в этой школе между учениками.

Обо всех школьных делах, обо всем интересном ежедневно сообщает школьное радио. Ребята из 5 школы привыкли слышать голоса своих дикторов Баркова Коли, Алексеенко Миши, Тарасовой Аллы...

МАРИНКА

С живыми
наводками

Юбилей пионерия празднует,
Салютая, ликуя, звеня,

И встает под знаменами красными,
Как надежда зрядущего дня!

ЖУРНАЛ
ЮНКОР
КОСТРА

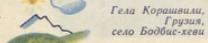
ВЕСТИ С ПИОНЕРСКИХ МАРШРУТОВ

Прошлым летом наш отряд возил на элеватор колхозную пшеницу. На каждой машине — три пионера и четыре тонны зерна. К концу дня зерно уставляли, все время хотелось пить. Но отдохнуть было некогда. И так работало не только наш отряд, а все дружина.

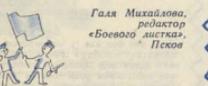
Оля Савина,
Лицевая область,
село Стекловока

Играть на паянурі я научился давно, когда еще не умел ни читать, ни писать. Особенно я люблю играть на паянурі в горах. Там по-особенному звучит музыка. О чем я играю? Обо всем... Умью облачко над горой и играю «3в, ты, болы барашек, послушай паянурі!»

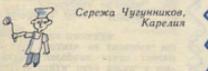
Гела Коршаниш,
Грузия,
село Водбье-Хви

По приказу командующего городской игрой «Зарница» наш отряд выступил в поход и принял участие в игре. Отряд действовал слаженно, хорошо ориентировался на местности. Неожиданно мы попали в зону заражения, но зараженных не было, так как у всех были противогазы. Потеряв отряде нет, один боец Иванюк Юра получил ранение в правую ногу (попраношк!). Наши санитары быстро и правильно наложили жгут и закрепили шину. Мороз стоял трескучий, но в бою нам было жарко. Вот мы вперед увидели высту и по команде пошли в атаку. Бой был отчаянный. С криком «ура!» мы захватили знамя.

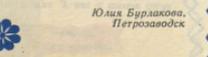
Гаял Михайлова,
редактор
«Боевого листка»,
Псков

На Октябрьской железной дороге всего три женщины-бригадиры. Одна из них моя мама. Она работает в локомотивном деле. Я часто хожу к ней на работу и уже научилась управлять crane. Работа и дело мне нравится, но еще больше я люблю готовить. Когда вырасту, стану поваром.

Сергея Чуунович,
Корея

Мы собрали 400 книг для подшефной школы поселка Новая Вилга и сами поехали их туда. Мы рассказывали сельским ребятам про нашу школу, дали конфер, а потом вручили книги. Нам благодарили, а после поехали на сельскохозяйственную выставку. Нам очень понравилась выставка. Теперь будем дружить с сельскими школьниками, потому что это интересно.

Юлия Биркова,
Петрозаводск

Родному городу Петрозаводску

Со мной останься, милый город мой,
Нейркой и степенной красотой,
Здесь родился мы, учимся, растем,
Взрослея и муждем с каждым днем.
Я зорь твоих брусничных красоту люблю!
И необъятного Онего синеву люблю!
И золотом расписанные клены,
Зеленый берег, в озере алобленный,
Мороз, ворг захватный дух,
И нежный тополный пух...
Света Михайлова, 8 класс

ПОДАРКИ

Весна подарки на землю несет.
Низам приодомы — шур работ,
Платье из кружев — вишням в саду,
Густую осок — угкам в пруду,
А Лене Загорской, моей подружке —
Большие венушки
Яна Кане, 4 класс,
Ленинград

«Расскажите о своих ровесниках, о самых трудолюбивых, верных, добрых, эжмерадостных. Такие ребята есть всюду», — писал в январе «Барбара».

Пришли первые рассказы.

В ГОСТЯХ.

В прошлом году я была в деревне и познакомилась со своим двоюродным братом. Я спросила, в каком классе он учится. Сергея ответил: «Уже в пятом». Потом он стал показывать мне свой «живой уголок». Так он выразился. Дух собак, кошку, кроликов и зайца. По правде говоря, я снисходительно смотрела на братца: маленький, забавляется... Когда я проснулась на следующий день, брата дома уже не было. Он уехал с отцом в поле. День был жаркий и длинный. Я сползла по дорожке, собачка и кошка меня изобегали. Зайчу и кроликам я принесла клевер и морковку, но они были ко мне равнодушны. Вечером издалека доносился грохот трактора. Первым забеспокоился заяц. Он

СОАЦУ НАВСТРЕЧУ

Под первые выстрелы эрома
И первые аслески войны
Я убежал из дому
В зеленые доли весны.
И утром, прохладным и влажным,
Иду я навстречу страде,
Гляжу, как хозяйственно важно
Гуляют эрчи в борозде.
Шаркая пашня дымится,
Гречи цветает к реке,
И счастьем мне можно поделиться
Снепаш на своем языке.
И отворот эрчам очем дружно
И поле, и лес, и река...
Умея перевода не нужнжо
С весеннего их языка.
Валерий Малюков,
7 класс, Псков

Рисунки Леша Кузьбика,
12 лет, Ленинград

встал на задние лапки и просунил нос между прутьях клетки. Собачки подняли лопмяте головы и, алаяя, опротямя кинулись на дорогу. Кошка выбежала следом. Трактор подхельал к дому. Сергеа махал мне рукой из-за отповского плеча. За ужнюю я спросила: «Завтра тоже в поле?» — «А то как жэ», — строго ответил он.

Гаял Кошелева, 7 класс,
Ленинград

МАРИНКИН ХАРАКТЕР.

Проходил сбор. Докладчик что-то говорил монотонным голосом. Половина класса дремала, другая половина играла в морской бой. Потом встал председатель и проброботал: «Кто еще хочет сказать?», заранее зная, что никто ничего не скажет. И вдруг с последней парты поднялся Маринка. Она заговорила о том, о чем обычно молчали. Почему скука в опреде. Почему никто не считается с детьми. Достойн ли актив уважения. Почему нет интересных дел. Маринка критиковала тех, кто действительно виноват, и председателя, и звеневых, и редколлегию, и даже нашу Людмилу Васильевну. Да и себя тоже. Маринка умеет бороться за весь класс, а вот за себя постоять не умеет. Как-то ей несправедливо поставили отметку за дежурство. Она не стала спорить, просто ушла. Потом я увидела ее плачущей в уголке. Однажды на уроке Марина написала записку и попросила одоу девочку передать. Учительница выгнала эту девочку из класса. Маринка встала и сказала, что виновата она.

Лена Куалева,
Ленинград

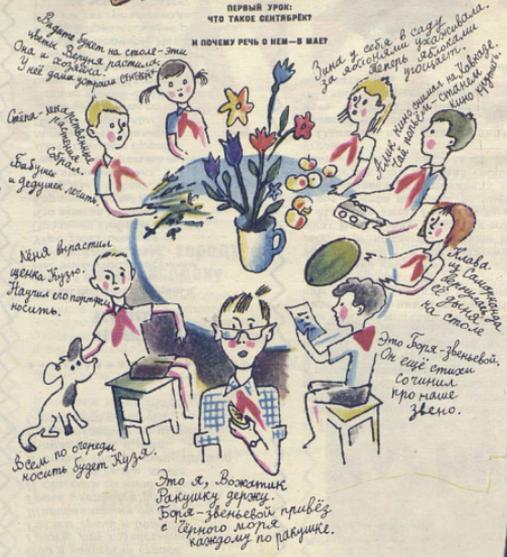
ПАМЯТИ ПАВШИХ

Мягко пружинит сиденье,
Мчится автобус веселым,
Сам этим утром весенним
Прошлого эхо зовет.
Утро Девятого мая...
Праздник Победы страны,
Кто зовел, вспоминат
Страшные годы войны.
Едем мы к Курску, где стала
Памятником земля,
Где в сорок третьем пылала
Даже перевода не нужнжо
Молча стоят обелиски,
Память о прошлом хранит,
Золотом выбиты списки
Павших героев-солдат.
Верных друзей вспоминают
Здесь ветераны боев,
Надписи с грустью читают:
«Павлов, Корчной, Иванюв...»
Поздно пришло мне родиться,
Нет уж тех грозных годов,
Но если все повторится,
Стать я солдатом готов.
Маша Мураков,
Белгород

ШКОЛА ВОХАТИКА

ПЕРВЫЙ УРОК:
ЧТО ТАКОЕ СЕНТЬБЕРЕК
И ПОЧЕМУ РЕЧЬ О НЕМ — В НАШ

«Яркие краски на свете — это
цветы, которые распускаются.
Она и собирает их.
У нее для каждой сентябрь»

Сентябрь — это время, когда
мы начинаем учиться в школе.
Сентябрь — это время, когда
мы начинаем учиться в школе.
Сентябрь — это время, когда
мы начинаем учиться в школе.

Вот и сейчас в сентябре
я иду в школу учиться.
Сентябрь — это время,
когда мы начинаем учиться в школе.
Сентябрь — это время, когда
мы начинаем учиться в школе.

Мне нравится сентябрь,
когда мы начинаем учиться в школе.
Сентябрь — это время,
когда мы начинаем учиться в школе.
Сентябрь — это время, когда
мы начинаем учиться в школе.

Всем по порядку
костюм будет нуждаться.

Это я, Вохатик
Ряпушка делюшу
Борю — зыбеньчик привез
с дальнего моря
каждому по рыбкине.

Мне в сентябре
очень грустно.
Надвигает осенняя пора,
и хочется поскорее
настроиться на осень.

Эта Боря — зыбеньчик.
Он еще рыбки
собирает
про наше
дерево.

Вот о чем писали юмористы одного из первых пионерских журналов — «Новый Робинзон» — в мае 1925 года: «Наш 18-й отряд имени Красной Армии уезжает 22 мая на дачу в Спудк. Там у нас есть бывшая подшивная деревня, где мы организовали и открыли избу-читальню. И теперь, уезжая на свежий воздух, мы не думаем отказать и греться на солнышке. Нет, мы будем работать, будем проводить те задания, которые возложены на нас, юных пионерцев, 1-й конференции юных пионерцев. Сказать нашим работ с деревенскими. Организовать их, устраивать избу-читальню, помогать им в работе, крепить смелость с производством».

По снимку в Деревне.

Девятого мая у нас в школе была эстафета, бежали по главной улице села, в первом каждой школьник взял флажок, и мы пошли на площадь, к обелиску Памяти павших. Там собрались все жители. Бегато по очереди зачитывали фамилии и имена погибших бойцов и командиров, наших земляков. Такой оказался в селе 408 человек. Когда называли имена, многие в топе плакали. Потом зашла минута молчания. Старшие ребята дали залы в ракетки. Мы читали стихи, пели песни, а когда флажок догорел, стало совсем темно. Но уходить не хотелось, мы долго стояли на площади.

Нина Додяева, Виктор Чабин,
Раважская область,
село Лесное-Косовое

В Ленинград я приехал из Монголии и поступил в хореографическое училище имени Багановой. Здесь познакомился с Алейшей Фоксистой. Алейша занимается со мной русским языком, рассказывает о своем городе, и бываю у него дома. Это мой лучший друг. Однажды я сказал ему: «Алейша, я хочу, чтобы меня тоже звали Алейша». В ответ мне вкратце мое имя? Он сказал: «Хорошо, Алясуху, и не возражай». С тех пор все зовут меня Алейша».

Алейша-Алясуху Гэнзайши

Дорогой Барбас!
Мне очень хочется видеть тебя у порога, и обнимаю тышалага»

«Вспомни, Барбас, не забудь, что ты мой лучший друг, и обнимаю тышалага»

Ом! Где взять обезьянку — традиционный вопрос... С собаками прощай, зайчат в этом коммуне сидят. Самый верный друг — о выборе и дрессировке собак.

Поктарик

Хорошее дело СЕНТЬБЕРЕК! Только думать о нем надо заранее, пока vanno на каникулы не разлжались. Если у вас получается, давайте СЕНТЬБЕРЕК — напишите мне: какие были подарки и чей самый интересный. А я тоже подарок приготовлю — самому дружному звону.

Обформление Г. Ковенчука

Меня мучает вопрос: а момент, в космосе есть травы, которые печат старости...
Анатолий Савичев,
Приморский край

ИНТЕРВЬЮ ПО ВИДЕОФОНУ

— Кто говорит?
— Совет командиров 294 ленинградской школы. Хотим рассказать про нашего барабанишку Сергею Баранкову. Сергея научил целый отряд горнить и барабанить. А еще у него сила воли: по всем видам спорта результаты были на золотой значок ГТО, а прыжки — на серебряном. Ему говорят: «Молодец!» А он молчит, прыгает... И дотнул до «золота!»
— И товарищ хороший?
— Хороший.
— А списывать дает?
— Списывать? Был такой случай. Один мальчик подошел к Сергею: «Дай списать?» Сергей не дал. А после уроков говорит: «Хочешь, объясню?» И вытаскил человека из двояк.
— Ну, а посмотреть на вашего Сергею можно?
— Пожалуйста, Сергея, иди скорей сюда!

На перемене мы играем в слона и чехарду, но одному играть не приходится — надо следить за учителем...
Всеволод Петров,
Свердловск

С Людой мы ходили с пятого класса, а теперь поссорились, и я стала ходить с Лидой. Иногда забываю и говорю Лиде: «Люда, а знаешь что?.. Почему она обижается?»
Вера С.,
Караганда

Как хотелось бы узнать адрес магазина, где продают фотокартонки артистам! Я уже сорок лет много, а я живу в нашей площадке — семидесяти Мне обязательно надо ее догнать.
Люба Ю.,
Киев

ОБЪЯВЛЯЕТСЯ КОНКУРС КАРАКОТА

Кому участие принять охота?
Собирайте истории в картинках
• СРАЖЕНИЯХ И ПОБЕДАХ,
• СЛУЧАЕХ СВИМКАХ,
• СЛОУХАХ И МОРСКИХ СВИМКАХ,
• О ДВОЕЧНИКАХ И ОТЛИЧНИКАХ,
• О ПИОНЕРАХ И ПОГРАНИЧНИКАХ,
• О ПОЛЁТАХ КОСМИЧЕСКИХ,
• О СЛУЧАЕХ КОМИЧЕСКИХ

САМЫЕ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИИ
СТАНУТ ДОСТОЯНИЕМ ИСТОРИИ
ОБЩАЕМ ЗАРАНЕЕ
НАПЕЧАТАТЬ ИХ В «БАРАБАНЕ»

СРОК РАБОТА: ВРЕМЕНИ НЕ ГУСТО. И ПИШИТЕ! НАШ АДРЕС: ЛЕНИНГРАД ТАВРИЧЕСКАЯ 37

ПРОДОЛЖЕНИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЙ ЮТА КАРАКОТА ЧИТАЙ В № 5

Пословица время не меняет: Привой на вертелу по-прежнему пеняет. Урок не учит, ученик — При чем же тут двояки?...
Юмор «Меткий карандаш», с. Писков

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит под редакцией
контр-адмирала
Н. Скосырева

Оформление
Р. Попова

Год издания 18-й

Этот выпуск „Морской газеты“ подготовлен на берегу Черного моря, в Одессе.
Рассказы и заметки написаны сотрудником одесской газеты „Моряк“ Николаем Гусаком

ПОЧЕМУ МОРЕ „ЧЕРНОЕ“?

Первым греческим колонистам на берегах этого моря жилось трудно: враждебные племена разоряли их селения. Так и прозвали море — «Понт Аксинский» — «Негостеприимное»... Построили колонисты крепости, города, наладили торговлю. И ста-

В IX веке киевские и новгородские корабли стали здесь частыми гостями. И море в те годы звали «Русским»... В XV веке побережье захватили турки и дали свое название — «Кара-Денгиз» — «Черное море»

Почему черное? У народов Азии каждая сторона света обозначалась каким-нибудь цветом: юг — красным, восток — желтым, запад — синим, север — черным. Море лежало к северу от Турции, потому и назвали его «Черным».

ли звать — «Понт Эвксинский» — «Гостеприимное». Пришли к берегам воинственные скифы. Захирела греческая торговля, травой поросли улицы городов. Стали море называть «Скифским»...

ГЕОГРАФИЯ НА ПРИЧАЛАХ

Идешь по одесским причалам и читаешь: на тракторах надпись — «Порт назначения — Читтагонг», на ящиках — «Порт назначения — Басра», на бочонках — «Гавана», на автомобилях — «Карачи», на тюках — «Марсель», на мешках — «Коломбо»...

Вот в какие порты грузы идут морем из Одессы. Бери карту и смотри. Басра в Ираке. Карачи в Пакистане. Гавана на Кубе. Марсель — Франция, Читтагонг — молодое государство — Республика Бангладеш. Не на всякой еще карте есть.

ТРИ ТИРЕ

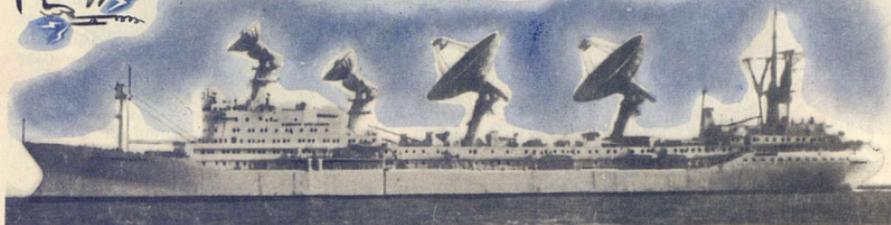
Один человек поздним вечером стоял и смотрел на мигалку Одесского маяка. Посветит — погаснет, посветит — погаснет, посветит — погаснет. Затем пауза, и снова три вспышки. Корабли с моря тянутся на огонек, в порт. Присмотрелся человек: а маяк то не просто мигает, а светом передает: тире-тире-тире... тире-тире-тире... Букву «о» передает! «О» — Одесса, мол, не перепутайте, капитаны...

МОРЯКИ С „ЭКВАТОРА“

Пять лет тому назад собрали ветераны торгового флота одесских мальчишек, тех, кто мечтает стать моряками. И решили: создадим клуб юных моряков. Нельзя морскому городу без такого клуба! Так и родился клуб «Бригантина». Зимой юные моряки занимаются в классе у Дворца моряков, а летом — на настоящем корабле — учебном судне «Экватор».

Правда, «Экватор» уже по морям не плавает, стоит у причала на мертвом якорю. Но порядок на нем настоящий флотский. Ребята участвуют в шлюпочных состязаниях, ходят в дальние плавания. Уже побывали во многих портах Черного и Азовского морей, в Болгарии и Румынии. В этих походах работали рядом со взрослыми: несли вахты рулевых, радистов, мотористов...

Если ты решишь обойти все помещения этого судна и на осмотр каждого потратишь всего-навсего одну минуту, потребуется тысяча четыреста сорок минут. Целые сутки! Вот какой гигант турбоход «Космонавт Юрий Гагарин». Его силуэт необычен — у него четыре огромные чаши-антенны. Они следят за спутниками, за космичес-

кими кораблями. Почему же это поручено судно? Потому, что когда космический корабль огибает землю, он уходит, как говорят специалисты, из зоны радиовидимости наземных станций Советского Союза. Тогда-то и следят антенны турбохода за космическим аппаратом.

УПРЯМЫЙ ЧЕЛОВЕК

В 1936 году из Одессы вышел грузовой пароход и взял курс на Испанию. В те дни республиканская Испа-

ния сражалась с фашистами, и пароход вез продукты и одежду детям испанских коммунистов. Был в команде матрос, звали его Вася.

Еще в Одессе купил он записную книжку: решил выписывать в нее испанские слова. Делал так: нарисует человечка, моряка в клешах, спирит у тех, кто испанский немного знает, и подпишет под картинкой — «маринеро», что значит моряк. Нарисует быка, подпишет — «стор»,... Много слов выучил Вася. Уже к Испании подошли. У самых берегов пароход захватили фашисты. Они хотели заставить советских моряков отречься от Родины. Команду бросили в тюрьму. Попал в камеру и Вася. Нашли у не-

го фашисты записную книжку. Полистали, усмехнулись. Рисуй, сказал один: «эспозас» — наручники, «карсель» — тюрьма, «реха» — решетка... Ха-ха-ха! Узнаешь испанский язык.

— Ничего, — сказал Вася, — выучу и это...

Фашисты не сломили волю советских моряков. Промержали в тюрьме несколько недель и выпустили. Пришел пароход в республиканский порт и груз привез. Записную книжку Василий сохранил и снова стал записывать туда испанские слова: «хлеб», «друг», «девочка»...

Записная книжка Василия хранится в Одессе, в Музее морского флота СССР.

ДРЕЙФ „ОРИЕНТЕ“

Удивительное это событие случилось на Черном море в 1828 году, зимой. Итальянский бриг «Ориенте» застрял в Одесском заливе, в... тяжелых льдах! Лды двигались вдоль берега и тащили с собой бриг. Матросы, словно полярники, оставив корабль, пошли по льдинам к берегу. А бриг продолжал дрейфовать в юго-западном направлении. Вот тебе и теплое Черное море! Настоящий Ледовитый океан... Только через месяц «Ориенте» освободился из ледового плена. К этому времени его отнесло льдами на добрую сотню миль.

Бывали и еще холодные зимы на Черном море, но таких больше не было...

Борис
Никольский

*Как Башмаков
письмо писал*

РАССКАЗЫ

Был у Башмакова один недостаток — очень не любил он писать письма. Получать любил — как появится почтальон, так Башмаков первый возле него, шею тянет, высматривает, нет ли ему весточки из дому или от друзей, а вот отвечать — не было для него занятия труднее.

Обычно он долго собирался сесть за письмо. Бумагу приготовит, конверт достанет, ручку чернилами заправит. Сядет и задумается.

Так и в этот раз было.

Сидит Башмаков за дощатым столиком на воздухе, возле казармы, и думает.

День воскресный, солнце всю светит, солдаты — кто в волейбол играет, кто — в домино, кто загорает.

«Здравствуйте, — пишет Башмаков в своем письме, — дорогие родители и брат!

Живу я хорошо, чего и вам желаю. Служба моя идет нормально. Погода у нас хорошая, жарко, как на курорте. Сейчас пишу вам письмо, а сам загораю в одних трусах...»

Поставил Башмаков точку и опять задумался, по сторонам смотрит: о чем бы еще написать?

А тут вдруг как завоет сирена у штаба! И дневальный кричит:

— Тревога! Рота, тревога!

Солдаты со всех ног бросились в казарму, к пирамидам, на ходу гимнастерки натяги-

вают. Башмаков тоже гимнастерку быстренько надел, письмо в карман сунул и бегом в казарму.

И трех минут не прошло — выстроилась рота с автоматами, с противогазами, в полном солдатском снаряжении. И Башмаков, конечно, вместе со всеми.

Погрузили солдат в автомашины, привезли на аэродром. А там уже самолеты стоят, ждут десантников.

Грозно гудят моторы, поднимаются самолеты в воздух.

Еще и часа не прошло, а уже летит Башмаков за двести километров от военного городка, вниз смотрит. Внизу горы, в горах снег лежит.

Самолет делает разворот над плоскогорьем. — Приготовиться! — командует лейтенант Петухов.

Один за другим прыгают десантники за борт самолета. И Башмаков, конечно, вместе со всеми.

Только приземлились, а уже торопит своих солдат лейтенант Петухов: быстрее, быстрее, бегом — нужно отыскать в ущелье замаскированные ракеты «противника». Пробираются десантники сквозь колючие кусты, ползут по каменным осыпям, шагают по крутым тропинкам. В лицо бьет холодный ветер, у горных вершин клубятся темные тучи, того и гляди — снег повалит.

А вот и ущелье, в ущелье ракеты упрятаны, возле них часовые «противника» ходят, ничего не подозревая. Ага, попались, голубчики!

Выполнили десантники задание, теперь можно и привал сделать, отдохнуть.

Разожгли костер пожарче, собрались возле него.

Башмаков из кармана свое письмо вытащил, ручку достал. Самое милое дело — у костра, на привале письма домой писать! Листок приспособил на колене, прикрыл от дождя плащ-палаткой, пишет:

«...С неба дождь сыплется пополам со снегом. Так что простите за неразборчивый почерк — руки мерзнут и писать неудобно. Развели костер и греемся. А вообще здесь очень красиво — огромные валуны, снег лежит».

Пока скончал Башмаков письмо, привал кончился.

Поздно вечером вернулись десантники в казарму.

Перед самым отбоем опять, уже в третий раз, принял Башмаков за письмо. А тут увидел его ротный старшина. Был у того старшины такой характер, что не мог он оставаться спокойным, если замечал солдата, не занятого делом. Только и удалось Башмакову второпях дописать две фразы:

«...Старшина приказал навести вокруг поря-

док — подмести и протереть пыль, так что писать заканчиваю. Привет всем».

И все равно в этот вечер Башмаков лег спать очень довольный: наконец-то письмо написано!

А на другой день, прежде чем заклеить конверт, перечитал он письмо и ахнул. Вот что у него получилось:

«Здравствуйте, дорогие родители и брат!

Живу я хорошо, чего и вам желаю. Служба моя идет нормально. Погода у нас отличная, жарко, как на курорте. Сейчас пишу вам письмо, а сам загораю в одних трусах. С неба дождь сыплется пополам со снегом. Так что простите за неразборчивый почерк — руки мерзнут и писать неудобно. Развели костер и гремся. А вообще здесь очень красиво — огромные валуны, снег лежит. Старшина приказал навести вокруг порядок — подмести и протереть пыль, так что писать заканчиваю. Привет всем.

Башмаков»

Сначала Башмаков очень расстроился. А потом подумал — чего ж тут расстраиваться — такая уж служба у десантника: сейчас здесь, а через час уже за двести километров. Одно слово — крылатая пехота!

А письмо ему все-таки еще одно — новое — пришлось написать.

Если говорить честно...

Однажды пригласили Башмакова в летний лагерь старшеклассников, выступить, рассказать о нелегкой службе десантников.

Надел Башмаков парадную форму, почистил ботинки гуталином «Люкс», отправился в лагерь. А в лагере — смотрит — сидят перед ним

девочки лет по пятнадцати-шестнадцати, глядят на него во все глаза, перешептываются.

«Еще бы, — думает Башмаков, — наверно, никогда в жизни настоящего десантника не видели».

Приосанился он.

— О чем, — спрашивает, — рассказать: о ночных прыжках, об испытаниях парашютов или, может быть, о последних больших учениях?

— Лучше расскажите, — просит девочка с косицами, — как вы первый раз прыгали.

— Первый раз? Это можно, — говорит Башмаков. — Первый прыжок, он на всю жизнь запоминается. Я, к примеру, когда первый раз прыгал...

И тут замолчал Башмаков, заколебался. Потому что, если начистоту говорить все так, как на самом деле было, никакого особого героизма он не проявлял. Вот если бы присочинить немого...

— А вы с какого самолета прыгали? — спрашивает девочка.

— Я? С «АН-2», с кукурузника. С него обычно все первый раз прыгают... — говорит Башмаков, как будто оправдывается, а сам себя в душе ругает: ну что у него за характер такой! Будь на его месте ефрейтор Барабанщиков, тот бы наверняка прихвастнул: с «АН-10», сказал бы; люк открывается, все кругом гудит, ветер бушует... А он — с кукурузника...

— А парашют у вас как раскрывался? Вы сами за кольцо дергали?

Так и подмывает Башмакова сказать: «А как же! Конечно, дергал! Лечу я, значит, в воздухе, секунды отсчитываю: «...пять, шесть...» «Пора», — думаю. Тут и рванул за кольцо!»

Ах, если бы на самом деле так было!

— Нет, — грустно отвечает Башмаков, — если говорить честно, за кольцо я в тот раз не дергал. Когда человек первый раз прыгает, чаще всего применяется принудительное раскрытие парашюта. Это что значит? Это значит, что парашют раскрывается сам, с помощью длинной специальной веревки — фала. Когда десантник отделяется от самолета, фал натягивается, срывает с парашюта чехол, купол раскрывается...

— А страшно было? — все не унимается девочка с косицами.

«Страшно — не страшно» — и вопросы все какие-то девчончьи!

— Если говорить честно, — отвечает Башмаков, — страшновато. Особенно трудно последние два-три шага до раскрытой двери сделать. Тут и ноги слабеют, ватными становятся, и пол, кажется, из-под ног уходит... А я еще в окно перед этим взглянул — смотрю: ух ты, земля-то как далеко! Машина по дороге, как спичечная коробочка, ползет, люди, как мурашки чернышки, еле видны... Неужели, думаю, мне сейчас туда лететь! А тут уже руку мне на плечо кладет офицер-выпускающий и командует: «Пошел!» Ну, я и пошел...

Засмеялись девочки, развеселил их Башмаков.

— А дальше? — спрашивают.

— Дальше?.. Если говорить честно, когда прыгал, я слегка зажмурился. Потом чувствую, трянуло меня, взглянул вверх — надо мной огромный белый купол раскрылся. А вокруг синее небо! И так мне хорошо стало! Так легко на душе! Петь хочется! Приземлился благополучно, упал на бок, как мне советовали, чтобы смягчить удар... Так вот и закончился мой первый прыжок...

Видит Башмаков — девочки на него с уважением смотрят.

«Эх, — думает, — а если бы на моем месте ефрейтор Барабанщиков был, он бы такого понавертел, они бы ахнули!»

Еще целый час рассказывал Башмаков о десантной службе. Никак не хотели отпускать его девочки. Когда стал прощаться, пошли они проводить его до ворот, а та, которая с косицами, вдруг хитровато на него посмотрела и говорит:

— Очень верно вы все про первый прыжок рассказывали. Все точно.

— То есть как? — изумился Башмаков. — Вы-то откуда знаете?

— Да у нас, — смеется она, — уже почти все девочки с парашютом прыгали. Мы в школе ДОСААФ занимаемся.

Башмакову даже жарко стало от неожиданности.

«Ну и ну! — думает. — Чуть не попался! Вот тебе и девочки!»

Рисунки
В. Топкова

ВОЕННАЯ АЗБУКА

Несколько лет тому назад Советская Армия проводила военные учения. В них участвовали вот какие войска: мотострелковые, танковые, воздушно-десантные, ракетные, артиллерийские, инженерные, химические, радиотехнические, автомобильные, дорожные, железнодорожные... Тысячи машин и сотни тысяч людей! А сами учения проходили на таких пространствах, что мотопехоте приходилось совершать марши по 800 километров!

Об этом я прочитал в «Книге будущих командиров», которую выпустило издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Автор — писатель Анатолий Митяев.

Все можно найти в этой книге. И схемы сражений. И портреты полководцев. И рисунки орденов и снаряжения воинов. Голпиты, фаланги, карронады, фашины, ментики, знамена, погоны, танки, гаубицы, ракеты...

Прочитай ее, и ты узнаешь и про Спартака, и про Александра Невского, и про Суворова, и про Нахимова. И про лихие чапаевские рейды. И про Буденного и Фрунзе. И про Великую Отечественную...

«Книга будущих командиров» вмещает в себя все о военном деле. Это — настоящая энциклопедия. Только написана она для детей, для школьников.

Два рисунка в этой книге поразили меня.

Во времена Древнего Рима сошлись для сражения несколько сотен человек в чистом поле. Два войска. Пыль столбом! Гвалт страшный! Слоны трубают, люди рубятся с плеча, сила на силу... Наконец, одна сторона одолела. Погнала другую. Побросали бегущие

оружие... А победители? Победители нашли самое высокое дерево и все захваченное у врага оружие и доспехи развесили на ветках. Закачались эти железные плоды, зазвенели на ветру. Дерево это так и называлось: дерево-трофей. Оно-то и нарисовано в самом начале книги.

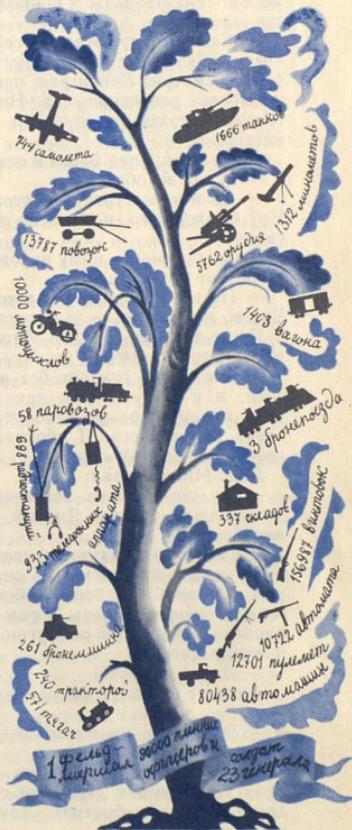
И уже в конце книги, читая о великой Сталинградской битве, я снова увидел похожий рисунок. Дерево-трофей! Но висело на том дереве 1660 танков, 744 самолета, 8438 автомашин, 5762 орудия, 3 бронепоезда, 10 000 мотоциклов... И еще под деревом поместилось 90 000 пленных солдат и офицеров, 23 генерала и 1 фельдмаршал. Вот какое это дерево-трофей.

...Конечно, не было под Сталинградом такого дерева. Дерево-трофей вообразил себе писатель, а художник нарисовал. Но, разглядывая эти два схожих рисунка, я увидел всю долгую историю военного искусства, все перемены от тех времен, когда люди рубились мечами и саблями — до наших дней, когда во время Великой Отечественной войны сражались десятки миллионов человек, тысячи самолетов и танков.

Изменились не только само

оружие и не только умение владеть им, изменилось и само понимание слова «война»: ведь в Великую Отечественную войну советский народ бился насмерть с фашизмом не только за свою свободу, но и за свободу других народов — за свободу всего человечества!

О. Орлов

ак получилось, что у меня было несколько выходных дней подряд и я мог целую неделю ничего не делать. Учителя в нашем классе заболели как один. У кого аппендицит, у кого ангина, у кого грипп. Совершенно никому заниматься.

И тут подвернулся дядя Миша. Он когда услышал, что я могу целую неделю отдыхать, сразу подскочил до потолка, а потом подошел к маме и сказал ей таинственным голосом:

У меня идея!

Мама сразу притнула меня к себе.

— Давай выкладывай, — сказала она недовольным голосом.

Вот — не успел человек и слова вымолвить, а маме уже не нравится. Беда! Всегда так, просто наказание! Но я промолчал, а дядя Миша сказал:

Сегодня я уезжаю к себе. Давай-ка я возьму Димку с собой! Пусть съездит! Беситка посмотрит Ленинград, прекрасный город, колыбель революции, на Неве легендарная «Аврора» стоит как живая, а это знаешь как интересно!

Мама нахмурила брови и сказала:

— А как же обратно?
— Да я его встречу, — отозвался папа. — Ну? Скажи «да», и мы тебя расцелуем в награду.

И они бросились маму целовать. Она отмахнулась от них и сказала:

— Ну и подхалимы! — потом добавила: — Что ж, поезжайте. — И вздохнула.

И мы поехали с дядей Мишей. Про дорогу в Ленинград я ничего не могу рассказать, потому что поезд отходит без пяти двенадцать ночи, а я сразу заснул как убитый. Посмотрел я вагон только рано утром, и мне все очень понравилось. И уборная, и коридор, и лесенка на второй этаж.

Дядя Миша сказал:

— Ну что? Сейчас встретитесь со своим двоюродным братом Димкой. Познакомитесь наконец!

Мы вышли из вокзала и сели в троллейбус, и не успели отъехать, как оказалось — нам уже выходить. Мы бегом взбежали на второй этаж и отворили дверь, а там сидит какой-то паренёк и ест горячие пельмени. Он подвинулся и сказал мне:

— Давай помогай!
Я к нему подошел, и мы сразу с ним подружился.

— Ты почему не в школе? — спросил дядя Миша.

— Сегодня отец приезжает, — ответил Димка и улыбнулся и стал еще симпатичней, — да не один, а с братцем. Как можно? Надо встретиться!

Дядя Миша хмыкнул и пошел к себе на завод. Димка проводил его до дверей, и мы, еще подрубив пельменей, поскорей пошли смотреть Ленинград. Димка знал его назубок,

КАК Я БЫЛ В ЛЕНИНГРАДЕ

Виктор Драгуцкий

РАССКАЗ

Рисунки М. Юлина

и мы прежде всего побежали глядеть на Неву — какая она широкая. Мы бежали по набережной и вдруг увидели — стоит корабль, а на нем идет настоящая служба. Все по-военному, матросы, флаги, и написано на корабле — «Аврора».

Димка сказал:

— Смотри, какой корабль! Он участник Октябрьской революции!

И у меня захватил дух, что я вижу «Аврору» своими глазами. И я снял шапку перед этим кораблем.

А потом Димка побежал дальше, а я за ним. Интересно ведь с Ленинградом знакомиться. И мы садились в автобусы, и выходили где-то, и опять садились. И видели памятник Пушкину в круглом скверике. Пушкин был маленький, не то что у нас в Москве, на Пушкинской площади. Нет, куда там! Тут он был помоложе, чем яши, вроде мальчишки из детского класса. Он был маленький, но очень красивый и симпатичный.

Но тут Димка сказал:

— Я проголодался.

И вошел в какую-то дверь. Я за ним. Вот, думаю, он уже проголодался! Только что съел пуд пельменей — и уже! Он проголодался! Ну и паренёк! С таким не проголодаешь!

И мы вошли в большой зал, уставленный столиками. Это оказалось кафе. Мы там по-

ели пирожков, — такие трубочки с мясом, вроде блинчиков. Ох и вкусно! Мы потом еще одну порцию взяли, третью. А потом, когда поели, Димка важно так сказал:

— Сколько нас?
Он заглянул, а я глядел на него во все глаза. Он засмеялся:

— Ну, чего глядишь? Это мне папа дал денег, специально, чтобы тебя кормить! Ведь ты же у нас гость, верно?

И когда мы пошли домой, Димка сказал:

— Сейчас поедим, а потом в Эрмитаж.

Я сказал:

— Опять поедем? Ты что, с двойным животом, что ли? И потом, я уже был в Эрмитаже. В Москве. Я там зимой с горки катался. Еще во втором классе!

Димка даже покраснела:

— Да ты что, не знаешь, что в Москве ваш Эрмитаж — это просто садик для детворы, а у нас в Ленинграде это картинная галерея! Музей, понял?

А когда мы подошли к красивому дому на площади и я увидел, что крышу держат огромные великаны, я вдруг понял, что очень устал, и сказал Димке:

— А давай в картинную галерею — завтра? А? А ты устал очень. Долго идешь.

Димка взял меня под руку и спросил:

— До трамвая-то дойдешь?
Я кивнул, и мы скоро дошли до трамвая и поехали. Оказалось, далеко.

Вечером глаза у меня просто сами слипались. Тетя Галя подсунула под меня раскладушку, и я сразу уснул.

А утром Димка схватил меня за ногу и стал тянуть с раскладушкой!

— Вставай, соня несчастная!

Я сказал:

— А разве уже утро?

Димка сказал:

— Утро, утро! Скорей вставай, побегим в Эрмитаж!

Пока мы завтракали, Димка все время повторял:

— Давай скорей!

Тетя Галя сказала:

— Дима, не торопи Дениску, у него кусок в горле застревает. И вообще, нужно еще по-

дойдять.

И она на него выразительно посмотрела.

Димка сказал:

— Чего ждать? Нужно бежать скорей!

Дядя Миша и тетя Галя рассмеялись. В это время раздался звонок. Димка скривился, как будто у него вдруг заболели все зубы. Он сказал:

— Ну вот. Не успели!

Тетя Галя пошла отговаривать, и мы услышали девичьи голоса, смех и голос тети Гали:

— Димочка! А вот и твои учителя пришли.

Я спросил:

— Ты что, Димка, отстающий?

В это время вошли две девочки. Одна была рыжая, с рыжими ресницами и рыжими веснушками, а вторая была какая-то странная. У нее были глаза длинные, прямо на висках оканчивались. Я сказал:

— Димка, какие у этой черенковой глаза большущие!

— А! — сказал Димка. — Это Ирка Ролина. Знакомьтесь!

Девочки быстро объяснили Димке урок, и мы все вместе пошли в Эрмитаж.

Мне очень понравилось в Эрмитаже. Там такие красивые залы и лестницы! Как в книжке про королей и принцесс. И всюду висят картины. Я уже немножко устал ходить по залам, как вдруг увидел одну картину и остановился перед ней. Там были нарисованы два человека, старея уже, один лысый, другой с бородой. У одного в руке книга, у другого ключ. У них были удивительные лица, грустные, уставшие, и в то же время какие-то сильные. Картина была какого-то необычного цвета, я такого никогда не видел.

Я стоял и смотрел на эту картину, и Димка, и девочки. Мы все стояли и смотрели. Потом я подошел поближе. На табличке было написано — «Эль Греко».

Я прямо подпрыгнул! Эль Греко! Я про него читал, это был грек с острова Крит. По настоянию его звали Доменико Теотокпули. Вот это художник так художник! Я сказал:

— Какая хорошая картина!

— Теперь понял, — сказал Димка, — что такое Эрмитаж? Это тебе не с горки кататься!

А Ирка Родина сказала:

— На этой картине краски, как драгоценные камни...

Я даже удивился. Девчонка, а тоже понимает!

А потом мы попали в зал, где стояли египетские вазы. На этих вазах все люди были нарисованы сбоку, и у них были глаза длиннее-длинные. До висков. Я сказал:

— Смотри, Димка — у Ирки Родной глаза, как на вазе.

Мы с Димкой еще много где побывали. Мы были в Русском музее и в квартире Пушкина, забрались на купол Исаакиевского собора и даже съездили в Царское Село. На ту сторону леса Маша.

А когда я приехал в Москву, мама спросила:

— Ну, путешественник, как тебе понравился Ленинград?

Я сказал:

— Мама! Там стоит «Аврора!» Настоящая, понимаешь, та самая! И в Эрмитаже есть картина художника Эль Греко! А ты еще спрашиваешь! И еще я познакомился там с одной девочкой. Ее зовут Ира Родина. У нее глаза, как на египетской вазе, правда! Я ей напишу письмо.

Папа сказал:

— А ты что, взял у нее адрес?

Я сказал:

— Ой, забыл... Но ничего, папа! Я напишу Димке, и он мне даст ее адрес. Я ей обязательно напишу письмо!

Рассказывает «токарь № 1», победитель конкурса токарей 1973 года, депутат X Всесоюзного Фестиваля молодежи «Большевик» Ленинградского завода «Большевик» Николай Кислицын.

Если правда, что города — как люди, то Ленинград, конечно, похож на моряка. Он акkuratен, подтянут, чист, воспитан, приветлив с гостями. В этом городе я живу и работаю на заводе, который называется, по-моему, очень здорово — «Большевик».

Сюда я пришел после окончания ПТУ больше четырнадцать лет назад с дипломом токаря. Правда, что я тогда за токарь был?... Так, шутка — гадчик, болтливы. Но то чтобы кто-нибудь отозвался неуважительно о моем умении, нет, просто сам понял, когда пригласился к работе опытных токарей.

А в училище у нас был очень хороший мастер, Олег Иванович Мальбер — великолепный токарь, и к нам относился как к младшим, но товарищам по работе. Он понимал, что нам, мальчишкам, очень нужна уверенность в своих силах. Не закончившая самоуверенность, а вера в себя. Из-за него-то я и полюбил токарное дело, свою будущую профессию. Ведь я, когда кончил седьмой класс, просто хотел быть поближе к технике, а кем — все равно. Красиво работал Олег Иванович. Ни одного лишнего движения, все до предела экономно. Смотришь и думаешь — как просто. Только у нас, его учеников, так почему-то не получалось. У меня лично на это ушло четырнадцать лет. Шестой — самый высокий рабочий разряд, мне присвоили после Всесоюзного конкурса, что проходил в городе Жданове, там я занял первое место.

Чтобы стать инженером, надо учиться в институте пять лет, а вот работать по высшему разряду за пять лет не научишься. Думаете, преувеличиваю? Да у меня одних только резцов больше двухсот видов!

Рядом со станком на моем рабочем месте стоит большой шкаф, похожий на книжный. И там лежат только резцы, и все они резки. Массивные тупорыльные — проходные, ими снимают самый первый,

МОЕ ЛЮБИМОЕ ДЕЛО

«грязный» слой металла. Длинные, с тонкими головками называются расточными, с их помощью маленькие отверстия можно сделать большими и проточить внутри детали канавку. Название плоских резцов говорит само за себя — отрезные.

Почти каждый вечер, убрав станок, я иду к наждаку, затачиваю резцы. У них, у каждого — своя заточка. Чтобы стружка уходила из отверстий, не наматываясь на резцы и не царапая обработанную поверхность, на резцах прорезают канавки. Канавки эти маленькие, как насечки, или глубокие, в зависимости от того, какой металл надо обрабатывать — мягкий или твердый, хрупкий или вязкий.

Чтобы правильно обточить любую деталь, надо знать свойства металла, из которого она сделана, и назначение детали. Конечно, если изо дня в день делаешь одно и то же, то

проце. А у нас производство единичное, это значит, что зачастую по несколько разных деталей в день приходится делать.

Наш цех называют умным сердцем завода, потому что делают здесь инструменты для других цехов. Точности наших изделий — невысшая, первый класс. Сейчас вообще в технике особое внимание уделяют именно точности. Было время, когда детали маркировали микронцем. Теперь же нужны детали, сделанные с точностью до десятых долей микрона. Когда токарь снимает последнюю стружку, движения его осторожны, будто он работает с тончайшим стеклом, а не с металлом. Думаете, это просто — выдержать размер с точностью до долей микрона? Ведь рядом с этой авеличиной человеческий волос покажется бревном.

Прежде чем начать работу, я всегда внимательно изучаю чертеж. Бывает, что на это уходит не меньше часа, но здесь время я не экономлю никогда. Это вроде как с заданной: пока на черновые не решил, в тетрадь не пишу. Только я свою задачу в уме решаю: какой резец выбрать, с чего начать обработку, с какой скоростью везти. Пока во всем этом толком не разберусь — станок не выключаю. А сейчас иначе, теперь есть у всех. Ведь не в каждом это получается — в пятнадцать лет никак свое признание, раз и навсегда выбрать себе профессию. Был у меня один подопечный — Саша Мозылев — призер цехового конкурса профессионального мастера. Так вот он, этот лучший в цехе молодой токарь, когда впервые пришел в цех, заявил: «Токарем все равно не буду». Сейчас Саша служит в армии, письма пишет на завод, спрашивает, между прочим, есть ли для него станок.

Любят и профессии с первого взгляда я лично не встречал. Она приходит, если человек сумеет увлечься своим делом.

Любя и профессии с первого взгляда я лично не встречал. Она приходит, если человек сумеет увлечься своим делом.

соброре демонстрируется), работая на токарном станке. Однажды он заметил, что если качнуть прут, укрепленный одним концом в патроне станка, то даже во время вращения патрона прут будет колебаться в той же плоскости. Значит, когда человек работает своими руками, мысль его становится и четче, и конкретнее. Разумеется, нужен фундамент — знания. Мои идеальные токари со знаменитым инженером. Потому я и поступил в вечерний институт, чтобы лучше у станка работать. Хотя и контрольные, и курсовые, зачеты — все это после работы, а ведь есть еще и семья, сын.

Что мне помогает во всем успевать? Не удивляйтесь — общественная работа. В этом году меня опять избрали заместителем председателя цехового комитета. Вот и приходится рассчитывать каждое движение, до предела сокращая потери времени, чтобы выкроить его на общественные дела. И на учеников. Их у меня было трое. Один — Саша Демидов — есть и сейчас.

Когда я пришел на завод, никаких наставников ни к кому не прикрещали. Правда, я не стеснялся обращаться за помощью и анонимно научился у опытных токарей. А сейчас иначе, теперь есть у всех. Ведь не в каждом это получается — в пятнадцать лет никак свое признание, раз и навсегда выбрать себе профессию. Был у меня один подопечный — Саша Мозылев — призер цехового конкурса профессионального мастера. Так вот он, этот лучший в цехе молодой токарь, когда впервые пришел в цех, заявил: «Токарем все равно не буду». Сейчас Саша служит в армии, письма пишет на завод, спрашивает, между прочим, есть ли для него станок.

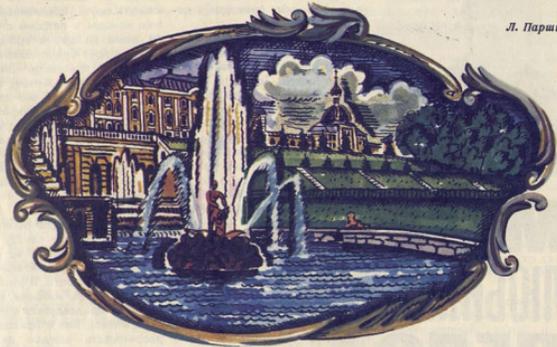
Любят и профессии с первого взгляда я лично не встречал. Она приходит, если человек сумеет увлечься своим делом.

Любя и профессии с первого взгляда я лично не встречал. Она приходит, если человек сумеет увлечься своим делом.

Рассказ Н. Кислицына
записала А. Пугачева

ПЕТЕРГОФ и САН-СУСИ

Л. Паршин

Раскин А. Харшака

ПАРК САН-СУСИ В ГОРОДЕ ПОТСДАМЕ, В ГДР

Я шел от дворца в виноградными террасами, миновала парк с геометрическими линиями аллей и стриженных кустарников, спустился к берегу неширокого канала, в котором плавали утки. Дорожки вьются прихотливо и волно, деревья не подстрижены и не рассажены по линейке, а расположены живописными группами. Уютные рощи теперь чередовались с лугами. Луга, покрытые шакавистой травой, причудливо переливались. На них набегали волны клеен, каштанов и слей. И от сочетания всех оттенков зеленого — от нежно-изумрудного до густого малякитового — возникла совершенная цветовая гармония. Это парк — пейзажный, в английском стиле, и сделан он так хорошо, что я засомневался, причастна ли к этому рука садовника. Может быть, сама природа сохранилась в этом уголке нетронутой и прекрасной?

Природа — величайший художник, но этот пейзаж создан

людьми. Ни один кустик, ни одно дерево, а их в парке десятки тысяч, не посажены случайно. Мыслью художника каждому определено свое, единственно подходящее место. Два века назад великие мастера садового искусства — создатели парка предвидели, что в такой вот осенний день разросшиеся осины будут огнем пылать на фоне клеен, которые начинают желтеть гораздо позже, а посетителям березки будут особенно трогательны рядом с сочно-зелеными могучими пихтами.

В середине восемнадцатого века в Потсдаме стали сооружать парк и дворец для короля Фридриха II. В то время монархи Европы предпочитали выносить свои дворцы-убежища из столиц в окрестности — полагали это опаснее скопления народа. Свою резиденцию Фридрих II и назвал Сан-Суси, что значит «бег забот». По тихим аллеям прогуливались члены королевской семьи, звелили шпорами чвалыные прусские воиные. Считалось, что в Потсдаме на каждом два человека гражданского населе-

ния приходилось девять военных, Пруссия — не государство с армией, а армия с государством.

ПЕТЕРГОФ (ОН ЖЕ ПЕТРОДВОРЕЦ) ПОД ЛЕНИНГРАДОМ, В СССР

Возвратившись из поездки в Германскую Демократическую Республику, я отправился в один из воскресных дней в Петродворец. Ленинградская осень не похожа на потсдамскую. День короткий и темный, с утра шел холодный мокрый снег. Тяжелые хлопья падали на землю не мягко и беззвучно, как зимой, — шорох стоял в воздухе от падения мокрых хлопьев. Жидкая масса — не снег и не вода — покрывала все вокруг, брызги летели из-под ног.

Он и в этот сумрачный день был прекрасен — город молчаливых фонтанов, пустынных аллей с укрытыми скульптурами. Холодное море угадывалось за снежной стеной. В белом сумраке особое благородство обрета архитектура прославленного Растрелли...

Когда в Потсдаме каменщики лишь начинали строить дворец, а садовники — сажать деревья, Петергоф был уже знаменит. Старый петровский дворец расширился, был «распространен» палатным зданием, украшен в немалую славу и удивление».

Русский Петергоф знавал хозяйку под стать Фридриху II — императрицу Екатерину II. При ней в городе фонтанов устроили театральные представления, на придворные вечера приглашали художников. Поэты читали свои стихи... Выпешными были фонтанные празднества и фейерверки. Один английский путешественник сказал: «Описать Петергоф может одно перо, обмакнутое в море радуги и огней».

«Покровительница искусства» невидела и болясь своих крестьян, и в этом была похвала и на Фридриха II, и на всех монархов мира. В период наибольших успехов восстания Пугачева она даже приказала соорудить в Петергофе крепость. Много лет спустя, во время революционных бурь 1905—1907 годов, в Петергофе отсиживался

последний русский царь Николай II, а на берег волею его дачи море выдвигало тропы казенных матросов. Крепость теперь срыта. Зато память о кровавых расправах над непокорными всегда будет связана с дачами. Самые счастливые, пожалуй, дачи Петергофа — это 20-е и 30-е годы нашего века. Все его сокровища оставались еще в целостности и сохранности, но принадлежали уже новым хозяевам.

А. В. Луначарский писал, что один английский дипломат, знаят музейного дела, увидел, как берегут в стране Советов сокровища петергофские. «Описать Петергоф может одно перо, обмакнутое в море радуги и огней».

«Действительно, — замечал Луначарский, — сохранность всего наследия царей шепетильная и безукоризненная. Каждое лето около двух миллионов человек посещали Петергоф и впервые богатства культуры — дворцы и парки, фонтаны и музеи, скульптуры и картины старых мастеров — служили народу. Я приехал в Петродворец на

встречу с теми, кто восстанавливал его после военных разрушений. Несмотря на непогоду, в зале Большого дворца собралось много народа. Сюда пришел Тихомирова, музейный работник, майор Иванов, обезвредивший со своими саперами десятки тысяч мин и снарядов, первый после освобождения директор музея Шурьгин, скульптор Михайлов, который восстанавливал фонтан «Самсон»... Все вместе они вспоминали о самых страшных днях в истории столицы фонтанов, когда город находился в руках фашистов, на передовых позициях гитлеровских войск.

ПЕТЕРГОФ И САН-СУСИ

В 1942 году страницы газет обшла ужасная фотография разрушенного Большого дворца, найденная у пленного гитлеровца. Как рассказывали очевидцы, дворец горел три дня и три ночи, и никто не пытался его спасти. «Война заинтересовала в ликвидации пожаров только тех зданий, которые должны быть

использованы для стоянок воинских частей. Все остальное... должно быть уничтожено. Никакие исторические или художественные ценности на Востоке не имеют значения».

Этот приказ, изданный командующим 6-й армией Рейхенау, был особо одобрен Гитлером.

Исполняя этот приказ, фашисты сожгли и взорвали здания,

вых дней оккупации и рьяно принялась исполнять свою «особую миссию»: грабить. В Германию вывозили редчайшие картины и скульптуры; около пяти тысяч предметов уникальной мебели; редчайшие гобелены; ценные фарфоровые сервизы; распиленную на куски скульптуру «Самсон». Всего тридцать четыре тысячи предметов.

тя и оказался на передовой. Не сожжен, не расхвачен танками, не обезображен окопами.

На следующий день после взятия Потсдама немецкому командованию была послана радиogramма; предлагаем не обстреливать дворцы, сады и парки Сан-Суси. Ее отправил старший лейтенант Е. Ф. Леджуweit, назначенный командантом Сан-Суси. Он же организовал охрану парка и памятников, взял на учет музейные экспонаты. Людей у него почти не было, они нужны были на фронте, и он брал в «парковую армию» легкораненых и выздоравливающих. Бои еще были в полном разгаре, еще гибли на подступах к Берлину наши безымянные герои, а советские люди восстанавливали поврежденный купол дворца.

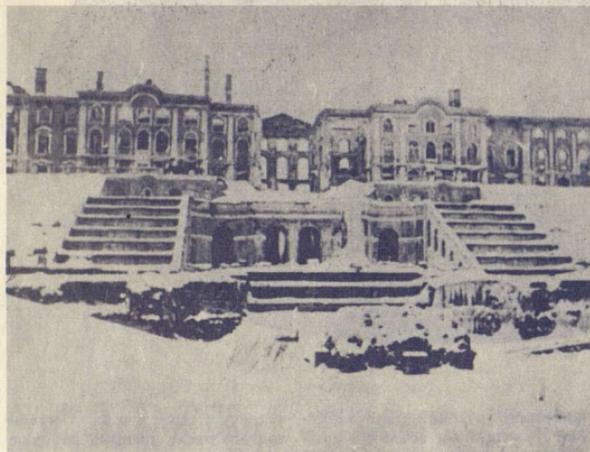
Однажды советский командант зашел в оранжерею, где росли кактусы. Этим растениям нужно тепло, постоянные 33 градуса. Значит, надо топить и еще раз топить. Но где взять дров в такое время?

Для фашистов в Петергофе такой вопрос не существовал. Они просто рубили ближайшее дерево или сдирали со стен ценнейшую дубовую облицовку, чтобы натопить печи своих казарм. А советские солдаты в Потсдаме во время жестоких боев добывали горстку угля, чтобы спасти кактусы.

Старый парк сохранен для народа Германской Демократической Республики и для тысяч посетителей из всех стран мира. Имя человека, который так много сделал для спасения Сан-Суси, присвоено одной из улиц, ведущих к парку.

Имя города фонтанов Петергофа встречается на первых же страницах летописи войны. В Потсдаме поставлена последняя ее точка. Петергоф — как и Пушкин, Павловск, Ясная Поляна, Клин, Смоленск, Киев, Минск — это грозное напоминание о том, что хотел сделать с нами фашизм, это символ мужества нашего народа. Сан-Суси — это символ спасенной Европы, свидетельство подвига советского воина, сохранившего мировую культуру от фашизма.

Потсдам — Ленинград

фонтанную систему, парки перекопали противотанковыми рвами, изуродовали дотами, блиндажами и траншеями, которых оказалось больше трех сотен. Более тысячи лип вдоль Марлинской аллеи были спилены и образовали противотанковый завал, всего же свыше десяти тысяч вековых деревьев, то есть более трети общего массива — уничтожено.

М. Тихомирова рассказывала, что часто, стоя среди неправдоподобно высокой травы, лопухов и репейников и сотен пней, она не могла узнать знакомые места, прекрасные некогда аллеи. Как-то раз споткнулась о щель в асфальте и вспомнила: до войны она сломала здесь каблук. Тогда вокруг был цветущий сад...

В составе группы армий «Север», наступающих на Ленинград, действовала 2-я рота зондеркоманды Риббентропа, в которой были и специалисты по садово-парковому искусству. В Петергофе она появилась с пер-

Комиссия оценила общий ущерб, нанесенный Петергофу фашистами, в 5 миллиардов 600 миллионов рублей. Но разве деньгами измеришь невосполнимые утраты! Какой ценой можно расплатиться за это черное варварство?

Прошел год с тех пор, как фашисты были изгнаны из Петергофа, и вот уже парки и дворцы Сан-Суси, которые до сих пор тихо пережидали войну, оказались в зоне боевых действий.

Неудержимыми лавинами советские армии двинулись по Германии, окружая Берлин, ставку Гитлера. Кольцо замкнулось в Потсдаме.

Что же Сан-Суси? Сгорел ли он в огне войны? Прошлись ли по его аллеям гусеницы танковых бригад?

Снова вспоминаю его пейзажи, его широкие перспективы, изысканную архитектуру и величественные вековые деревья.

Он сохранился во время войны, этот прекрасный парк, хо-

ОНИ-РАБОЧИЕ ФИРМЫ „ЛЕТО“

„...Создавать
новые
тепличные
хозяйства...“

Из Директив
XXIV съезда КПСС

Здесь никогда не бывает декабря, января и февраля. Здесь всегда июнь, июль и август.

Теплицы, парники известны со времен Древнего Рима...

ДЛЯ ЮНЫХ ИСТОРИКОВ

Римляне вставляли в рамы пластины слюды. Во Франции XVI века уже в стеклянных помещениях, называемых оранжереями, выращивали апельсины (отсюда и название, от

французского слова «оранж» — апельсин). В России при Петре I для вельмож строили оранжереи и выращивали в них персики, абрикосы, ананасы.

Современное тепличное хозяйство — это крупное промышленное объединение.

Здесь, как на заводе, две смены. Сегодня, например, работница Люда Богатырева работает в первую, а вечером ей в школу. Учится Люда в 10 классе, ей восемнадцать лет.

Быстро мелькают руки девушки, и длинные лоснящиеся огурцы наполняют последний ящик. Ожидая, когда Люда освободится, оглядываюсь вокруг. Под светом мощных ламп переливаются и горят радужными огоньками капли воды на сочных листьях салата. Теплый

— А как же, — отвечает девушка за всех. — Это уже новая норма, раньше было по 600 квадратных метров на человека, а работать стало легче. Почему?

Во-первых, помогла специализация, то есть разделение труда. Как на заводе, токарь вытачивает втулку, фрезеровщик — шестеренку, а слесарь-сборщик собирает готовую машину. Каждый знает только свое дело, но зато в совершенстве. Так и в теплице: одна выращива-

воздух напоен ароматом зелени, цветов, влажной земли. Застывшее зимнее солнце в туманной дымке, пушистый снег за стеклом теплицы кажутся далекими и нереальными в этом царстве влажного тепла, цветения, буяного торжества жизни.

Люда, поправляя косынку, рассказывает:

— Я работаю здесь недавно. Нравится. Сначала без привычки было жарко. Наверное, в Сочи так или в Батуми. Я, правда, не была там никогда. Родом я калининская, из деревни Григорово, есть такая в Сандовском районе. Там и закончила восемь классов, а потом два года училась в сельскохозяйственном ПТУ № 11, получила специальность плодоовощевода. Теперь здесь, на шестом комбинате. Комсомолка. Как все...

Люда перестает рассказывать, и в теплице становится тихо. Вот, пожалуй, единственное, что отличает комбинат от заводского цеха. Тишина... Кажется, что слышно, как раскрываются лепестки цветов, разворачиваются листья, как соки бегут по стеблю к тяжелым плодам. Люда не остается без дела: вынимает из кармана бечевку, начинает подвязывать молодые побеги.

Невысокая, легкая, две светлые короткие косички в разные стороны — Люда похожа на школьницу.

— ...Как все, — продолжает она и оглядывается. А всех и не видно. Потому что одна тепличница обслуживает тысячу квадратных метров площади.

— Справляетесь? — спрашиваю у Люды.

ет рассаду огурцов в торфоперегнойных горшочках, другая — помидоры, а девушки из других бригад — лук, агрономы готовят землю, подбирают и закалывают семена.

Во-вторых, помогла механизация и автоматизация.

ДЛЯ ЮНЫХ НАТУРАЛИСТОВ

Чтобы высадить рассаду, нужны хорошие грунты: три части торфа и одна часть земли, песка с добавкой удобрений. Правда, можно обойтись без грунтов. На помощь приходит гидропоника. В гидропонных теплицах огурцы и помидоры растут на голых камнях, на керамзите. К керамзиту подводится питательный раствор, и растения, проникая корнями в щели, пьют воду, набирают силу, плодоносят.

ДЛЯ ЮНЫХ ТЕХНИКОВ

Оператор нажимает на зеленую кнопку, и над полем с огурцами брызгает мелкий теплый дождик. Для того, чтобы дождик был питательным и подкармливал растения, оператор нажимает на синюю кнопку. И вот уже брызжет питательный раствор.

«Жарко! Да еще влажность воздуха 95%», — не успев я подумать, как что-то щелкнуло: распахнулась форточка. Сработала автоматическая система.

Оператор нажал красную кнопку — дополнительная подкормка углекислотой, желтую кнопку — в рассадном отделении вспыхнули

сотни маленьких солнц. Это «досвечивание», столь необходимое в тусклый зимний день прибывающим из земли росткам.

ДЛЯ ЮНЫХ ХИМИКОВ

Грунты пропаривают горячим паром или обрабатывают ядохимикатами. Стены и рамы теплиц опрыскивают, сжигают серные шашки.

Однако ученые стараются заменить химические методы борьбы с вредителями биологическими.

ДЛЯ ЮНЫХ БИОЛОГОВ

Ядохимикаты плохо действуют на человека, на окружающую среду. Когда в теплице завелся такой вредитель, как паутинный клещ, в лаборатории вырастили безвредного для растений клеща со сложным названием «Фитосейюлюс», выпустили его в теплицы, и вскоре вредитель был уничтожен: один клещ победил другого. Растения выздоровели.

ДЛЯ ЮНЫХ ИЗОБРЕТАТЕЛЕЙ

В теплицах везде стекло, тысячи квадратных метров стекла. Но оно, во-первых, дорого, во-вторых, хрупко, от колебаний температуры дает трещины и ломается. Заменяют его пленкой, но пленка рвется на морозе. Срочно нужен материал прозрачный, прочный, дешевый. Заменитель стекла должен пропускать только световые и ультрафиолетовые лучи.

ДЛЯ ВСЕХ ЧИТАТЕЛЕЙ, КОТОРЫХ ЗАИНТЕРЕСОВАЛ НАШ РАССКАЗ

...Фирма — хозяйство будущего. Сегодня она дает городу овощи, завтра — цветы, грибы, послезавтра фрукты, ягоды.

Нужны не просто рабочие руки, нужны специалисты, люди, преданные земле. А растут они вместе с фирмой.

Владимир Федорович Платонов — главный агроном совхоза «Колпинский», начал с занятий на станции юннатов Дворца пионеров. Теперь Владимир Федорович сам помогает юным друзьям из Дворца пионеров.

Комсомолка Надя Спиранскова — после десятилетки закончила СПТУ, работает тепличницей, учится на четвертом курсе сельскохозяйственного техникума, будет агрономом.

Посыпал снежок, синие сумерки опустились на землю, за окном вспыхивают полосы огней: одна, другая, третья... Это заступила вторая смена рабочих, ровным светом горят лампы в теплицах, горячая вода бежит по трубам, зреют томаты, поблескивают огурцы, матово зеленеет салат. Работа продолжается.

В. Тузов

Оформление Ю. Клыкова

А. Кушнер

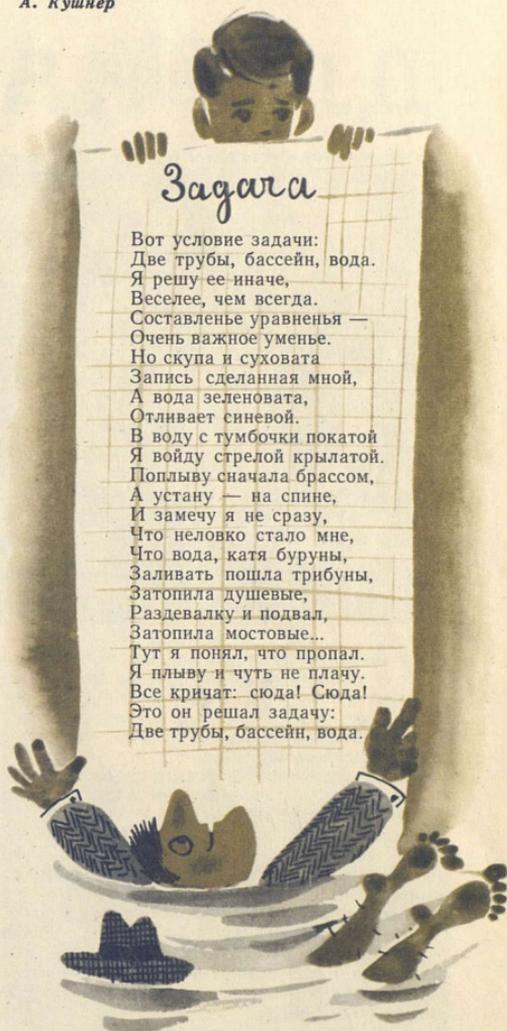

Рисунок
А. Харшака

Станислава
Флешарова-Мускат

ОБРАЗЕЦ ДЛЯ КАПИТАНА

Рисунки
А. Слешкова

У каждого в душе должно быть нечто. Нечто такое, о чем можно думать, с чем можно сверяться, равняться на это, черпать свои силы. Это нечто надо носить в своем сердце, согревать дыханием, беречь и лелеять, как самое драгоценное сокровище.

Потому что это и есть самое драгоценное сокровище, только его никто не видит и никто о нем не знает.

Цыпрек не обладал таким сокровищем.

У него не было ничего, о чем он мог бы думать, натянув одеяло на голову, когда Ева хотела еще читать и свет резал ему глаза. Она была старше брата всего на год, но училась двумя классами выше, так как ее приняли в школу раньше, и потому дома считалась авторитетнее, всегда во всем была права и имела решающий голос, даже в делах, которые ее вовсе не касались.

Ева могла читать, когда ему хотелось спать, но если у Евы слипались глаза, он должен же деле — романы, которые она прятала под подушкой, и, конечно, не могло быть и речи о том, чтобы она закрыла книгу, не узнав, поцелуются ли «они», наконец.

«Девочки очень глупые! — думал Цыпрек. — Кому какое дело, поцелуется кто-то или нет». — Он был уверен, что ни один мальчик из его класса не стал бы читать такие книги.

Если только Марек... Но он влюблен в Илью из 8«б», торчит на переменах возле того класса и идет в школу дальней дорогой, лишь бы встретить ее. Так что один Марек... И разве он обладает чем-то таким, о чем можно мечтать, что надо беречь — великим сокровищем, единственным, своим, принадлежащим только ему?

Пожалуй, нет.

Может быть, сокровище — почтовые марки, которые собирает Витек? Он с ними как бы путешествует, посещает далекие страны, гуляет по солнечным побережьям, летает на самолетах и плавает на кораблях, как отец Мартина, работник внешторга, — тот разъезжает по всему свету и постоянно жалуется, что устал, а ему все завидуют.

Марки?..

Цыпрек выпросил у Витека альбом и целый вечер рассматривал марки, а потом, — когда уже лежал в постели, а Ева снова читала с горящим от волнения лицом, которое не было бы, конечно, столь пунцовым, если бы она действи-

тельно читала «Дядю» Мицкевича, — долго думал о далеких странах. О прогулках под пальмами, о городах, где рядом с древними руинами высятся небоскребы, о виноградниках и оливковых рощах на склонах ласковых гор, о пустынях и пирамидах на фоне ярко-голубого неба.

Мечтать было приятно, но он не почувствовал себя от этого ни более сильным, ни более умным.

Каждый раз, когда он приходил к Мартину, его отец принимал какие-нибудь таблетки. От сердца, от желудка, от головной боли. Мартин ходил тогда на цыпочках и просил не шуметь, потому что отец только что вернулся из Лондона или Брюсселя, а раз даже сказал: прилетел из Токио. Мартин тогда побежал в аптеку, и Цыпрек вместе с ним, так, за компанию.

Так что померкли и путешествия. Цыпрек вернул Витеку альбом и начал ходить вместе с Анджеем на матчи. На футбол и хоккей.

Анджей играл в школьной команде и всякий раз, когда получал двойки по математике, говорил, что, пожалуй, посвятит себя спортивной карьере. Но когда он узнал, что спортсмены должны работать и учиться, он перестал говорить о спорте после очередной двойки, но по-прежнему не пропускал ни одного матча, и когда сидел на трибуне, затаив дыхание или крича во все горло в критические моменты, бросая вверх шапку, — он воображал себя то Гротыньским, вратарем «Легии», то Любаньским, нападающим из «Гурника», — он всегда был тем, кто побеждал, и потому был все время горд и счастлив. Он щедро делился этим счастьем с товарищами, и, наверное, ему было о чем мечтать, натянув одеяло на голову...

Цыпрек, однако, к спорту так и не приобщился.

Он тоже кричал во все горло на матче, когда все кричали, подскакивал на скамье и кидал вверх шапку, но вовсе не хотел быть ни Гротыньским, ни Любаньским, и уже совсем не имел желания мечтать об этом перед сном.

У него так и не было ничего за душой — того, что не спрячешь в карман, но на что не надышишься, самого дорогого, о чем всегда помнишь и что поддерживает тебя, если ты ослабеешь.

Он даже невзлюбил тех, кто этим обладал, вернее, он думал, что они обладают...

— Евка! — крикнул он. — Погаси сейчас же свет или я скажу маме, что ты читаешь!

— Говори, — пробормотала Ева.

— И скажу, увидишь! Обманываешь: наверху у тебя «Дядю», а под ними?..

— Беги и ябедничай! — презрительно фыркнула она. — Это на тебя похоже.

Конечно, теперь он уже не мог идти жаловаться. Она знала, чем его удержат. Кроме того, мама разнервничается, проснется отец, а он пришел с работы усталый, совсем усталый, как отец Мартина, когда вернулся из

Токио. Так что Цыпрек натянул одеяло на голову и стал считать слонов, чтобы поскорее уснуть.

Он досчитал уже до семидесяти трех, когда Ева заговорила:

— Вообще теперь уже недолго.

— Что недолго? — спросил Цыпрек, откидывая одеяло.

— Недолго тебе мучаться. Панна Марта сегодня сказала, что теперь уже наверное она выходит замуж. А у ее жениха есть квартира.

— Не может быть... — недоверчиво сказал он.

— Наверняка. Она ждала в кухне, пока закипит чайник, и рассказывала маме. У нее будет две комнаты и ванная.

— Не раз так уж было. Говорила, что выйдет замуж и освобождает комнату.

— Да, всегда у нее что-то срывалось. Но теперь это уж точно.

Панна Марта занимала в их квартире третью комнату, которую жилищный отдел обещал отдать им. Они так ждали этой комнаты, что, может быть, именно их нетерпение мешало пани Марте достигнуть цели.

— Не думайте об этом! — говорила бабушка, которая навещала их по воскресеньям. — А то еще девушка из-за этого вообще не выйдет замуж.

— Неужели ты так суеверна? — пожимала плечами мама.

Однако что-то в этом было, потому что счастливые обручения панны Марты расстраивались, и бесповоротно.

— Она сказала, что на этот раз наверняка, — повторила Ева. И торжественно добавила: — Я переберусь в ту комнату и перестану тебя мучать.

— Ты? — Цыпрек даже сел на кровати. — Ты получишь ту комнату?

Ева тихонько засмеялась.

— А то кто же?

— Конечно, отец!

— А почему отец?

— Но ведь та комната, в которой живут они с мамой, больше похожа на кладовку.

Ева подняла руки и поправила бигуди, на которые она на ночь накручивала челку.

— Они уже привыкли, — пробормотала она.

— Что значит привыкли? Каждому хочется удобств.

— Вот именно! Я хочу, наконец, иметь свою комнату, чтобы никто не лез в мои дела.

— И чтобы никто не видел, как долго горит у тебя свет?

— И поэтому тоже! Наконец-то я смогу принимать своих гостей.

— Каких еще гостей?

— Должна же я время от времени с кем-нибудь встречаться.

— А отец не должен? Он никогда никого не может пригласить. Даже на партию в шахматы, а он так любит играть!

— Столько лет не приглашал, и теперь не будет...

— Евка! Из-за тебя панна Марта снова замуж не выйдет. Увидишь!

— Дурак!

— Может, и дурак, но эта комната полагается отцу. Я буду голосовать, чтобы ее получил он.

— Никакого голосования не будет. Мама сказала, что получу я.

— Мама так сказала? Врешь!

— Спроси сам.

— Не верю! — крикнул он.

— Если еще раз так заорешь, мама проснетсся.

— Вот увидишь, увидишь, панна Марта замуж не выйдет! — злородно пробурчал он

— Можешь поцеловать меня в нос!

— Сама себя целуй. Погляди в зеркало, как ты выглядишь с этими бигуди!

— Зато завтра буду красивая. А сейчас меня никто не видит.

— Я же вижу!

— Ты не в счет.

Цыпрек отвернулся к стене и снова натянул одеяло на голову. Начал считать слонов, от семьдесят четвертого, но сон все не шел.

Евке комнате панны Марты.. Ничего себе! Утром за завтраком он все скажет отцу. Чтобы отец знал, что они обе задумали. Когда он, Цыпрек, надоедал Евке, то есть когда Евка надоедала ему, отец всегда говорил, что девочкам надо уступать. Что они слабые существа. Цыпрек догадывался, что отец говорил не только о Евке. Но действительно ли они так уж слабы?.. «Действительно ли они так уж слабы?..» — повторял он, уже засыпая, а утром ни о чем не вспомнил, проглотил свой завтрак и выскочил из дому, едва не опоздав в школу.

На переменах все говорили о капитане Клоссе, потому что вечером должны были показывать новую серию.

— Он переловит всех немцев, — говорил Витек. — Увидите!

— А я всегда боюсь, что с ним что-нибудь случится, — Мартин был очень впечатлительным. Не раз уж ему говорили, что он должен был бы родиться девочкой.

Анджей ткнул Мартина локтем в бок.

— Эх ты, трусишка! Чего ты боишься! С ним никогда ничего не будет.

— Откуда ты знаешь?

— Не может с ним ничего случиться, потому что тогда не будет следующих передач. Ведь это все выдуманно.

— Не совсем, — вмешался Цыпрек.

Все посмотрели на него.

— Что значит не совсем?

— Потому что выдуман только капитан, но то, что он делает в фильме, делали другие люди. И не всегда это кончалось так хорошо.

— Ты что, читал об этом?

— Отец рассказывал.

Прозвучал звонок, и разговор прервался, а после уроков все сразу разбежались по домам, чтобы успеть приготовить уроки до восьми часов.

О комнате панны Марты Цыпрек вспоминал за обедом. Вообще-то лучше бы ему было не касаться этой темы, а скорее убрать со стола и разложить на нем книжки, но он увидел завитую челку Евы и сказал:

— Мама! Ведь это неправда, что комната панны Марты достанется Евке?

Мама собирала тарелки, но остановилась и посмотрела на Цыпрека.

— А почему бы и нет?

— Вот видишь! — торжествующе рассмеялась Ева. — Видишь! А не хотел верить.

— Но это невозможно! Это несправедливо! — закричал Цыпек.

— Почему несправедливо? — спросила мать.

Отец зажег папиросу медленнее, чем обычно, голова его была опущена, и нельзя было увидеть его глаза.

— Потому что несправедливо! — повторил Цыпек, может быть, слишком громко.

— Только прошу тебя, не кричи! — сказала мать.

— Эту комнату должен получить папа! Она давно ему полагается! И в жилищном управлении тоже так считают.

— Не знаю, о чем думают в жилищном управлении, — мать снова начала собирать тарелки. — Комната будет принадлежать нашей семье, потому что у нас маленький метраж... И как мы разместимся, зависит только от нас. Ева через два года сдаст экзамены на аттестат зрелости, поступит в университет, и у нее появятся новые друзья. Девушка в ее возрасте должна иметь возможность вести соответствующий образ жизни.

— Ну что, говорила я тебе? Говорила?... — повторяла Ева. Глаза у нее блеснули. Уж не подмозгала ли она их снова, ведь как-то раз по этому поводу маму уже вызывали в школу.

— Говорила же я! — повторила она еще раз.

— Раз так, — закричал Цыпек, — то пусть лучше панна Марта не выйдет замуж!

— Цыпек! — тихо сказал отец.

— Да! Пусть лучше не выйдет замуж!

— Мама! — пискнула Ева. — Ты слышишь, что он говорит?

Мать направлялась на кухню с подносом, полным посуды. Она только пожала плечами, но это было еще хуже, чем если бы она начала кричать.

— Пусть себе болтает.

— Папочка! — Цыпек взглянул на отца.

— Спокойнее, — сказал отец, по-прежнему не отрывая глаз от папиросы. — Спокойнее.

Если бы мать успела тогда уйти, все бы на этом и кончилось — на триумфе Евки: тяжело, но уж лучше было бы так. Но мать на минуту задержалась в дверях и произнесла эти горькие слова:

— Мы давно могли бы иметь хорошую квартиру. Если бы ты не торчал возле этого водопровода.

Только тогда отец поднял глаза. Цыпек в эту минуту хотел бы не быть в комнате, не видеть его лица, не слышать его голоса, когда он сказал:

— А что ты имеешь против водопровода?

— Другие сумели занять лучшие должности.

— Но ты хочешь, чтобы в краях была вода?

— Какое это имеет отношение к делу?

Отец поблелел.

— Имеет. Кто-то должен это делать. Кто-то должен заботиться о том, чтобы из краев шла вода. У нас и в других домах. На всех этжах и во всех районах. Здоровая, чистая вода!

— Я тебя спрашиваю, какое это имеет отношение? — мать повысила голос, обернувшись и с грохотом поставила поднос на стол. — Знаю, что кто-то должен этим заниматься. Но почему именно ты? С твоим прошлым — разве ты не мог бы делать что-нибудь получше?

Отец погасил папиросу и сделал движение, как будто хотел встать из-за стола и уйти, уйти немедленно. Но остался сидеть и только сжал руки так сильно, что побелели суставы пальцев.

— Именно это было для меня самым лучшим и самым важным. Именно из-за прошлого я чувствовал себя обязанным позаботиться об этом. Оккупация и война кончились, и героизм и самопожертвование — все по-другому. Одни искали легких заработков, даже какие-то клады, закопанные в развалинах, а я искал испорченные водопроводы, чтобы их чинить, чтобы снова по ним потекла вода. Это мой долг городу. Я взял это на себя.

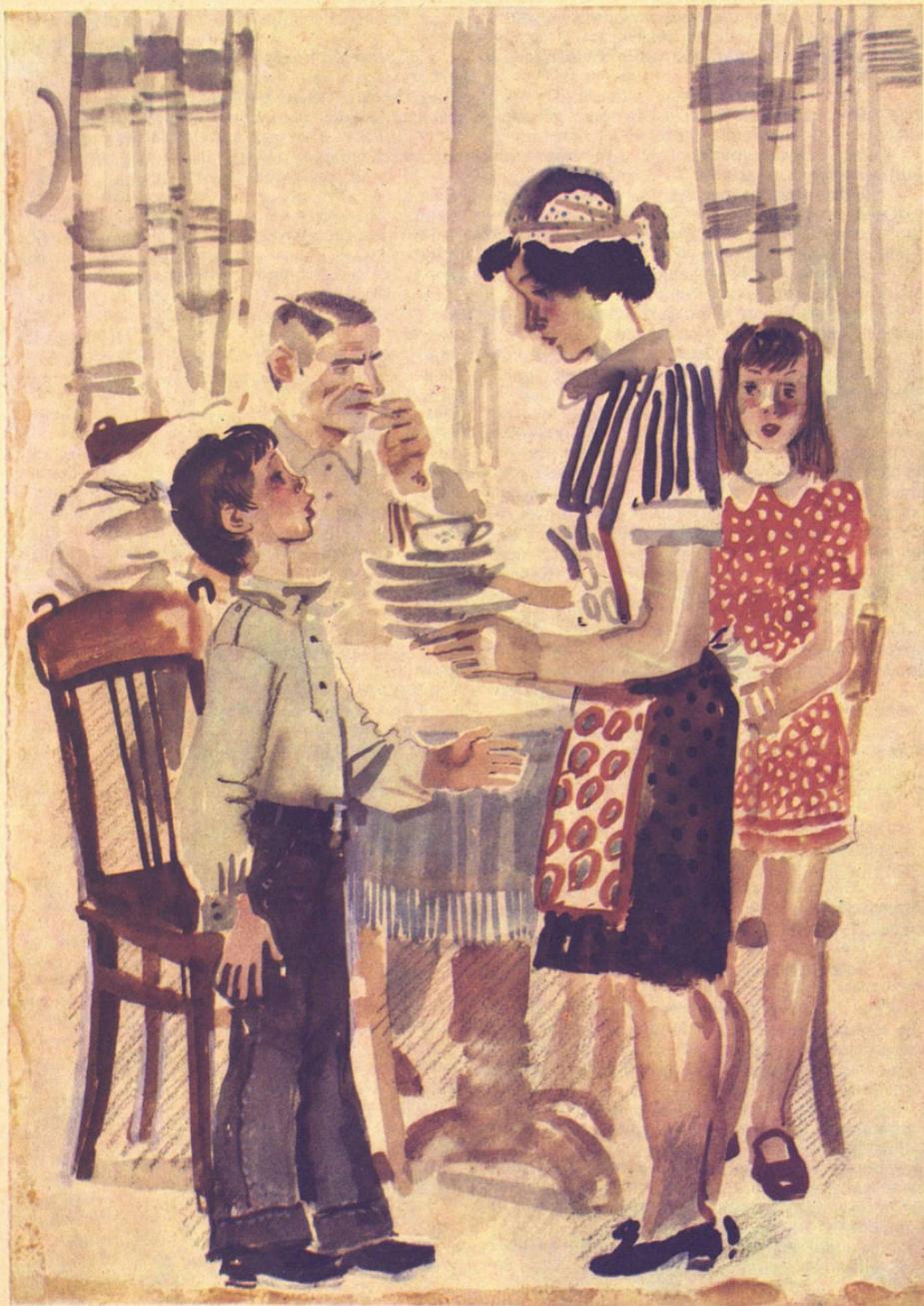
— Но у тебя есть обязательство и по отношению к своей семье, — мать сказала это очень тихо. Но Цыпек снова подумал, что лучше было бы оказаться сейчас не здесь и не слышать всего этого. Должно быть, Ева тоже так думала, потому что сидела, потупив голову, и даже ее челка, казалось, поникла. — Если долг в отношении семьи тебя не интересует, — голос матери звучал теперь совсем тихо, — то не надо было ее заводить.

Отец вскочил из-за стола, быстро огляделся вокруг, как бы не зная, что сделать, потом повернулся и кинулся в маленькую комнатку, похожую больше на кладовку, в которой он жил вместе с матерью.

В комнате стало так тихо, что транзистор панны Марты, которого никто никогда не слышал, показался вдруг громкоговорителем, включенным на полную мощность. Мать взяла поднос и, ни на кого не глядя, ушла в кухню.

Цыпек был уверен, что Ева сейчас примется упрекать его за то, что он начал этот скандал, и очень удивился, что она молчит. Ева по-прежнему не поднимала голову, и вдруг Цыпек услышал тихие всхлипывания, они доносились из кухни. Он почувствовал, что глаза у него на мокром месте и в носу заципало. Разумеется, он не заревел бы, как баба. Однако внутри, в груди, стало так больно, будто сердце хотело лопнуть, хотя он, читая об этом в книгах, всегда считал, что все это выдумки.

Боль не проходила. Неожиданно кухонная дверь с шумом распахнулась, мать прошла через комнату, отворачивая голову, чтобы никто не увидел ее лица, и скрылась в маленькой комнате. И только там она, наконец, разрыда-

лась. А Цыпек и Ева быстро разложили на столе свои книжки и притворились, что ничего не слышат, что совершенно не слышат, как мать целует отца и, плача, все повторяет:

— Зенон! Я вовсе так не думала! Честное слово, не думала. Что мне до этого, Зенон! Пускай другие зарабатывают сколько хотят! Меня это совершенно не волнует! Нам вовсе и не нужно. Только бы мы были все вместе! И были бы счастливы, как до сих пор. Ты любишь свою работу. А знаешь, каждый раз, когда я поворачиваю кран, я всегда радуюсь... Зенон, ты не сердись, Зенон!.

Отец что-то пробормотал, а Ева и Цыпек не поднимали носа от книжек, хотя ничего в них не видели, ни одной строчки. И действительно, что надо человеку, чтобы чувствовать себя счастливым? Мартину, вероятно, очень скоро надоест подаренный отцом мотоцикл, а новое платье Виськи, купленное в комиссионном, скоро выйдет из моды, и лучше, когда из моды выходит что-нибудь дешовое, а не дорогое... Кто же, у кого голова на плечах, с этим не согласится?

Дверь маленькой комнатки отворилась, родители прошли в кухню, мама начала мыть посуду, а отец принялся вытирать тарелки.

Ева, которая всегда стремилась занять своими вещами весь стол, сдвинула тетради и книги и улыбулась Цыпеку с какой-то удивительной, даже как бы немного робкой приветливостью.

— Пожалуйста, разложи свою карту так, как тебе удобнее.

— Спасибо! — Цыпек чуть ли не раскляпался. — Мне и так хорошо, не беспокойся.

Обмен любезностями и в кухне, и в комнате длился до вечера. А вечером все уселось перед телевизором и началось обычное шиканье и фыркание, если кто-нибудь начинал вертеться и мешать.

Капитан Клосс в этой серии был еще более смелым, чем обычно. Отважнейшим. И мудрейшим. И таким хитрым, что всех немцев перехитрил. Никто не мог с ним сравниться. И именно это не нравилось отцу. И когда капитан Клосс начал стрелять из-за стены, а немцы один за другим выбегали навстречу его пулям, отец сказал:

— Не были они такими дураками! И победят их было совсем не легко!

— Ой-ой, папочка! — взмолилась Ева. — Не мешай смотреть...

— Не были они такими! — упорствовал отец. — Пять лет весь мир не мог их победить! А поляков погибло шесть миллионов, ежедневно три тысячи. Знаете вы, что это такое — три тысячи убитых ежедневно?

— Перестань, дорогой, — сказала мама.

— Конечно, в один день погибло меньше, в другой больше, но борьба была нелегкой. Я хочу, чтобы вы понимали, она была трудной...

— Только не начинай сейчас рассказыывать! — закричала Ева, и Цыпек был почти

благодарен ей, потому что капитан Клосс в эту минуту как раз влез по пожарной лестнице на крышу фабрики, укрылся за трубой и стрелял в немцев оттуда.

Цыпеку вспомнилось, что сказал на перемене Анджей, и успокоился: с капитаном Клоссом ничего не случится, он не упадет с крыши, его не убьют, потому что, во-первых, он действительно отважнейший из отважных, а во-вторых, должны же появиться и следующие серии фильма.

Отец больше не открывал рта...

А неделю спустя случилось то, чего никто не мог предвидеть, — чудо, но так в самом деле и произошло.

После полудня Цыпек готовил уроки один, абсолютно один, потому что Ева пошла в театр на дневной спектакль. Вдруг он услышал, что перед домом останавливаются автомобили. Вообще-то это не событие, но среди хлопанья дверей машин и всеобщего гомона Цыпек явно услышал фамилию отца.

Он подбежал к окну и увидел два автомобиля с надписями: «Польский фильм» и «Польское телевидение» и нескольких мужчин, которые что-то спрашивали у дворника.

— Папочка! — крикнул он. — Это к тебе!

— Кто это ко мне? — спросил отец из маленькой комнаты.

У дверей уже громко звенел звонок. Очевидно, работники кино не привыкли ждать. Цыпек, не ответив отцу, кинулся в переднюю и широко распахнул двери.

И тут он увидел, что вся лестничная клетка заполнена ребятами и любопытными, потому что среди гостей из телевидения и киностудии был сам... у Цыпека подогнулись колени от неожиданного счастья... сам капитан Клосс, то есть артист Станислав Микульский!

— Здесь живет товарищ Зенон Кравчик? — спросил один из прибывших.

— Здесь... здесь!.. — Цыпек даже стал заикаться. — Входите, пожалуйста!

Он отступил в переднюю и, пятясь, не отрывая глаз от капитана, который ему улыбался. Только почувствовав за спиной дверь в маленькую комнату, Цыпек закричал громким голосом:

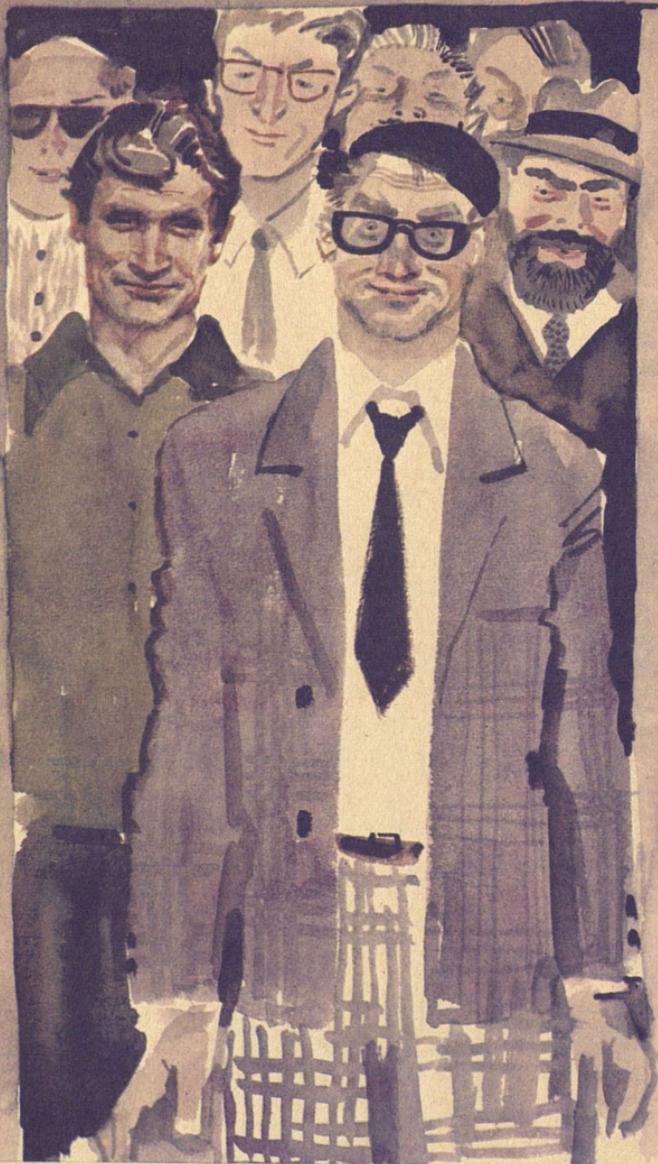
— Папа! К тебе приехали из телевидения и киностудии!

Видимо, отец прилег после обеда, потому что, появившись в дверях, он еще застегивал пиджак и приглаживал волосы, и все приглаживал и приглаживал, хотя они были, как всегда, аккуратно причесаны.

— Ко мне?.. Товарищи приехали ко мне?..

Из кухни вышла мама, поспешно сняла передник и швырнула его куда-то.

— Мы к вам, — ответил один из гостей. — Сейчас мы снимаем следующие эпизоды из серии о капитане Клоссе, и нас из военкомата направили к вам. Ведь это вы принимали участие в операции по освобождению семи пленных из Павяка?

— Да, я, — сказал отец. — Садитесь, пожалуйста. Чем могу быть полезен?

— Может, гости выпьют кофейку? — шепнула мать от двери.

— Пожалуйста, не хлопочите, нас слишком много, — сказал капитан Клосс, то есть Станислав Микульский, он был таким же, как на экране, даже еще симпатичнее, в зеленой рубашке с отложным воротником, на нем не было замшевой куртки, как на всех остальных мужчинах:

«Евка лопнет от злости, что ее как раз в это время не было дома», — подумал Цыпрек.

— Режиссер взял меня с собой, чтобы я мог увидеть настоящего героя, — сказал Микульский.

Мама громко глотнула слюну.

— Это вы о моем муже?

В дверях своей комнаты появилась панна Марта. Нос у нее был сильно напухлен, и на губах красовался толстый слой перламутровой помады.

«Надо поскорее запихнуть ее обратно в комнату, — подумал Цыпрек, — а то она, кажется, опять раздумает выходить замуж».

Мама, очевидно, подумала о том же, и сразу попросила панну Марту помочь ей приготовить кофе.

А мужчины за столом начали серьезный разговор. Все смотрели на отца и слушали внимательно, то чем он говорил, а один из гостей быстро вытаскил блокнот и стал записывать каждое слово.

Когда мама и панна Марта подали кофе, никто не обратил на них внимания, а когда Евка вернулась из театра, мама ее вообще не пустила в комнату, чтобы не мешать беседе.

Цыпрек повзрослел. Он не перестал быть восьмиклассником в поношенных брюках, но чувствовал, как день ото дня становится мужчиной, как его ровесники, которые много-много лет назад буквально в один момент перешли от детских забав к самым мужским и самым трудным обязанностям и делам.

Как когда-то его отец.

Правда, теперь отец не был похож на героя. Утром он укладывал кусок хлеба со шпиготом в свою старую военную сумку, садился в трамвай и ехал к своим водопроводам. За ним не приезжала машина, не отвозила его на работу. И возвращался он таким же образом, только его сумка была потоньше, ибо хлеб был съеден.

Но где-то там, вдали, в глубине времен, в памяти людей и города было все то, что отец когда-то сделал, что он когда-то совершил. Его героизм. Его упорство. Его ненависть и лю-

бовь. Ненависть к врагам и любовь к своей Отчизне. Все это было где-то, не переставало существовать, к этому можно было возвращаться, об этом можно было думать всегда, в любую пору, днем и ночью. И это был образец не только для многосерийного телевизионного фильма.

Нет, это был образец не только для капитана Клосса.

Панна Марта вышла замуж. На этот раз ни она, ни ее жених не передумали. Но квартиру, двухкомнатную квартиру с ванной и кухней они, оказывается, должны были получить только через четыре года, потому что жених совсем недавно записался в кооперативное строительство.

Жених перебрался в комнату панны Марты, и начались новые порядки. Он рано вставал, всегда весело напевая. Прежде каждый вылезал из своей постели мрачный, зевая во весь рот, — теперь же транзистор панны Марты... то есть пани Марты... рычал так, что багарен в нем дрожали и все квартиранты выскакивали из постелей, будто в них были смонтированы специальные пружины. Пан Роман руково-дил гимнастикой и регулировал пользование ванной.

— Какой милый молодой человек, — говорил отец.

— Было бы хорошо, если бы он убирал за собой в ванной комнате, — вздыхала мама.

Но пан Роман имел множество других достоинств.

Прежде всего он играл в шахматы!

Вечерами, вдвоем с отцом, они удалялись в комнату молодоженов, и тишина, прерываемая время от времени коротким бормотаньем, свидетельствовала о полном счастье партнеров.

Панна... то есть пани Марта вначале пробовала выказывать недовольство. Но после того как пан Роман на два вечера подряд исчез из дому, она стала сама предлагать ему сыграть партию после ужина.

А окончив очередную партию, пан Роман слушал рассказы отца. И это было второе, главнейшее достоинство, которым он обладал. Слушал, и глаза у него блестели. А Цыпрек думал тогда, что хорошо бы иметь старшего брата, который интересовался бы тем же, что и он, которого волновали бы те же вопросы и дела, что и его, Цыпрека.

А Ева по-прежнему допоздна читала по ночам, но теперь это не мешало Цыпреку, то есть абсолютно, совершенно не мешало.

Перевела с польского М. Еленская

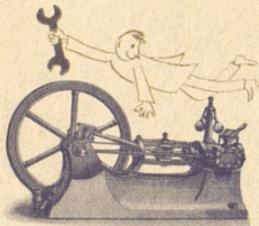

ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ НАУКИ

САМЫЕ ЛЕГКИЕ ЛЮДИ НА ЗЕМЛЕ

весили три килограмма...

Об этом рассказали советские ученые Гримак и Юганов в Баку на XXIV конгрессе Международной Астронавтической Федерации. Их доклад назывался «О психической модели пониженной весомости».

Сначала добровольцу внашивали под гипнозом, что он весит не семьдесят килограммов, а десять-пятнадцать. Потом вес испытуемого человека сбавляли до веса кошки — трех килограммов. Это гипнотическое состояние длилось около недели.

Крепкие здоровые дяди, убежденные, что они почти ничего не весят, работали, спали и ели под постоянным контролем ученых.

В организме самых легких людей на Земле происходили такие же изменения, как у космонавтов в состоянии невесомости.

Это-то и нужно было наблюдать исследователям. Ведь ученым о долгом действии невесомости на организм человека еще известно не все.

Сначала у испытуемых быстрее билось сердце — кровь тоже весила меньше, изменялся и состав самой крови. Потом, как и у космонавтов после периода привыкания, все приходило в норму.

Испытуемым нравилось быть легкими. Спали они в самых невероятных позах, например, задрев вверх невесомые ноги. И даже во сне продолжали улыбаться.

Работая, испытуемые могли по полдня сидеть на краешке стула, ведь чувство веса их тела исчезло.

После снятия гипноза они чувствовали себя так, словно неделю прожили в настоящем космосе на спутнике, а теперь возвратились на Землю. Даже бегать им было труднее — и ноги, и все тело потяжелели.

Во время испытаний ученые сделали много полезных наблюдений.

ТЕПЛОСТАНЦИЯ НА КОНВЕЙЕРЕ

Теплостанция — это несколько домов с громадными котлами, с турбинами, с высокими трубами, которые увидишь издали.

Теплостанция — это свет в нашем доме, горячая вода в батареях и кранах.

Раньше их строили так. Сначала для каждой станции делали свой проект — сотни расчетов, тысячи чертежей.

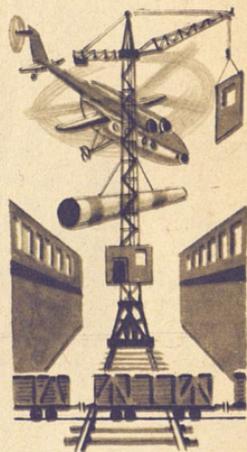
Потом на месте будущей станции появлялись кирпичный и цементный заводы, лесопилки, механические мастерские. Ведь сначала необходимо сделать множество бетонных и металлических конструкций, выпустить тысячи кирпичей, проложить дороги... А потом, когда станция была готова, надобность в заводах отпадала, и их ломали.

Теплоэлектростанции возводились годами...

Как строят теперь?

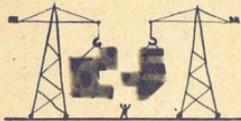
Конструкторы создали несколько проектов теплоэлектростанций: в зависимости от величины города и мощности его заводов и фабрик.

Все оборудование, все детали и механизмы зарав-

нее делают для будущих станций в больших городах. Точно в назначенный срок их грузят на платформы и везут к месту

стройки: из Белгорода — детали трубопроводов, из Таганрога — части котла, из Кировска — колонны и

панели для корпусов, из Ленинграда — турбины и генераторы.

А на месте стройки уже проложены рельсы — одна ветка прямо к будущему машинному залу, другая — к котельному отделению.

Двигаются огромные четырехногие гиганты-краны, вспыхивают огни электросварки, гудят тепловозы, а людей на стройке — совсем мало. И все потому, что огромный конвейер, растянувшийся по всей нашей стране, от заводов-изготовителей к стройкам, работает так же четко, как привычный конвейер в цехе.

Станции строят теперь за несколько месяцев. Денег сэкономлено миллионы.

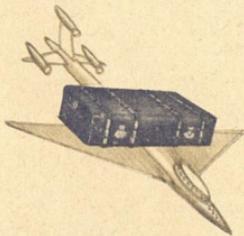
РЕГУЛЯРНЫЕ РЕЙСЫ „ЗЕМЛЯ — ОРБИТА — ЗЕМЛЯ“

будет выполнять космический аппарат «челнок». Это — и самолет и космический корабль сразу.

От самолета он возьмет треугольное крыло. В фюзеляже разместится кабина пилотов и большой грузовой отсек. В хвосте — три мощных ракетных двигательных установки.

Маршрут «Земля — орбита» «челнок» выполнит, как космический корабль. Пробив атмосферу, на высоте сорока километров он отбросит стартующие ускорители. Ускорители упадут в океан, и там их подберет специальное судно.

На орбиту 500 километров «челнок» может доставить груз в 11 тонн. Разгрузившись, он полетит на Землю, планируя в атмосфере на своих крыльях. Снизившись еще больше, пилоты запустят реактивные двигатели, долетят до аэродрома и совершат посадку.

Сорок-пятьдесят таких рейсов — и большая орбитальная станция переброшена в космос. А космический «челнок» рассчитан на пятьсот рейсов.

Первый его запуск планируется в 1978 году.

Об этом рассказал на том же конгрессе в Баку американский ученый К. Эрике.

АТОМНЫЙ ТЕЛЕФОН

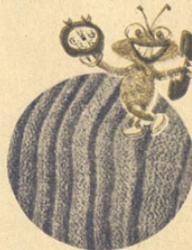
Недавно американские физики провели опытный сеанс связи с помощью атомного телефона. Поток элементарных частиц (мю-мезонов) из сверхмощного ускорителя, ко-

торый находился в штате Иллинойс, со скоростью света пронзил землю, и в ту же секунду сигнал, доставленный им, появился на специальном приемнике-установке в лаборатории на острове Таити.

Ученые уверяют, что скоро с помощью автономного телефона мы сможем передавать огромное количество информации на любое расстояние. Сигналы полетят сквозь горы, океаны, качество их будет всегда идеальным, а скорость — равна скорости света, то есть для земных расстояний мгновенна. Атомному телефону не нужны провода, он не боится метеопомех.

Сверхмощный атомный телефон будет дешевле равной по мощности радиорелейной станции. И именно с помощью такого телефона мы попробуем установить контакты с другими мирами вселенной. На это надеются многие ученые.

Оформление А. Януса

**ЗДРАВСТВУЙ,
ДОРОГАЯ РЕДАКЦИЯ!**

Я очень люблю птиц. Однажды утром я подошла и увидела воробья. Воробей дразнил со своим отражением в окне. Он несколько раз нырнул на своего «копирчика», но каждый раз отлетал, удеревшись о стекло, садился на ближний куст.

Отдавшись, воробей снова бросался в бой. Я хотела отогнать его от окна, но он не обращал на меня никакого внимания, снова храбро выдвинулся в бой. Вскоре воробей устал и полетел в школьный сад.

*Юлия Лобя,
с. Нертекас*

лет рано утром. А Шарик редко застывает во дворе или в конуре. Шарик — нинейная собака, но ее все любят. Мы построили ему конуру, коски ему постель. Шарик страшно расщепит. Голова у него абсолютно черная, шея балая, а туловище, лапы и хвост песчано-желтого цвета.

Теперь редко с собаками встречаемся. И больше всего Тика встречаетсся с кошками. Он дружит с несколькими кошками нашего двора. Он очень любит помидоры, рыбу и капусту.

Посветите мне, пожалуйста, что делать?

*До свидания.
Ирина Комиссарова*

Дорогая Ира!

Прежде всего — надо показать Типу ветеринару. Может быть, у него что-то болит и оттого он пищит, беспокоится.

Если ты возмывшь в библиотеке «квестера» № 12 за 1978 г. и прочитаешь статью В. Романова «Про Пиратта», то узнаешь, как надо воспитывать щенка.

Желаю тебе успеха!

**ДОРОГИЕ
«ЗЕЛЕННЫЕ СТРАНИЦЫ»!**

Я очень люблю птиц и животных. Зимой я подкармливаю птиц. Чаще всего в мою столовую прилетают воробьи и синицы. А летом люблюсь своими пернатыми друзьями. Многие птиц и животных в нашем месте я уже знаю. А какие птицы и животные водятся в других городах и селах? Может быть, ребята, которые любят животных и птиц, если захотят, напишут мне о них. Поместите в «квестера» мой адрес!

*Гаял Бардигишвили,
с. Ортузи Чхатишской области*

**ЗДРАВСТВУЙ,
ДОРОГАЯ РЕДАКЦИЯ!**

Мы хотим рассказать два рассказа.

Рассказ первый — про двух синиц. Как-то зимой мы с моей сестрой пошли в лес, чтобы поставить кормушки для птиц. У нас было задание наблюдать за птицами и смотреть, кто прилетит к кормушке. Когда укрепили кормушку, мы пригласили за деревьями. Спусти некоторых время на это место пришли два мальчика. И рады с нашей кормушкой повесили ловушку для птиц, и ушли, наверное, ставить другую ловушку. Мы подошли к нашей кормушке и стали читать две птички-синички и стали кушать конополь. Одна синичка, самая любопытная, юркнула в открытую ловушку, и дверца захлопнулась. Птица забилась в ялетке. Другая синичка тревожно перепаривала по веткам деревьев и громко кричала. Мы подошли и открыли ловушку, взяли синичку в руки. Она тихоно писнула. И тогда другая синичка срывом колючком свалилась нам под ноги. Распустив она крылья и хвост, синичка, словно подпрыгнула, припала по земле, подпрыгивая и немного прихрамывая. Удалившись на несколько метров, она вновь взлетела и бросалась под ноги. Мы отпустили помянутую птичку на волю. Влетела на ветку, синичка отряхнулась и запрогнала вместе с другой синичкой.

Рассказ второй — про нашего пса Джек. После долгой командировки наш папа вернулся домой. Джек, очень сочувствующий без хозяина, радостно встрети его и отозвался на шаг. Когда мы сели обедать, мама стала отсылать Джек на место. Джек опять повскакался, но вскоре опять вернулся к папе. Ему опять приказали вернуться на место, и так несколько раз. Наконец, когда его снова послали на место, Джек помчался на кухню, взял в зубы свой кормик, прыгнул и стоял, положив у ног папы и улетел довольный: приказ, мол, выполнен, но я все равно радом с хозяином.

*Черемных Елена и Аня,
г. Нижний Тагил*

**МНЕ ОЧЕНЬ НРАВИТСЯ ЧИТАТЬ
«ЗЕЛЕННЫЕ СТРАНИЦЫ».**

Лето и прожужу асетай в деревню, у бабушки. У нее есть кошка Мурка. В это лето я приехала и увидела котят. У них еще только раскрывались глаза. Один котенок мне очень понравился. У него расщепит, как у тигренка, поэтому его назвали Барсик. Он очень хорошо играл, журился: от солнца, прыгал. Когда я угодила в лес, то он играл с Муркиным хвостом. Мне очень нравятся животные, и особенно, те, которые очень дружны с человеком.

*Светлана Антонова,
Березки*

ЗДРАВСТВУЙ, КОСТА ТЕРИНИ!

С синбирским приветом к тебе Светлана Лена из Алтайского края, Романинского р-на, посела Тамбовка. Я хочу рассказать о наших ласточках, которые слетили себе гнездо у нас в сарае.

Однажды я заметила, что в сарае часто залетают и вылетают ласточки. Я поискала гнездо, но не нашла. Гнездо обнаружил мой папа, показал мне и предупредил, чтобы я не туда не заглядывала, не мешала им. Одно крыло я воздерживалась, но потом решила посмотреть. Одна ласточка с ласточкой вылетела, я не заметила откуда, а вторая сидела в гнезде и смотрела с испугом ко мне. Я не стала мешать им и ушла. А вечером, сидя на проволочке, самец расклевыв ласточку, помянутую только его сорочками.

На наши ласточек зелеными глазами смотрел кот. Не хочет ли он нас съест? Но мы не дадим ни о кому.

ЗДРАВСТВУЙТЕ!

У нас есть большое абрикосовое дерево. Летом, когда на дереве появляются абрикосы, мальчишки с нашей улицы лезут туда, чтобы сорвать несколько абрикосов, и при этом ломают ветки.

Я им говорю, что это некороршо, а им халпавет.

Вот и позачера позвела без моего разрешения. Прижму, а там большая ветка лежит на земле.

Мне прямо до слез обидно, такая она была большая, что смотреть было жалко.

Неужели мальчишки не поймут, что нельзя ломать ветки.

А ведь они уже в пионеры вступили, гасеткин бусет.

Но же будет уважать за деревьями, если не мы?

Ну, за своих сладенцами я уваживать не забываю.

С уважением
Алисурия Света, с. Арике

А что вы, наши читатели, думаете об этом?

ЗДРАВСТВУЙТЕ, «ЗЕЛЕННЫЕ СТРАНИЦЫ»!

У меня есть щенок. Его зовут Тип, Тика. Мама принесла его домой со двора. У меня маленького, желтого щенка. Но теперь у Тики расцветил другач. У него вокруг глаз черные кружочки, как очки. Тика таксоидориневый песик. Но только спина у него имеет цвет ризачичи. Он, когда маленький был, всего боялся и пшичал. Когда он немного подрос, у него это вошло в привычку. Он пищит ночью, но дает никому спать. Даже маленькой бабе, всего боялся и пшичал. Когда он немного подрос, у него это вошло в привычку. Он пищит ночью, но дает никому спать. Даже маленькой бабе, всего боялся и пшичал. Когда он немного подрос, у него это вошло в привычку. Он пищит ночью, но дает никому спать. Даже маленькой бабе, всего боялся и пшичал.

*Об оформлении
Е. Галеркиной*

СОСТЯЗАНИЯ

Раздается выстрел. Бок о бок, но не стремясь обогнать друг друга, мчатся два спортсмена. Стометровка позади, но ни один из спортсменов не коснулся грудью финишной ленточки. Ведь впереди еще преодоление двухсотметровой полосы препятствий, метание спортивной гранаты на меткость в круг диаметром 2 метра с расстояния 25 метров и... задержание нарушителя.

«При чем здесь нарушитель?» — могут спросить удивленные читатели. А при том, что соревнования эти особые. Их официальное название — Чемпионат СССР по военизированному многоборью дрессировщиков служебных собак. В них принимают участие команды спортсменов-дрессировщи-

ков со своими собаками служебных пород.

На трассе студент ленинградского архитектурного техникума Сергей Немцев и его собака эрдель-терьер Прауд. Сергей — опытный спортсмен. Он победитель 1-го Чемпионата СССР среди юношей. Поэтому так слаженно, вровень с ним бежит Прауд стометровку. По правилам соревнований собака не имеет права опередить дрессировщика больше чем на три метра.

переползания. Десять метров дрессировщик и собака должны проползти по-пластунски. Собака должна передвигаться на локтях, ее грудь — касаться земли. Иначе ей не засчитают очки, а могут и снять с дистанции.

Но и здесь Прауд не подкачал.

Следующий этап — гранатометание. Пока дрессировщик бросает гранаты, собака должна сидеть спокойно рядом, не подавать голоса, не отвлекать-

САМЫЙ ВЕРНЫЙ ДРУГ

Вот Сергей и Прауд перепрыгивают через штакетник, перелезают через забор, взбираются и спускаются по лестнице, пробегают по буму, перепрыгивают через окоп. Теперь наступает самый трудный момент состязаний, то, на чем даже бывалые спортсмены нередко теряют очки, — участок

ся. Но вот и это испытание окончено.

Осталось последнее. Появляется «нарушитель», одетый (для безопасности) в ватник с очень длинными рукавами. Он пытается «напасть» на дрессировщика, но собака мужественно вступает в схватку и предупреждает преступные

ОТСТУПЛЕНИЕ ПЕРВОЕ, ИЛИ НЕСКОЛЬКО СЛОВ О СОБАЧЬИХ ПРОФЕССИЯХ

О том, что собаки охраняют дом, разыскивают преступников, помогают пастухам охранять стада, охотятся на диких зверей и птиц, возят упряжки, работают поводырями у слепых, вы, конечно, знаете.

Слышали вы, наверно, и о собаках-подрывниках, которые во время войны с грузом взрывчатки бросались под фашистские танки, собаках-санитарах, выносивших раненых с поля боя.

А вот о новых собачьих профессиях вы можете и не знать.

В управлении «Таллингаз» работают несколько овчарок, которые легко обнаруживают утечку газа.

В английском министерстве авиации служат собаки, обученные тыскать самолеты, потерпевшие аварию.

В поисковом отряде Института геологии карельского филиала Академии наук СССР есть собаки-геологи. Они научились находить руду не только на поверхности, но и на глубине в несколько метров.

ОТСТУПЛЕНИЕ ВТОРОЕ, ИЛИ НЕСКОЛЬКО СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕРМИНОВ

Кинология — от греч. «собака» и «учение». Наука о собаках — изучает породы и происхождение домашних собак, разведение, кормление, дрессировку и использование их для охоты, в военном деле и для других служебных целей.

Экстерьер — от лат. «внешний, наружный» — внешний вид и телосложение животных.

Бонитировка — комплексная оценка племенной собаки.

Дрессировка — методы воздействия на животное с целью выработать и закрепить у него определенные (нужные человеку) действия и навыки в результате образования условных рефлексов.

намерения нарушителя. Тем временем дрессировщик уходит в укрытие. Собака остается один на один с врагом. Она должна его сторожить, но пока нарушитель стоит на месте, не имеет права к нему прикасаться. Как только он пытается бежать, собака набрасывается на него и не отпускает, пока не подоспеет дрессировщик. По первой команде хозяина пес должен отойти от нарушителя. За повторную команду снимаются очки.

В заключение собака должна проконвоировать нарушителя до условного места, не обращая внимания на посторонних, которые, как назло, попадают на пути.

Со своими испытаниями Сергей и Прауд справились успешно. Но не всем участникам чемпионата сопутствовало счастье. Некоторые собаки начинали бег еще до пистолетного выстрела, убегали в сторону от трассы, отказывались передвигаться по-пластунски и за это

После состязаний

Полоса препятствий

были сняты с трассы к великому огорчению их дрессировщиков. Только смелый, настойчивый, упорный и находчивый может добиться на соревнованиях хороших результатов. А трудности здесь самые непредвиденные.

Четыре года готовился к соревнованиям Игорь Ганжа, ученик 10 класса одной из ленинградских школ. Но вот за несколько месяцев до соревнований случилось несчастье.

На бивуаке

Участок переползания

Его собака Курт попала под машину.

Все думали, что после перенесенной травмы Курт, а следовательно, и его хозяин, не смогут принять участие в соревнованиях. Но Игорь и его учитель Владимир Иванович Ефремов не отходили от Курта день и ночь, сумели вылечить собаку, поставить ее на ноги и подготовить к соревнованиям. И хотя Игорь и Курт не заняли призового места, трибуны дружно им аплодировали.

Будущие бойцы

„ХОРОШО БЫ СОБАКУ КУПИТЬ“

— Запишите нас в очередь на собаку.

— А какую собаку хотите?

— Ньюфаундленда.

— Тогда ждать придется долго. Их у нас в клубе только два. Ньюфаундленды плохо поддаются сторожевой дрессировке. Это очень добрая собака. Она по природе — спасатель, а не сторож, и заставить ее наброситься на человека очень трудно.

— А если на меня нападут, она тоже не заступится?

— Может, и не заступится.

— А вот мой сын очень хочет кавказскую овчарку.

На пьедестале почета

— Это же прямая противоположность ньюфаундленду. Кавказец слушается только одного члена семьи, а на остальных может наброситься. Да и держать его нужно на улице, а не в городской квартире.

— Ну, тогда он дедушку зарыщет. Не подойдет.

— Так записать вас в очередь?

— Знаете, пока не надо. Мы ходим, подумаем, а потом еще раз зайдем...

Такие разговоры — не редкость в клубе служебного собаководства ДОСААФ. Выбирая собаку, надо учитывать не только ее внешние данные, но и характер. Смотреть, как соотнесится он с характером вла-

породы». Такой собаке, склонной к мечтательности и меланхолии, посвятил поэт Бунин одно из своих известных стихотворений. А другой поэт в нескольких строчках обрисовал характер длинношерстной колли: «Как впечатлительная натура колли; достаточно бывает слова, чтобы возликовал он или приуныл». Лоренц пишет о добродушии сенбернаров и ньюфаундлендов, мужественной и привязчивой натуре боксеров и эрдельтерьеров, подвижности фокстерьеров. Преданность и самоотверженность собак давно вошли в поговорку. Известны случаи, когда собака умерла на могиле своего хозяина.

Александр Иванович Куприн посвятил очерк сенбернару

Задержанно нарушителя

дельца. Известный австрийский исследователь поведения животных К. Лоренц в своих книгах «Кольцо царя Соломона» и «Человек находит друга» пишет о том, что собаки бывают шакальих и волчьих кровей. Если в собаке преобладает волчья наследственность, она очень независима и признает только одного хозяина. Смена хозяев причиняет ей тяжелую психическую травму. Собаки шакальих кровей ластаняся ко всем и с радостью бегут за первым встречным.

К. Лоренц дает несколько советов, как выбрать собаку: «Тем, кому нужна нежная и привязчивая собака, — я порекомендую ирландского сеттера или представителя какой-нибудь сходной длинношерстной

Барри, спасемому в Альпах сорок человек, застигнутых снежной лавиной. Этой собаке в Париже поставлен памятник.

Те, кто читал стихи В. Инбер о сеттере Джеке, никогда не забудут этого мужественного пса, который отказался выброститься с парашютом и погиб вместе со своим хозяином-летчиком.

Но всегда ли люди, которые хотят взять собаку, понимают, что берут на себя большие обязательства перед четвероногим другом, что преданность должна быть взаимной. К сожалению, не всегда. Иначе не бродили бы по улицам, по оставленным дачам одичавшие заброшенные собаки. Для того, чтобы этого не было, и ведет большую разъяснительную и

воспитательную работу клуб служебного собаководства.

КЮС

Клуб юных собаководов чаще всего организован при клубе служебного собаководства. Сюда раз в неделю приходят мальчики и девочки, которые любят собак. Клуб имеет свой совет и свой устав. По уставу вновь поступивший становится кандидатом в члены клуба. Он должен взять на воспитание щенка овчарки и вырастить его у себя дома. Когда щенку исполнится 9—10 месяцев, кандидат обязан передать его бойцам Советской Армии. После этого кандидата принимают в члены клуба. Теперь он может выбрать щенка любой породы и воспитывать его для себя.

Бывают, правда, случаи, когда мальчик или девочка, испытав трудности содержания животного, отказываются от желания иметь собаку. Таких никто насильно не удерживает. Большинство же становится верными друзьями собак.

Конечно, тяжело, очень тяжело расстаться с собакой, которую вынаничил, к которой привык, из-за которой страдал. Но ребята знают, что тренируемые обученные овчарки нужны нашим пограничникам, нужны стране. Вспомните фильмы «Джубарс», «Ко мне, Мухтар», «Черный волк... А чувства... Что же, учителям тоже нелегко расставаться со своими питомцами, когда они кончают школу!

В ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ЧЕМПИОНАТА, когда призеры были награждены и отзвонели фанфары, на поле появились пограничники. Те самые, которым члены КЮСа передали своих воспитанников — молодых овчарок. За год собаки успели подрасти и принести потомство. И вот пограничники привезли новых щенков на воспитание к ребятам. На стадионе состоялся акт торжественной передачи щенят, из которых юные собаководы воспитают верных стражей наших границ.

*Татьяна Никольская
Фото Илья Колтуна*

ЛЕТАЮЩАЯ МОДЕЛЬ ИЗ БУМАГИ

Бумажная модель, копия спортивной модели, хорошо летает.

Слои на бумаге должны быть направлены вдоль крыла, фюзеляжа, стабилизатора, лопастей винта. Склеивать советуем белым эмульсионным клеем. Прежде всего внимательно рассмотрите выкройки деталей, рисунки и представьте себе технологию сборки. Затем переведите и вырежьте все детали, сверьте их с чертежом.

Начните склейку с моторной части фюзеляжа (детали 1). Скрутите этот лист на круглом карандаше, в два слоя. Второй слой со штриховкой промажьте клеем и наклейте на первый. Хвостовая часть фюзеляжа (деталь 2). Сначала проведите притупленным шилом с помощью линейки по пунктирной линии, затем согните лист по этой линии вдвое. Передняя часть, где заштриховано, имеет цилиндрическую форму и вставляется на клею в моторную часть. В задней части устанавливают киль (деталь 3), после чего склеивают верхний шов. Стабилизатор (5) приклеивают на площадку сзади кия.

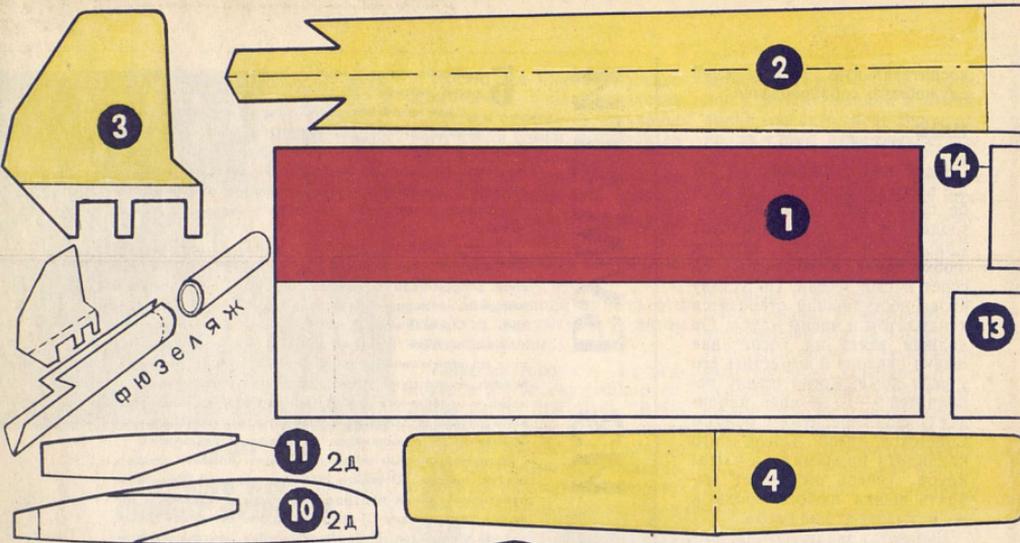
Вогнуто-выпуклый профиль крыла помогут создать щечки пилона. Отогните клапаны деталей (8 и 9) по пунктирной линии под прямым углом и приклейте детали к центроплану (5) по обе стороны от осевой линии, отступив по 5 мм. В месте приклейки центроплан примет профиль, указанный на щечке пилона пунктиром. Отогнув вниз клапаны на концах центроплана и консолях (дет. 6 и 7), приклейте консоли к центроплану, как показано на рисунке. Концы крыльев окажутся выше центроплана на 25 мм. Теперь крыло укрепите на фюзеляже, на расстоянии 70 мм от переднего обреза, а нижние крошки щечек пилона установите точно по горизонтальной продольной оси фюзеляжа. Передняя крошка крыла получится выше, чем задняя, на 1 мм.

Проследите, чтобы плоскости крыла и стабилизатора были перпендикулярны плоскости кия.

Чтобы уменьшить сопротивление в полете на планирование, лопасти воздушного винта складываются по бортам фюзеляжа, и самолет превращается в планер. Для изготовления винта понадобятся стальная проволока диаметром 0,5—0,8 мм для вала и ступицы и проволока 0,3 мм для пружинки, с помощью которой срабатывает стопор. Лопасти складываются всегда в одном положении. Сначала изгибают ступицу в виде буквы Z, к ней крепят вал (см. рис.) и запаивают. Комлевые части лопастей винта и боышку делают из липы, осины или соны. Лопасти, склеенные из деталей 10 и 11, вклеивают в прорезы деталей 12. После того как лопасти установлены на ступицу, поставьте пружинку стопорного устройства и целлулоидные шайбы, проденьте вал в боышку, согните крючок, на который будет надеваться резинемотор. В боышку со стороны резинемотора забейте гвоздик, чтобы в положении, когда мотор не натянут, винт не мог вращаться, так как крючок зацепляется за гвоздик. Если же мотор натянут, он оттягивает крючок, и винт свободно вращается. Носовую часть фюзеляжа усильте деталями 13 и 14.

Расстояние от переднего обреза фюзеляжа до штырька крепления второго конца резинемотора—125 мм. Для резинемотора требуется кусочек круглой резины длиной 240 мм. Концы свяжите двойной петлей и перевяжите узелок ниткой. Наденьте один конец резинемотора на крючок вала винта, а второй — на штырек.

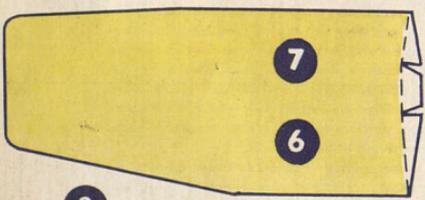
Центр тяжести (ЦТ) должен быть на расстоянии 95 мм от переднего обреза фюзеляжа. Вообще его располо-

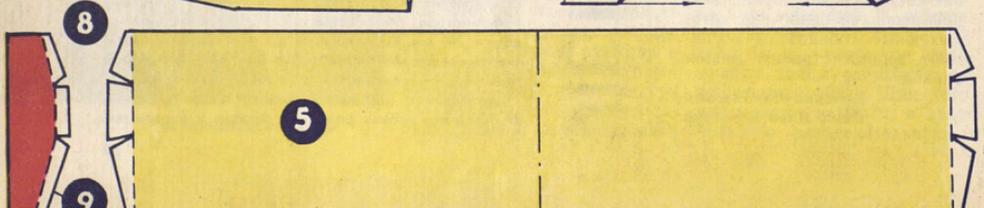
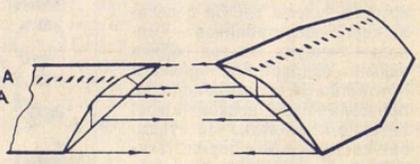
ВОЗДУШНЫЙ
ВИНТ

жение может быть под крылом, на расстоянии от передней кромки в сторону задней 20—25 мм. Теперь проверьте и, если есть, устранили перекосы крыла, стабилизатора и киля. Для запуска модель берут двумя пальцами за фюзеляж в ЦТ и легким толчком пускают вперед. С высоты 1 м она должна плавно пролетать 8—10 м. Добившись прямого и плавного полета на планирование, закрутите резиномотор за пропеллер на 80—100 оборотов и так же, как запускали на планирование, выпустите модель в полет, сначала отпустив винт. Если модель не будет набирать высоту, значит, слаб резиномотор. Сделайте новый резиномотор, состоящий не из двух, а из трех круглых резинок. Такой резиномотор можно закручивать, когда модель отрегулирована, на 200—300 оборотов. Не спешите при запусках. Перед каждым полетом проверяйте, чтобы не было перекосов крыла, стабилизатора, киля и чтобы обе лопасти винта имели одинаковый угол установки. Не пускайте модель сильным толчком: этим вы можете создать перегрузки и покоробить крыло, в таких случаях она «врезается» в землю.

Е. Мелентьев,
мастер спорта международного класса

СБОРКА
КРЫЛА

МАЛЯР

Он приходит спозаранку и несёт с собой стремянку, красит стены ярким цветом, красит сам себя при этом, красит лесенку свою, красит песенку свою.

Перевели с болгарского
Николай Голь
и Михаил Янов

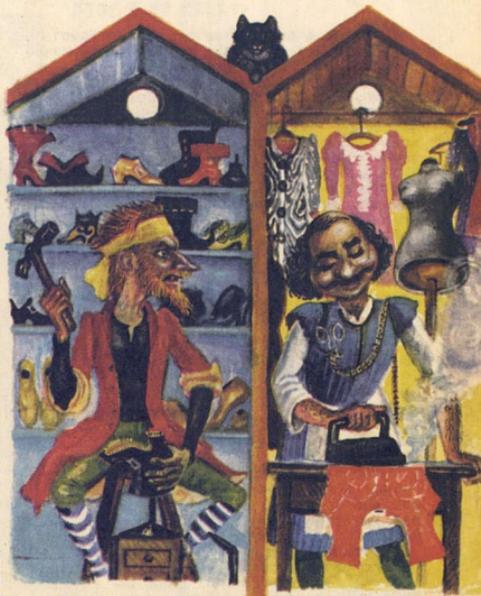
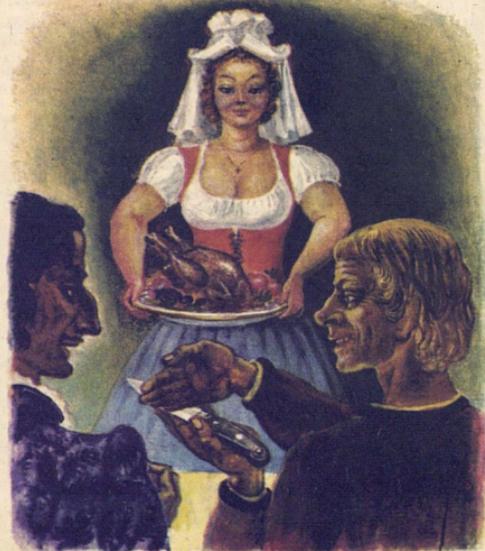
Рисунок А. Орлова

8

Хоть нынче сравнялось Мурзилке полвека, на взрослого он не похож человека. Как прежде, Мурзилка похож на мальчишку, что мчится по пёстрым страницам вприпрыжку. И наш Уголёк со страницы „Юстра“ кричит: „С днём рождения, Мурзилка! Ура!“

- А пожалуй, и подлиннее. Он раскрыл нож.
 - Вот такие!
- Тут как раз Жанетта и индюшку принесла.

САПОЖНИК И ПОРТНОЙ

У сапожника и портного лавки были рядом, даже одна стенка — общая. Из-за нее они и подали жалобу в суд.

4

ВЕСЕННЕЕ

Александр Шевелев

Однажды лопнут почки
и садовод услышит,
как заскрипит листочки
и снова сад задышит.
Из-под земли травинки
беспомощно торчат.
И лес,
как на картинке,
но только без зайчат.

Рисунок Т. Капустинкой-Хонен

СОЛНЦЕЛОВ

А. Крестинский

Припас я для Коли
Охотничью снасть.
Почупись в школе —
Охотничья власть.

Протрешь ты суконцем
Охотничью снасть —
Получишь над солнцем
Волшебную власть.

Ни львам, ни енотам
Беда не грозит,
Иная охота
Тебе предстоит.

Пока над силками
Мудрит птицелов,
Ты солнцем руками
Лови, солнцелов!

КАМЕНЩИКИ

Асен Разцветников

Посмотрите, что за парни—
это я и мой напарник:
на лунайке у реки
взяли в руки мастерки.
Пусть у нас на солнцепеке
обгорели нос и щеки —
раньше рос лопух кругом,
а сегодня вырос дом.
Стены выше, выше, выше—
от земли до самой крыши,
и на крыше — облака,
то-то крыша высока!

Портной, впрочем, был мужик покладистый, а вот сапожник — тот с норовом. Он вечно ругал то погоду, то правительство.

Их все же помирили. Выйдя из суда, они решили скрепить мировую добрым обедом в трактирчике. Уселись за столки, и сапожник заговорил о политике. Портной отвечал спокойно и рассудительно. О еде они тоже не забывали — уминали за обе щеки, а заодно и в сторону кухни поглядывали.

Принесли жареных рябчиков. Глаз у обоих мастеров наметанный — в момент разобрались, что один рябчик — жирный, а второй — так себе.

— Так вот! — продолжает свою речь сапожник. — Если бы я был в правительстве, — черт меня побери! — я бы всю Францию за одну неделю повернул, как это блюдо с рябчиками.

И поворачивает блюдо жирным рябчиком в свою сторону.

— Еще бы! — соглашается портной. — Одна беда — что ты не в правительстве. Придется бедной Франции оставаться такой, как была.

С такими словами он повернул блюдо в прежнее положение.

ДВЕ СВЕЧИ

Пришла старушка в церковь и купила две свечи. Одну свечку она зангла перед образом святого Михаила, а другую перед дьяволом, который корчился у святого в ногах. Заметил это кюре, проходивший мимо.

— Что же вы делаете, мать моя? Ведь вы вторую свечку поставили перед дьяволом.

— Ха! Господин кюре, если бы я знала, куда мне придется после смерти попасть! Лучше уж иметь друзей повсюду.

Перевел с французского Е. Андреев

Рисунок П. Швеца

ФРАНЦУЗСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

ЗАКРЫТЫЙ НОЖ

Один богач сдавал в аренду шесть хуторов. Каждый год на праздник святого Мартина крестьяне приходили к нему расплатиться. По обычаю хозяин оставлял их отобедать вместе с ним.

Вот так однажды обедал у него мужичок-арендатор и в разговоре сворачивал все больше на плохой урожай, думая, что может, удастся снизить плату за землю. Рожь-то совсем, дескать, никудышная уродилась, овсы редкие, репа не вззошла, морковку телтята съели. Пока жаловался, и обед кончился, во всяком случае, мужичку так показалось, потому что служанка ничего нового не приносила. Он звонко щелкнул своим складным ножом, закрывая его. Когда за деревянным столом глава семьи зашелкивает ножик — это значит: обед закончен. След за ним все закрывают ножи: сыновья, работники.

Тут хозяин ловно проснулся, взглянул на стол и сказал:

— А жареная индюшка? Жанетта, неси индюшку!

Мужичок так и застыл с закрытым ножом в руке. Открыть снова, значит, всю свою невоспитанность показать. Но ведь индюшка!

— Да, — говорит мужичок. — Вот только на дальнем поле пшеница вполне приличная, вот такие колосья!

Он взвесил ножик на ладони.

ИДЕТ ТУРНИР!

Борьба за выход в финал в разгаре, важные каждые пять очков. Будьте внимательны, рыцари!

Вот что несет пятый тур шахматистам.

А. Белые: Крг7, Фс5, п. б3; черные: Кра5, Сб5, пп. а7, б7, h7. Мат в 3 хода.

Б. Белые: Крс2, Ле4, п. г4; черные: Кра1, Лб6, пп. а2, г5, h6. Могут ли белые выиграть?

Шахматистам придется поломать голову над концовками победителей прошлых чемпионатов АРЧЕБЕКА.

А. (Виктор Кузнецов, Черлак). Белые: б2, б4, с3, д4, f6, h4, h6; черные: а5, б6, f2, f8, h2, h8.

Б. (Александр Терешонок, Хотинск). Белые: с3, с5, д4, е3, f2, g1, h4; черные: а5, д6, е7, f6, g5, g7.

В обеих концовках белые выигрывают.

С ТЕЛЕГРАФНОЙ ЛЕНТЫ

Штаб АРЧЕБЕКА объявил итоги Новогоднего конкурса «Костер» № 12, 1973. Победителями признаны рыцари, чьи решения такие, как в Бюро самопроверки «Костра» № 2. А призеров шахмат-адмирала выделил жребием. Счастливыми оказались:

шахматисты: Юра Мышев (с. Ульяновско), Сережа Попов (Чкаловск), Володя Ревухин (Чкаловск), Андрей Стариков (Пенза), Вася Тихонов (Канск), Сережа Чистов (Ленинград); шахматисты: Саша Денисов (Якутск), Олег Катков (Свердловск), Рома Пензнер (Ленинград), Володя Пудиков (Доброхотово), Вася Чурилов (Телегово), Юра Шакиров (Новомосковск).

КИОСК

„МГНОВЕННАЯ СПРАВКА“

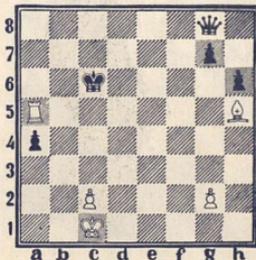
— Скольким пешкам равен по силе конь? Слон? Ладья? Ферзь?

— Если нет особых обстоятельств, то: конь — трем, слон — трем, ладья — пяти, ферзь — девяти.

ТРЕБУЕТСЯ СКОРАЯ ПОМОЩЬ!

«Когда я вижу задачу, где дается мат в несколько ходов, мне все понятно. А как решают эту?» — пишет Сеия Колотар.

В эту задачу — «Выиграш» (или — «Ничья»). Причем число ходов не назначается. Как же искать этот выигрыш?

На диаграмме этот Г. Ринка. Задача — белые выигрывают. Но как? Вель перевес в силах у черных! Значит, нужно найти такие ходы белых, которые приведут к их превосходству. А оно будет достигнуто, если «изловить» черного ферзя. Попробуем за ним поохотиться?

1. Ла8! Фа2. 2. Ла4! Фг8. 3. Ла8! Фh7. 4. Сg6. Фг6. 5. Ла6+ и ферзь забирается, после чего сомнений в победе белых нет. А как играть, если черные ходят ферзем по-другому, найдите сами.

ОРУЖЕНОСЦЫ, ШАГ ВПЕРЕД!

Внимание: боевое задание!

Играли Знай с Полузнаем. Фигуры Знай (белые) стояли так — Крг1, Фг3, Ц2, п. h2. А фигуры Полузнай вот как — Крб8, Фс7, Сс8, п. b7. Задумался Знай над ходом...

— Чего тут думать! — вскричал Полузнай. — У тебя и у меня одинаковые силы, значит, будет ничья. Согласен?

— Силы-то одинаковые, но стоит не одинаково, — возразил Знай. Затем он сделал ход и быстро выиграл.

Как же он пошел?

КТО? КТО? КТО?

Кто решит задачу Коли Коробкова (Барсуки)? Кто решит задачу Юры Башлыкова (Белово)? У Коли (№ 1) мат в 2 хода, у Юры — в 3 хода.

№ 1. Белые: Крб5, Фh1, Сg8, Кd3; черные: Кра1, Сb1, Кb3.

№ 2. Белые: Крг7, Лh2, Чb6, п. h3; черные: Крh5, пп. h4, h7.

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Задачи в «Костре» № 3 решаются так.

Идет турнир! Шахматы — А. 1. Фа1! Б. 1. Лg8! С:г8. 2. а8Ф+, слон 1.. Кра2, то 2. Лb8! Шапки — А. 1. b4! 2. cd2. 3. e7-4. c5X. Б. 1b4! 2. h2X.

Оруженосцы, шаг вперед! 1. Лh8! В силу грозмейстера. 1. Ле8+ Кf8. 2. Kh6+! Ф:h6. 3. Лf8+.

ПРИКАЗ № 5

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕКОМ, приказываю:

§ 1. Всем рыцарям и оруженосцам прислать рапорты (на открытках!) до 1 июля.

Шахмат-адмирал Ферзьберри

Рисунки Г. Ясинского

РАЗГОВОР ПИСАТЕЛЯ С АГРОНОМОМ

Как-то к Леониду Николаевичу Андрееву на дачу приехал молодой земской агроном. Писатель стал показывать гостю свою небольшую ферму, на которой он с увлечением трудился. Агроном оказался порядочным брюзгой и совершенно замучил литератора бесконечными наставлениями: то не так, это не эдак.

— Молодой человек, вы зря стараетесь, поучая меня, — прервал его наконец Андреев, — мне незачем слушать ваши рекомендации, мне достаточно и собственного опыта: ведь я разорил уже четыре такие фермы!

ОБМЕН МЫСЛЯМИ

Французские писатели Дюма-отец и Дюма-сын пользовались у своих соотечественников большой популярностью. Отец, прославленный автор «Трех мушкетеров», неодобрительно относился к слезливым и бездумным сочинениям сына и не упускал случая сделать в его адрес колкое замечание, наподобие такого:

— Я только что провел два часа в споре с моим сыном. Мы обменялись с ним мыслями, и в результате я ухожу совершенно пустым.

Рисунки
М. Беломлинского

НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ

— Какая несправедливость! — сказал как-то английский поэт Т. С. Элиот. — Приди я в банк с фальшивым чеком — меня арестуют. А вот в литературных журналах полным-полно насквозь фальшивых поэм, сочиненных банкирами!

СОДЕРЖАНИЕ

Дворец на краю земли <i>очерк В. Воскобойникова</i> рисунки М. Беломлинского . . .	1
История одного поиска, <i>рассказанная В. Того</i> <i>оформление А. Януса</i> . . .	2
Недопёсок <i>повесть Ю. Коваля</i> рисунки Т. Капустинной	7
Самое важное <i>репортаж Б. Алмазова</i>	21
Барабан <i>журнал юнкоров</i> <i>составители</i> В. Верховский и А. Питер	24

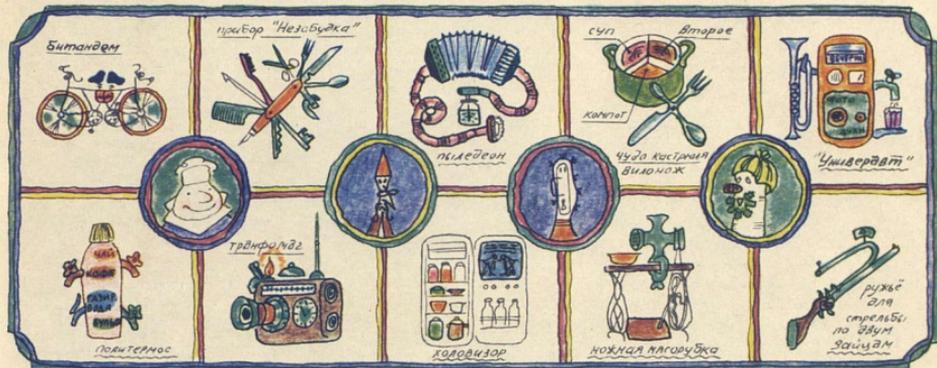
Морская газета	
Как Башмаков писал письмо <i>рассказы Б. Никольского</i> рисунки В. Топкова . . .	
Библиотека КОСТИ ТЕРКИНА Как я был в Ленинграде <i>рассказ В. Драгунского</i> рисунки М. Юлина . . .	
Мое любимое дело <i>токарь А. Кислицын</i> <i>рассказывает о себе</i> . . .	
Петергоф и Сан-Суси <i>очерк Л. Паршина</i> <i>оформление А. Харшака</i>	
Они—рабочие фирмы «ЛЕТО» <i>очерк В. Тузова</i>	

У домового Демьяна и звездочета Хуссейна собралась довольно обширная коллекция предметов и приборов, изобретенных и построенных ими самими. Правда, некоторые конструкции, по мнению Сиволапыча и Гнома-Гастронома, еще нуждаются в доработке, но зато на другие они советуют друзьям получить в патентном бюро авторское свидетельство.

С О М Е Т Ъ Б Ы Т ь , У В А С , Д Р У З ь Я , Е С Т ь И З О Б Р Е Т Е Н И Я , П О Д О Б Н Ы Е Э Т И М И Л И Е Щ Е Б О Л Е Е Н Е З В И Д А Н Н Ы Е ? П И Ш И Т Е , П Р И С ь Л А Й Т Е Ч Е Р Т Е Ж И . К О М П Е Т Е Н Т Н А Я К О М И С С И Я И З Ч Е Т ы Р Е Х И Т Р О У М Н Ы Х О Б И Т А Т Е Л Е Й С Т Р А Н И Ц Ы « З А С Е М ь Л Е Ч А Т Ы М И » Г О Т О В И Т Р А С С М О Т Р Е Т ь И В Ы С Т А В И Т Д Л Я В С Е О Б Щ Е Г О О Б О З Р Е Н И Я .

ЗА СЕМЬ ЛЕЧАТЫМИ

Составил и оформил В. Уфлянд

КРОССВОРД «Юннатский». Составил СЕРГЕЙ КАНДАЛОВ из Новых Бураков Саратовской области.

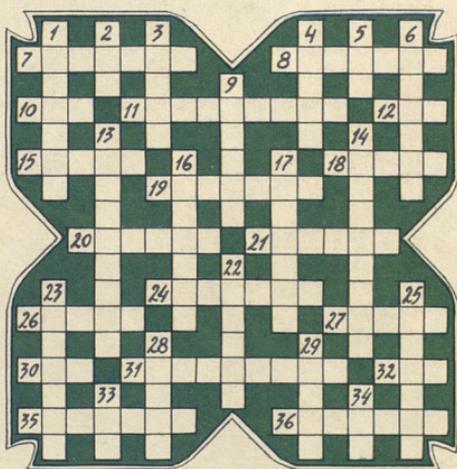
По вертикали: 1. Одна из самых распространенных птиц средней полосы. 2. Незасеянная пахта. 3. Род птиц отряда Куликов, семейства Ржанок. 4. Речная рыба сем. Карповых. 5. Крупная пресноводная рыба. 6. Самая маленькая птица. 9. Земноводное. 13. Сорт яблок. 14. Представитель семейства птиц отряда Воробьиных. 16. Человкообразная обезьяна. 17. След плуга. 22. Великий английский биолог. 23. Птица отряда Курниных. 25. Род птиц семейства Утиных. 28. Род птиц семейства Ястребиных. 29. Крупная ночная птица. 33. Пресноводная рыба семейства лососевых. 34. Подразделение в систематике растений и животных.

По горизонтали: 7. Специалист, изучающий растения. 8. Крупное млекопитающее. 10. Часть пищевода птиц. 11. Селекционер, последователь великого русского ученого. 12. Самое крупное млекопитающее. 15. Горная антилопа. 18. Ядовитая змея. 19. Ночная насекомоядная змея. 20. Метод научного исследования. 21. Пушной зверек. 24. Вечнозеленый субтропический кустарник. 26. Пушной грызун. 27. Ядовитое дерево о. Ява. 30. Покров млекопитающих. 31. Представитель семейства птиц отряда Воробьиных. 32. Техническая лекарственная культура. 35. Крупная водоплавающая птица. 36. Стадия развития насекомых.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАНИЯ № 4.

ЧАЙНВОРД: 1. Свияга. 2. Гарпун. 3. Унты. 4. Тычинка. 5. Камбуз. 6. Узбекистан. 7. Антрекот. 8. Отара. 9. Ракета. 10. Табак. 11. Аксиома. 12. Марабу. 13. Бузина. 14. Нарва. 15. Валторна. 16. Нарзан. 17. Анчоус.

КРОССВОРД «ЗАГАДКИ». По вертикали: 1. Книга. 2. Ночь. 3. Заяц. 4. Ложка. 5. Грамота. 7. Крапива. 9. Самовар. 14. Гранат. 16. Азбука. 18. Пылесос. 19. Трактор. 20. Стол. 21. Пила. По горизонтали: 5. Горох. 6. Замок. 8. Грач. 10. Паук. 11. Рак. 12. Огонь. 13. Брови. 14. Грابل. 15. Облака. 17. Наперсток. 22. Топор. 23. Глаза. 24. Компас. 25. Рябина.

Девиз выставки: СЛАВА ИЗОБРЕТАТЕЛЯМ.

Сонет—стихотворение, написанное ямбом, из двух четверостиший и двух трехстиший с определенной рифмовкой. Стихотворение Сиволапыча написано трехстопным анапестом. Из начальных и конечных букв строк, читая сверху вниз, можно составить призы: ПОСТРОИМ ПИЩАМ ДОМА. Произведение Сиволапыча называется АКРОСТИХ.

РАДИОГРАММЫ С КОРАБЛЕЙ ЭКСПЕДИЦИИ

«Многие корабли русского флота стали для царизма мятежными кораблями. А мы их называем кораблями революции... Их мятеж был делом справедливым.

Команда канлодки „Бурм“ (072), Одесса»

«Питкери — знаменитый остров. На нем в 1783 году поселились мятежные матросы с английского корабля «Баунти». «Баунти» вез с острова Таити в английские колонии саженцы хлебного дерева. Возмущенные жестоким обращением капитана, матросы взбунтовались. «Баунти» был сожжен и затоплен у острова Питкери.

Команда корвета „Коршун“ (№ 711), Ленинград»

«Мятежным кораблем можно назвать броненосец «Потемкин»...

Отряд „Четверо дружных“ (314), Челябинск»

Шхуна „Морская газета“ благополучно обогнула мыс Доброй Надежды и вышла в Индийский океан. Стояла прекрасная погода. Дул ровный пассат. На горизонте виднелось белое легкое облачко. Капитан Быстроходов склонился над картой, боцман Румпель стоял у штурвала, Робинзон перелистывал свою энциклопедию, Кан вдруг...

...КАН ВДРУГ

Как вдруг белое облачко превратилось в темное, а потом в черную гучу. Солнце померкло. Альбатросы замелькали над водой. Шхуна вздрогнула — ударил шквал.

— Ураган! — крикнул капитан Быстроходов и скомандовал убирать паруса.

Завыл ветер, океан вспенился. Молнии прорезали почерневшее небо. Затрещали мачты.

Шхуна плясала на гребнях волны, уносимая ураганом...

— СОС! СОС! — выстукивал ключом в радиорубке радист. — Вода в трюме! Вышел из строя насос. Нас несет на юго-восток в сторону острова Кергелен... Боцман Румпель...

На этом связь со шхуной оборвалась...

ВСЕМ ЭНИПАНАМ ЭКСПЕДИЦИИ „ВОКРУГ СВЕТА“

1. Собраться в точке рандеву № 5 — гавань Порт-о-Франс [остров Кергелен].
2. Срочно начать поиски шхуны «Морская газета» в радиусе 100 морских миль от острова Кергелен. Сообщить обо всем, что вы встретите интересного во время поисков.
3. Сообщить о приметах перемены погоды: что может указывать на усиление ветра!

Оформление А. Курушина

Главный редактор С. В. Сахарнов

Редакционная коллегия: Т. В. Захарова, Л. С. Кокорина, А. И. Пантелеев, Л. Н. Пожидяева, Р. П. Погодин, Е. В. Серова, Н. И. Славков, Н. В. Терехинская (зам. секретаря), В. В. Торолыгин, Н. А. Ходза, Г. М. Черныякова, Ю. А. Юркан (зам. редактора)

Художник-редактор М. С. Беломлинский

Технический редактор В. И. Мецатпунова

Корректор В. А. Маевская

Адрес редакции: 190015, Ленинград, С-15, Таврическая, 37, телефон 14-57-76. Рукописи и фотографии не возвращаются.

М-28112. Слано в набор 5/II 1974 г. Подписано к печати 29/III 1974 г. Формат 60×90 1/4. Печ. л. 8+обл. 8.8 уч.-изд. л. Тираж 550 000 экз. Заказ 2169. Цена 25 коп.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 197101, Ленинград, П-101, Кронверкская ул., 7.